

**Муниципальное учреждение культуры
«Централизованная библиотечная система города Ярославля»
Центральная библиотека им. М.Ю.Лермонтова**

Лермонтовский свет на Ярославской земле

**Материалы Лермонтовских чтений.
Избранное**

Ярославль 2010

СОДЕРЖАНИЕ

1-е Лермонтовские чтения «Лермонтов и Ярославская земля»

1. Учитель Михаила Лермонтова Алексей Зиновьевич Зиновьев – профессор Ярославского высших наук училища и лицея / *Егоров Станислав Александрович, доцент ЯрГУ им. П. Г. Демидова* _____ 5
2. Работа Ф. Е. Шишигина над спектаклем «Печорин»: (Театр им. Волкова 1964/65) / *Соколова Людмила Борисовна, зав. музеем театра им. Ф. Г. Волкова* _____ 8
3. М. Ю. Лермонтов и К. Ф. Опочинин. К вопросу о прототипе Печорина / *Кистенева Светлана Владимировна, ст. науч. сотрудник Угличского историко-художественного музея* _____ 12
4. К биографии Дмитрия Черемисинова / *Полякова Ольга Борисовна, сотрудник Угличского историко-художественного музея* _____ 15
5. Лермонтов и Черемисинов на Кавказе / *Третьякова Татьяна Анатольевна, историк-архивист, ведущий методист Угличского филиала Государственного архива Ярославской области* _____ 20
6. У ног красавицы. Михаил Лермонтов и Эмилия Мусина-Пушкина / *Ермолин Евгений Анатольевич, профессор ЯГПУ им. К. Д. Ушинского, доктор педагогических наук, кандидат искусствоведения* _____ 23
7. Ярославский след «загадки Н.Ф.И.» Неразделенная любовь М. Ю. Лермонтова к Н. Ф. Ивановой / *Нестерова Мария, учащаяся школы №77, 11 «А» класс* _____ 28
8. Первый в России Памятник М. Ю. Лермонтову в Пятигорске / *Зенкина Ирина Ивановна, зав. Домом-музеем А. М. Опекушина, с. Рыбницы Ярославской области. (по материалам доклада М. Ф. Дамианиди, зав. отд. науч. пропаганды Государственного музея-заповедника М. Ю. Лермонтова в г. Пятигорске)* _____ 31
9. Николай Юрьевич Лермонтов – ярославский архитектор / *Белова Марина Юрьевна, ст. науч. сотрудник Музея истории города Ярославля* _____ 39
10. Митрополит Ярославский Иоанн (Вендланд) из рода Лермонтовых / *Волков Ярослав Викторович, сотрудник Отдела религиозного образования и катехизации Ярославской епархии* _____ 42
11. Нравственно–философские аспекты творчества Лермонтова и Достоевского: богоискательство и идея вседозволенности / *Фролова М. В., аспирантка ЯГПУ им. К. Д. Ушинского* _____ 48
12. «Выхожу один я на дорогу...» / *Сударушкин Борис Михайлович, член Союза писателей России, зам. главного редактора журнала "Русь" (пос. Семибратово)* _____ 51

2-е Лермонтовские чтения «Россия Лермонтова»

13. Память любви, память земли: Михаил Лермонтов, Наталья Иванова-Обрескова, Варвара Лопухина-Бахметева / *Белов Д., учащийся школы № 69, 9 «А» класс Научные руководители С. Н. Вельковский, М. Н. Лебедева* _____ 55
14. С нами Бог! Музыкальное наследие священника и композитора Василия Зиновьева / *Дерен О. В., представитель Благотворительного фонда священника и композитора В. Н. Зиновьева* _____ 61
15. Ярославская усадьба профессора Зиновьева / *Землянская Наталья Сергеевна, историк-краевед, член президиума городского отделения ВООПиК* _____ 64
16. Лермонтов как непосредственный предтеча и «учитель» Некрасова / *Николай Николаевич Пайков доцент кафедры русской литературы ЯГПУ им. К. Д. Ушинского* _____ 68

3-и Лермонтовские чтения
«Мир Лермонтова»

17. «Лермонтов – мучитель наш»: литературоведческое эссе поэта Константина Васильева. / *Поморцева Галина Ивановна, заведующая квартирой-музеем К. Васильева в пос. Борисоглебском* _____ 72
18. Вечный спутник. Влияние Лермонтова на творческое становление нашего современника – поэта Константина Васильева. / *Васильев Илья Геннадьевич, член комиссии по литературному наследию К. Васильева* _____ 78

4-е Лермонтовские чтения
«Страницы прошлого читая»

19. Последний из Лермонтовых в Ярославле / *Недорезов Борис Николаевич, историк-краевед* __ 79
20. Ярославец – лауреат премии Лермонтова / *Кемоклидзе Герберт Васильевич, Ярославская организация Союза писателей России* _____ 81

5-е Лермонтовские чтения
«Я жил века...»

21. «Луч света». Маргарита Михайловна Уманская / *Ваняшова Маргарита Георгиевна профессор, доктор филологических наук, академик РАЕН, зав. кафедрой литературы и искусствознания* _____ 82

6-е Лермонтовские чтения
«Его отчизна в небесах»

22. Главный хранитель / *Коваленко Александра Ивановна, заведующая мемориальным отделом Государственного музея-заповедника М. Ю. Лермонтова в Пятигорске* _____ 84

7-е Лермонтовские чтения
«Волшебным словом пробужденный»

23. Отражение поэзии Лермонтова в стихах Константина Васильева / *Кормилов Сергей Иванович, доктор филологических наук, профессор филологического факультета МГУ* _____ 89

8-е Лермонтовские чтения
«Кто близ небес, тот не сражен земным»

24. Бывал ли Лермонтов в Ярославском крае: размышления ярославского писателя, краеведа и библиотекаря Бориса Павловича Комарова / *Блохина Ирина Витальевна, заведующая библиотекой-филиалом № 13 имени Ф. М. Достоевского муниципального учреждения культуры «Централизованная библиотечная система города Ярославля»; Калинина Елена Анатольевна, заведующая отделом читальных залов библиотеки-филиала № 13* _____ 95
25. М. М. Уманская и ее монография «Лермонтов и романтизм его времени» / *Скафтымова Людмила Александровна, доктор искусствоведения, профессор Санкт-Петербургской консерватории* _____ 99
26. Учитель, перед именем твоим... Страницы жизни профессора Иванова Анатолия Николаевича / *Баранов Владимир Николаевич, кандидат геолого-минералогических наук, доцент*

9-е Лермонтовские чтения
«И звезды слушают меня...»

27. Палеонтолог из рода Лермонтовых / *Баранов Владимир Николаевич, кандидат геолого-минералогических наук, доцент Ярославского государственного педагогического университета имени К.Д. Ушинского, заведующий геологическим музеем имени профессора А.Н. Иванова ЯГПУ* _____ 108
28. Скульптор из рода Опекушиных. Александр Васильевич Курпатов / *Зенкина Ирина Ивановна, зав. Домом-музеем А. М. Опекушина, с. Рыбницы Ярославской области.* _____ 110
29. Профессор А. Н. Иванов: в преддверии юбилея / *Мурзо Галина Владимировна, кандидат педагогических наук, доцент кафедры русской литературы факультета русской литературы и филологии Ярославского государственного педагогического университета имени К. Д. Ушинского* _____ 113

1-е Лермонтовские чтения «Лермонтов и Ярославская земля»

**Учитель Михаила Лермонтова Алексей Зиновьевич Зиновьев –
профессор Ярославского высших наук училища и лицея**

*Егоров Станислав Александрович,
доцент ЯрГУ им. П. Г. Демидова*

Будем любить и потомков, как современников,
будем жить для них и в них; будем в них видеть
продолжение бытия нашего; будем в поте лица
возделывать землю, дабы от плодов её насытилось
грядущее поколение...

А. З. Зиновьев

В 1830 году в Ярославское высших наук училище был назначен профессором словесности древних языков и русского красноречия магистр свободных наук Алексей Зиновьевич Зиновьев. Ярославское учебное заведение, основанное в 1803 году по инициативе и на средства ярославского дворянина, статского советника Павла Григорьевича Демидова, имело статус университета, поэтому состоять его профессором могло только лицо, обладающее ученой степенью магистра или доктора. А.З.Зиновьеву степень магистра была присуждена в 1827 году Московским университетом в результате защиты диссертации по монографии «О начале, ходе и успехах критической российской истории». Это было историческое исследование. Вообще, А.З.Зиновьев проявил себя как ученый с широкой научной эрудицией, но наиболее ярко заявил о себе как теоретик словесности и педагог.

Родился он в Москве в 1801 году. По имеющимся сведениям относительной точности происходил из мещан. Гимназии он не кончал. Образование, вероятно, получил в Московском воспитательном доме, при котором имелись специальные классы для наиболее одаренных воспитанников из числа сирот и детей бедняков для поступления в Московский университет. Заметим, что как в 18-ом веке, так и в первой трети 19-го столетия главный университет России был всесловным учебным заведением. Поэтому мещанское происхождение А.З.Зиновьева не могло служить препятствием для зачисления в состав его студентов. И в 1818 году он был принят на отделение словесных наук университета. Ему открылась счастливая возможность слушать лекции профессора А.Ф.Мерзлякова, известного поэта, эстетика, автора ряда популярных романсов и песен («Среди долины ровныя» и др.)

Эти лекции, содержавшие подробный разбор литературных сочинений М.В.Ломоносова, Г.Р.Державина, Н.М.Карамзина, В.А.Жуковского, А.С.Пушкина, возбудили в А.З.Зиновьеве беззаветную любовь к поэзии, стремление к научному постижению ее тайнств. Небезынтересно отметить, что вместе с ним лекции А.Ф.Мерзлякова слушал его однокурсник Ф.И.Тютчев.

В 1821 году А.З.Зиновьев окончил Московский университет и в 1823 году получил назначение на должность учителя русской словесности и латинского языка в Университетский благородный пансион. Это назначение следует расценивать не иначе как почетное. Благородный пансион был сугубо дворянским учебным заведением. Его программа превышала гимназическую. Обучение в нем было платным. Определение А.З.Зиновьева на службу в это престижное учебное заведение, видимо, связано с тем обстоятельством, что он к этому времени высоко зарекомендовал себя как домашний учитель. Наверное, многое значили в этом плане рекомендации влиятельных дворянских семейств. Кроме русской словесности и латинского языка А.З.Зиновьев преподавал в

пансионе историю, по-прежнему давал уроки на дому, выражаясь современным языком, занимался репетиторством.

В качестве домашнего учителя в доме Арсеньевых он готовил тринадцатилетнего М.Ю.Лермонтова к поступлению в Университетский благородный пансион. Давал ему уроки по русскому, латинскому языку, истории и географии. В 1827 году М.Ю.Лермонтов становится воспитанником этого учебного заведения. А.З.Зиновьев продолжает с ним заниматься уже как преподаватель пансиона. Но одним преподаванием дело не ограничивалось. Он состоял как бы главным наставником М.Ю.Лермонтова, контролировал и направлял весь ход его обучения, определял круг преподавателей, которые вели с ним занятия. Словом, был в пансионе наиболее близким ему человеком, которому можно было доверить самые сокровенные тайны души. В 1828 году М.Ю.Лермонтов познакомил учителя с первыми стихотворными опытами, которые получили одобрение с его стороны.¹ А.З.Зиновьев с этого времени всячески способствовал развитию поэтического дарования своего воспитанника, делился с ним своими мыслями о таинствах поэзии, которые в последующем получили дальнейшее развитие в его теоретических трудах. Известный литературовед Л.Н. Гроссман, глубоко исследовавший литературное наследие А.З.Зиновьева, пришел к выводу, что как теоретик словесности и литератор, проявивший большой интерес к современным проблемам поэтики, А.З.Зиновьев оставил заметный след в литературном развитии М.Ю.Лермонтова. Исследователь отмечал, что каждое стихотворение по Зиновьеву должно быть проникнуто музыкой и воздействовать на читателя силою звука и мелодии. По мнению Л.Н.Гроссмана², зиновьевское сравнение поэзии с «музыкой без текста», действующей исключительно силою звука и мелодии, помимо всякого словесного объяснения, легло в основу поэтики М.Ю.Лермонтова. Действительно, стихи великого поэта потрясают и врачуют души прежде всего своей внутренней музыкой, внутренним светом, глубиной и обнаженностью поэтического чувства. Вспомним его знаменитую «Молитву»:

В минуту жизни трудную
Теснится ль в сердце грусть:
Одну молитву чудную
Твержу я наизусть.

Есть сила благодатная
В созвучье слов живых,
И дышит непонятная,
Святая прелесть в них.

С души как бремя скатится
Сомненье далеко –
И верится, и плачется,
И так легко, легко...

Как все просто, и какая просветляющая душу красота! А.З.Зиновьев во многом, наверное, прав. Сила поэзии, магнетизм ее воздействия не в красивой внешности выразительных средств, не в наборе метафор и эпитетов, а в таинстве поэтического откровения, постигаемого внутренним зрением. Привитие любви к поэзии, умение отличать подлинно поэтические творения от поделок, относящихся к разряду рифмованной прозы, должно идти на наш взгляд, именно путем развития этого внутреннего зрения, а не акцентирования внимания на внешних красотах стиха. Не они главенствуют в поэзии.

В 1830 году учитель и ученик расстались. А.З.Зиновьев переехал в Ярославль. Ярославское высших наук училище, начинавшее свой исторический путь под эгидой Московского университета, к этому времени было вполне самостоятельным учебным заведением. Однако, в 1833 году с его самостоятельностью было покончено. Преобразованное в лицей учебное заведение вновь причислялось к ведомству Московского университета. Его советом избирались директор и профессора лицея. Учебному заведению придавался камеральный профиль, ему предназначалось приготовление камералистов, т.е. чиновников для службы в сфере управления государственными

имуществами, вся совокупность которых охватывалась общим понятием *камера*. Идея камерализации образования имела немецкое происхождение. Эта концептуально не обоснованная перестройка на немецкий лад облекала учебное заведение имени П.Г.Демидова на хроническое недомогание, поскольку в его учебном плане искусственно соединялись не имеющие внутреннего единства дисциплины, чем порождалась общая и специальная недоученность выпускников. Но профессора лицея, в их числе А.З.Зиновьев, всемерно старались своим самоотверженным трудом восполнить недостатки органического устройства лицея.

Научно-педагогическая деятельность А.З.Зиновьева в Ярославле продолжалась 16 лет. В этот период им были созданы самые значительные научные труды. 29 апреля 1831 года на торжественном собрании Ярославского высших наук училища прозвучала его актовая речь «О цели и главных правилах воспитания», которая, по признанию А.Н.Иванова, принадлежит к числу лучших педагогических сочинений того времени. Серьезным вкладом в педагогическую литературу являются и другие сочинения А.З.Зиновьева, опубликованные в 1843 году в «Москвитянине». В основу его легла речь «О естественном методе в первоначальном воспитании», произнесенная в лицее 29 апреля 1843 года. В Ярославле им написаны лучшие исследования в области словесности и теории прекрасного. Среди них «Основания пиитики» (М., 1836), «О примечательных мужах, оказавших услуги славянской словесности» (М., 1836), «Исторический взгляд на развитие теории художественно – прекрасного» (М., 1841), «Об участии словесности в системе общего образования» (М., 1842) и др.

«Исторический взгляд на развитие теории художественно–прекрасного» получил высокую оценку академика С.П. Шевырева. «Профессор Зиновьев, - подчеркнул он в своем выступлении на лицейском торжестве по случаю 50–летия, -- представил верный и прекрасный исторический взгляд на теорию прекрасного».

В этот ярославский период А.З. Зиновьев выступил также с рядом значительных научных публикаций как латинист и как историк. Он автор ряда стихотворных произведений: «Хор благодетелю наук», «Возраст исполина» и др. А.З.Зиновьев занимался также краеведением. В 1839 году в «Журнале Министерства народного просвещения» вышла его статья «Обозрение Ярославской губернии». Его публикации часто появлялись на страницах газеты «Ярославские губернские ведомости».

К сожалению, в 1845 году лицей претерпел новое преобразование, в соответствии с которым в учебном заведении упразднилась должность профессора словесности, в связи с чем А.З. Зиновьев, оказавшись за штатом, вернулся в Москву и более тридцати лет профессорствовал в Лазаревском институте восточных языков. Волевая акция правительства не пошла на пользу учебному заведению, лицей потерял одного из самых ярких профессоров, находившегося в расцвете творческих сил. Печально, что не состоялась встреча талантливого педагога А.З. Зиновьева с будущим великим педагогом К.Д. Ушинским, который приступил к преподаванию в лицее в 1846 году. Надо полагать, что их творческим содружеством в стенах Ярославского учебного заведения им. П.Г.Демидова была бы вписана примечательная страница в его историю.

Примечания:

1. Иванов А.Н. А.З.Зиновьев и его педагогическая деятельность в Ярославле. Ярославль, 1966. С.67.
2. Гроссман Л. Стихотворедческая школа Лермонтова // Литературное наследство. М.: АН СССР, 1948. Т.45-46- С.255-288.

**Работа Ф. Е. Шишигина над спектаклем «Печорин»:
(Театр им. Волкова 1964/65)**

*Соколова Людмила Борисовна,
зав. музеем театра им. Ф. Г. Волкова*

Сценарный замысел

Ф. Е. Шишигин пишет на листках, начатых 27 марта 1964 года:

М. Ю. Лермонтов

Печорин

(Сценическая композиция) – (?)

М.Д. Волобринского

в 3-х действиях 11 картинах

(инсценировка)

Нач. 27 марта 1964 г.

Ярославль

1. Зерно - Печально я гляжу на наше поколение.
2. Тема – Талантливая натура в бездарное время.
3. Идея – Ненавидеть Печорина смешно; подражать Печорину глупо; сожалеть о впустую прожитой жизни и ценить то, что дает жизнь сегодня – мудро.
4. Событие – Человек истратил себя на «недостойное» его ума и сердца
5. Люди – Офицерство, б/свет, лечащийся на Минводах, вообще в большинстве своем бездельничающие паразиты.
6. Сюжет – несколько сюжет. линий. Печорин-Мэри-Грушницкий - Вера - офицеры и т.д. – все-таки все сплетено вокруг дуэли...
7. Действие – Соперничество.
8. Время.
9. Место. 30-е годы 19-го столетия. Пятигорск. Кисловодск.
10. Жанр – Печальные раздумья.
11. Ритм.
12. Образ.
13. Цель.

Работа над спектаклем

Из замечаний на репетиции «Печорина». 21 октября 1964 года.

Ф.Е.Шишигин Салопову и Тихонову:

-Когда по вашей воле пошлость, глупость, мерзость получают щелчок по носу, - у вас очень хорошее настроение! И надо очень орудовать в этом разговоре: и пытливость, и разгадка: - Да, доктор, Вы правы...А иначе все пойдет впрямую.

Тихонов: Доверительный разговор?

Фирс: Да; и все-таки это разговор намеками: «Нам вообще надо молчать, мы без слов понимаем друг друга...Вера – старая любовь, я угадал?» Иначе все ложь, какие бы вы задачи ни брали.

Грушницкий и Печорин.

Если мы говорим, что артистичен и искусен Печорин, - вы думаете, этого не имел Грушницкий? Ума только не хватало, но мы сейчас не будем говорить об этом.

...Искусство влюблять было невероятно развито среди молодежи 19 века. Недаром Пушкин писал о науке страсти нежной. Они все были в этом деле академиками, - когда вздохнуть, признаться, упасть

на колени! Особенно, когда появились герои Байрона. Это умение, соединенное с вышколенностью, - и все это знал Грушницкий.

Завоеванная позиция

(Фирс от имени Печорина):

- Как я его сшибу! Какой он офицер, он просто юнкер, он еще не имеет права носить офицерскую шинель!..

Явился – и все потерял! Он даже жалок иногда, как Карандышев. Грушницкий – это часто каждый из нас, - больше, чем Печорин.

Мокееву:

Феликс, это режиссерская задача, которую я прошу выполнить: не суетиться, ни делом, ни мыслью.

Ты уже завоевал ее. Ты только побольше потыми ее процессом вытягивания мысли: «Что мне Россия!» - а уголком глаза увидишь, что у нее ротик раскрылся!

Хорошо – хорошо, Феликс!

Козельской:

- Аллочка, прежде чем сказать, - немного захолонуло, и комочек в горле.

А эта важная сверхзадачная усмешечка будет работать на жанр пьесы.

- Что мне Россия...

- Напротив... *(Феликс шмыгнул носом. Мы засмеялись. Фирс подхватил находку.)*

- Хорошо – хорошо; весь секрет в том: можно очень всерьез, чтобы все дураки всхлипнули на этом месте, пусть они потянутся на сантимент!

Салопову и Козельской:

Вы скажите: они танцевали уже? Что ожидает Печорин от Мэри? Общение между людьми строится часто так: я жду одного, он делает другое, получается третье.

Какое качество поведения Печорина мы ожидаем? Он занят выполнением своего плана: влюбление, приручение Мэри. Но что он делает каждую минуту? Каждый раз ты ищи, - то основное качество, которым он действует на нее, - это неожиданность.

Бывают секунды, минутки: она спокойна: наконец-то я от него избавилась!

И в этот момент он идет: не дерзкий, спокойный, извиняющийся. Одно дело, что она делает вид, а другое – что эту марку надо выдержать, что ты каждую секунду делаешь на уровне княжны Мэри. Я не навязываю вам ходов и не хочу этого, я только подсказываю, из какой бочки черпать, - из бочки сложностей взаимоотношений, неожиданности Печорина.

Пока у вас работает больше голова, чем чувство. Пока работает черепок, надо развить азарт исследователей. А я буду смотреть, что вы найдете в этих сложных взаимоотношениях. В жизни посмотрите. Вот мы рассорились, и я уверен, что он не подойдет.

Печоринский ход в том, что он подходит! Пустота – когда эти планы начинают доставлять удовольствие, создают иллюзию деятельности, а на самом деле ведь пустота.

«Я слышал, княжна»... - только ты знаешь, Володя, - танец окончен, он отводит ее, секунда расставания, он должен начать говорить, он молчит!

Поставь ее в неловкое положение: можно молчать минуту, полминуты, - это невыносимо, она сейчас убежит! – и тут ты начинаешь говорить. И когда ты поставишь ее в зависимость от капризов своей натуры, поведения, - она невольно будет от тебя зависеть! Есть же нормы поведения! И ты не с котеночком играешь. Это кошка своенравная, может и глаза выцарапать, - фигурально выражаясь.

Это определенная атмосфера ваших отношений, - ее надо находить, надо быть естественной, свободной, - чего почти никогда не бывает, кроме довольно смешных забот о естественности, когда ее стараются добиться.

А Печорин всегда свободен, может с невинной миной спросить: «Что с Вами?» Он автор всех затруднительных положений, и он же делает вид, что ничего не понимает.

А что такое Козельская? Ее можно смутить. Ты возьми ее как партнер, и мочаль. А так все со стороны, а не с вами это происходит.

Я сейчас говорю, что начинается такая полоса работы, когда надо влезать в партнера, а со стороны ничего не получится.

Установите себе: слова не могу сказать, чтобы не установить прицела. И тогда вы будете выполнять первую заповедь нашу: все зависит от партнера.

(Алла и Салопов начали диалог, и он на глазах углубился на десять метров. Другие интонации, взгляды, лица, другие колодцы в душах! Смотреть безумно интересно)

Печорин – Мэри – капитан – княгиня Лиговская

Салопову: - Вот это, предупреди ее;

- Может быть хуже! Никогда не следует отвергать кающегося грешника, вот опозорю за глаза! Гордячка фыркнет и уйдет! Темно, из окон свет, и она наткнется! И кричать «Господин Печорин» нельзя, и мама далеко, и тогда, несмотря ни на что, Печорин герой.

Козельской: - Ты играешь что?

Алла: - Я ищу защиты.

Фирс: - Защиты. А вот так, чтобы ничего не было: «Что вам угодно?!» - я зову всех, а «Что Вам угодно?» - тет-а-тет, Печорина не надо. Что же? А.

Салопову: «Я прошу вас удалиться», - вот в самую последнюю минуту, когда княжна в обморок готова упасть.

Дубову: - Хотя ты попал в руки человека низкорослого в сравнении с тобой, - в локте руку как током пронзило, и тебе только бы унести ноги.

Салопову: Володя, ты силу направляешь на слова, акцентируешь напор, а когда ощутишь свою руку как клещи, - можешь очень спокойно: «Княжна обещала танцевать со мной».

Не надо сюда, не надо сюда. Сцена расставания.

«Сколько людей мечтают прожить жизнь, как Байрон, а кончают коллежскими регистраторами».

Тихонов: «Как, например, Байрон», - я не очень понимаю.

Фирс: Тут надо разобраться: абсолютная победа, я существую, я живу, я побеждаю, - игра страстей, я победил ее, я победил циклопа, - и какой-то мускул души... (*Фирс – Печорин погас*) – радости нет. Да, смеются, а потом харкают кровью. Кончают титулярными советниками...

Салопову: Володя, если будет мало, я пропущу вас еще через что-то: сделал, идет, и вянет на ходу. И тут: «Печорин, дорогой, герой!» - а он...

Незвановой: Вы должны ощутить, как актриса, - это все будет направлено как в вату, не найдешь звонкого отклика.

Ты будешь знакомиться, Володя, с логикой души Печорина, которая не похожа на твою душу.

Незванова: А почему он такой? В чем причина?..

Фирс: В этих подъемах он хочет найти поднимающуюся жизнь, и охладевает.

Фиксация действий подсказывает и причину действий.

А если решать сразу одни причины, без действий, - это все мыльные пузыри.

Есть объективно существующие действия, по которым мы должны пройти, чтобы найти причину.

Явное действие – Отелло душит Дездемону. Но я берегу себя от явного вывода, - мне надо разобраться: почему? Вопрос о причинах поступков, чем дальше мы будем работать, чаще будет возникать. Натура Печорина...

Перерыв. Фирс: – Сорок пять минут репетировали?! Я сегодня устаю. Думал, что часа два говорил)

Незвановой: Клара Георгиевна, переступать приличие не позволяло, а тут... Событие-то стоило вот такого шрифта, а она печатает!

Салопову: Форма этого поведения – не усталость, не страдание. Поищи. Мозг работает активно, только утрачена радость от того, от чего минуту назад получал удовольствие. Ты знаешь абсолютно, что ты должен сказать и как себя вести. Ни паузы, - тут выполнить обязанность ответа.

Незвановой: Ты бы хотела выйти за рамки, - к сердцу, а он дает ей форму, не оскорбительную. Тут она может погрозить ему пальчиком, 45-летняя, пококетничать: «Ну, Вы дичитесь...» - из монолога устраиваете диалог!

Оскорбил! Нет. Он на грани очень ласкового ответа, но ласкового ответа нет.

Что в Печорине? Вспомните Максима Максимыча: бросился старик после долгой разлуки, и Печорин этому сердцу не ответил. Всю цепь поступков пройдете в переживаниях, и причину

поймете. Он не оскорбляет, не холоден, и все-таки княгиня отходит от него... (приблизительно с тем же чувством, как тогда Максим Максимыч).

Салопову: Вот смотри, Володя, - очень важно ощущение своего лица в гримасе, в улыбке. Мы свое лицо ощущаем, если даже не любим смотреться в зеркало. Как Печорин ощущает свое лицо? Я догадываюсь, какое лицо у Грушницкого.

Вот покой прежде всего должен быть в лице, - невероятный покой: у Германа, у Печорина.

Бледнее, чем обычные люди, вот и все, - и абсолютный покой.

Он так смотрит, так реагирует, он, наверное, так и закричит. Я глупость говорю?

Тут не надо обезьянничать, смотреть в зеркало. Кто сказал о лице Наполеона, - Гете, да? – что это раскованная воля. Он хотел польстить. Это интересная штука. Когда мещанин воображает, каким должно быть лицо сильного человека, он... (*Фирс изобразил надутое напыщенное величие и засмеялся*), а это совсем другое, это абсолютный покой. Кого бы привести в пример?.. Это ощущение покоя на собственном лице очень важно. Если это поза, то это труднейшая поза.

М. Ю. Лермонтов и К. Ф. Опочинин. К вопросу о прототипе Печорина

*Кистенева Светлана Владимировна,
ст. науч. сотрудник Угличского историко-художественного музея*

Одна черта столь любимых нами книг первой половины прошлого столетия кажется теперь невозвратно утраченной: отстраненное знание прототипов заменило живейшую радость узнавания знакомых. Тогда же автор, герои и читатели легко дышали одним воздухом, и можно было жить сразу в двух измерениях - в реальных гостиных Петербурга и в пространстве модного романа. От жизненных ситуаций и отношений на сюжетную ткань ложились бесчисленные тени, автор же то сгущал, то смягчал их, убирал примеси, менял оттенки. Владимир Соллогуб насмешливо сетовал:

"Увы! Я должен выбирать лица своего рассказа не из вымышленного мира, не из небывалых людей, а среди вас, друзья мои, с которыми я вижу и встречаюсь каждый день, нынче в Михайловском театре, завтра на железной дороге, а на Невском проспекте всегда".

У Лермонтова другая интонация:

"Лица, изображенные мною, все взяты с природы, и я желал бы, чтобы они были известны»".

"Я желал бы..."

В последней и самой зрелой его книге определены и названы, кажется, уже все, вплоть до безымянного драгунского капитана. Однако по-прежнему не ясно, что же такое Печорин - автопортрет, портрет (Александра Карамзина или графа А.П.Шувалова) или же собирательный образ целого поколения, он один остается "закрытой персоной". По словам Б.М.Эйхенбаума, "вся история замысла и писания "Героя нашего времени" совершенно неизвестна: ни в письмах Лермонтова, ни в воспоминаниях о нем никаких сведений нет".

А вдруг ещё оставлена где-то возможность простого узнавания?

Несколько графических портретов, занесенных волей обстоятельств из Петербурга в провинциальный музей, представляют одного из светских знакомых Лермонтова Константина Федоровича Опочинина (1808-1848), и среди них акварель, датированная годом смерти изображенного. Знаменитый портретист В.И.Гау повторил здесь - видимо, по желанию вдовы - свою же работу, вошедшую в юбилейный альбом Конногвардейского полка, подготовленный к 1846 году.

Сам характер придворного заказа, казалось бы, предполагал тогда общий парадный тон офицерских портретов, но художник избегает типовой бравурности образов. Так и в облике полковника флигель-адъютанта Опочинина нет ничего нарочитого (в тоне гоголевского Черткова) - ни *"сильного энергического поворота"*, ни *"Марса в глазах"* - бледное лицо меланхолично, отмечено тенью ранней усталости... И тут возникает беспокойное чувство, как если, не задумываясь, здороваешься с кем-то и не можешь припомнить - почему.

Оказывается, об этом лице многое известно: черты его не просто знакомы, они были когда-то пристально рассмотрены, "прочитаны", движения их как бы наперед угаданы. В его улыбке непременно будет *"что-то детское"*, а *"следы морщин"* на *"бледном благородном лбу"* обозначатся *"гораздо явственнее в минуты гнева или душевного беспокойства"*.

Словом, с этим лицом вполне соотносится описание Григория Александровича Печорина (повесть "Максим Максимыч", 1839 год). Лермонтов- «рассказчик» продолжает:

"У него был немного вздернутый нос, зубы ослепительной белизны и карие глаза; о глазах я должен сказать ещё несколько слов. Во-первых, они не смеялись, когда он смеялся (...) Из-за полуопущенных ресниц они сияли каким-то фосфорическим блеском (...) То не было отражение жара душевного или играющего воображения: то был блеск, подобный блеску гладкой стали, ослепительный, но холодный; взгляд его - непродолжительный, но пронизательный и тяжелый оставлял по себе неприятное впечатление нескромного вопроса и мог бы казаться дерзким, если бы не был столь равнодушно-спокоен".

Для случайного совпадения здесь совмещается слишком много точек. Правда, Опочинину уже тридцать семь, но, судя по изображению 1841 года (домашний рисунок его юной жены), он мало изменился. Вообще же, следуя сюжету, его портрет легко представить в руках рассказчика вместе с записками умершего героя.

Константин Федорович Опочинин - сын Ф.П.Опочинина и пятой дочери Кутузова Дарьи Михайловны (от неё он унаследовал карие "несмеющиеся" глаза: тяжелые веки с низкими наружными уголками придавали лицам сходное выражение - грустной рассеянности у матери,

холодного отстранения у сына). Детские годы он провел с бабушкой, вдовой фельдмаршала, много путешествовавшей по Европе, юношей служил в Варшаве при великом князе Константине. Был свидетелем "польского мятежа". Ему была суждена блестящая карьера военного, успех в свете и недолгая жизнь (умер тридцати девяти лет во время эпидемии тифа).

В 1830-е годы Опочинин постоянно жил в Петербурге, часто бывал в знаменитом салоне своей тетки Елизаветы Михайловны Хитрово и у Карамзиных, где встречался с Пушкиным, а позднее и с Лермонтовым.

Это знакомство оставило, к несчастью, мало следов. Известно, что молодой поэт появился в обществе под покровительством Е.М.Хитрово в 1835 году (М.Б.Лобанов-Ростовский), тогда же, очевидно, познакомился с её племянником. Позднее *"Лермонтов охотно играл с Опочининым в шахматы"* (П.А.Висковатов). В собрании рукописей поэта в ГПБ хранится шутивная записка то ли 1840, то ли 1841 года:

"О, милый и любезный Опочинин!

И вчера вечером, когда я возвратился от Вас, мне сообщили со всеми возможными предосторожностями роковую новость. И сейчас, в то время, когда Вы будете читать эту записку, меня не будет... (переверните) в Петербурге. Ибо я несу караул. И вот (стиль библейский и простодушный) поверьте моим искренним сожалениям, что я не мог Вас навестить.

И весь Ваш Лермонтов".

Из этого краткого послания ясно, что автор и адресат довольно часто виделись, сам же тон, непринужденный и стилизованный под "роковую весть", свидетельствует о дружеском понимании между ними. Вот, собственно, и всё, дальше остается только гадать и, доверяясь портрету, выдавать желаемое за возможное.

Что общего между ними (при различии положения, опыта и возраста), имели ли здесь значение впечатления детства? Оба воспитаны бабушками, как раз в это время Опочинин писал о Е.И.Кутузовой:

"Я жил при ней, ею взлелеян, воспитан, сопровождал её во всех её путешествиях с 1815 года, и потому, говоря о моей юности, буду говорить о ней, ибо она была альфа и омега моей жизни".

Тогда по рекомендации мадам де Сталь Кутузова пригласила для внука "ученого и добродетельного педагога господина Жандроса", а десятью годами позже в доме Арсеньевой появился "весьма рекомендованный" пожилой господин Жандро, покоривший всю её московскую родню, здесь же он умер. Однофамильцы ли?

Бывая у Опочинина (в "кутузовском" доме на Французской набережной), Лермонтов мог видеть его записки, за шахматами касаться салонных новостей и светских отношений.

Две женщины, восхищавшие поэта, искренне симпатизировали Опочинину. В марте 1837 года после масленичных балов Софья Карамзина писала брату:

"Я имела удовольствие танцевать мазурку с молодым человеком, которого нахожу замечательно приятным и остроумным, с господином Опочининым, конногвардейцем. Я не знаю другого русского офицера (...), который бы соединял в себе столько природного ума с такой общей просвещенностью, такую начитанность с легкостью в разговоре и с полным безразличием ко всему окружающему, так что на балу он разговаривал словно в нашей маленькой гостиной, без той рассеянности и какой-то озабоченности, которые делают наших кавалеров такими несносными (...)Мы были увлечены потоком разговора..."

А.О.Смирнова-Россет вспоминала давние (весны 1832 года) балы в Аничковом дворце - в конце сезона, *"в старых платьях"*:

"Я надевала пунцовое платье и белые цветы и то и дело, что танцевала с Опочининым (...) Он был умен, приятен выражением умных глаз и танцевал удивительно. Императрица это заметила и мне сказала: "Вы с Опочининым очень красивая пара"... "

Впрочем, их отношения, кажется, выходили из бальных рамок, Опочинин хранил портрет Смирновой, а летом 1838 года наблюдательная Софья Карамзина писала сестре из Царского Села:

"В четверг утром Константин Опочинин приехал к нам, обедал, вечером мы были у м-м Смирновой, которая продолжает ему весьма покровительствовать, они уже виделись на балу в Петергофе, где великая княгиня Мария и м-м Крюденер благодарили её за то, что она представила им такого прекрасного танцора, как Опочинин, добавив, что это было счастье танцевать с ним; он немало этим польщен (...) Из признательности он с почтением смотрит на м-м Смирнову и говорит с ней, что

меня бы очень забавляло, если бы он при этом часто не смеялся этим принужденным смехом, который я нахожу весьма прискорбным... "

Словом, Опочинин обладал качествами, которых так желал для себя молодой Лермонтов, все ещё новый человек в столичном обществе (этот *"маленький Леонин, офицерик из армии, довольно бедный, никому не родня"*, - В.Соллогуб, "Большой свет"). Военный опыт и успешная карьера, репутация "модного человека" и обаяние вместе с внутренней свободой и иронией (вплоть до "злословия") - все это в глазах Лермонтова могло сделать старшего друга образцом для подражания.

...Сходство Печорина с автором в романе "Княгиня Лиговская" (1836 год) несомненно, но по мере развития этого образа его контуры все больше не совпадают с автопортретом.

Его наружность, к несчастью вовсе не привлекательная...

На балах Печорин со своей невыгодной наружностью терялся в толпе зрителей, был или печален, или слишком зол, потому, что самолюбие его страдало.

Он был небольшого роста, широк в плечах, вообще несложен и казался сильного сложения, неспособного к чувствительности и раздражению. Лицо его смуглое, неправильное, но полное выразительности...

Глубокие следы прошедшего и чудные обещания будущности...

Он мог бы блистать и нравиться, потому что ум и душа, показываясь наружу, придают чертам жизнь, игру и заставляют забыть недостатки.

Он был вообще очень недурен и имел одну из тех оригинальных физиономий, которые особенно нравятся женщинам светским.

Он был среднего роста; стройный тонкий стан его и широкие плечи доказывали крепкое сложение.

Когда он опустился на скамью, то прямой стан его согнулся (...) положение всего его тела выражало какую-то нервическую слабость.

Его кожа имела какую-то женскую нежность.

Бледный благородный лоб, на котором только по долгом наблюдении можно было заметить следы морщин...

(о блеске глаз) То не было отражение жара душевного или играющего воображения.

Блеск ослепительный, но холодный.

(Отметим сразу еще одну метаморфозу - Печорин, "московский" в столице, на Кавказе оказывается каким-то явно "петербургским").

Первое описание почти буквально повторяет слова современников о внешности самого Лермонтова; *"небольшого роста, некрасиво сложен, смугл лицом"* (П.Ф.Вистенгоф); *"приземистый, маленький ростом, с большой головой"* (М.Е.Меликов). Второй Печорин старше и холоднее, у него иное лицо и весь облик; демоническую мрачность сменила усталая ирония. К тому же он теперь не вне высшего света, не противопоставлен ему, а плоть от его плоти. Это не просто взросление персонажа (вслед за автором), на него будто падает тень другого человека.

Некоторые существенные черты биографии Опочинина совпадают с тем, что мы знаем о литературном герое. Условный год рождения Печорина - 1808 (Б.М.Эйхенбаум); в повести "Максим Максимыч" его возраст как будто двоятся (*"с первого взгляда на лицо его я бы не дал ему более двадцати трех лет, хотя после я готов был дать ему тридцать"*), и Печорин выглядит ровесником то Лермонтова, то Опочинина, причем в эти возрастные рамки вмещено все развитие образа. Наконец, служба в Конногвардейском полку: для Печорина это прошлое (после "Княгини Лиговской"), для Опочинина - настоящее, для Лермонтова - желаемое будущее. Печорин в отличие от Лермонтова "служил" в Польше, как и Опочинин.

Образ Печорина возник при появлении Лермонтова в свете и четыре года жил рядом с ним какой-то параллельной жизнью. Поэт активно творил себя-"петербургского": сознательно или невольно намечал ориентиры и примеривал к себе чужой опыт.

Что же, может, и правда когда-то, скажем, - за шахматами, связало двух людей загадочное сопрототипическое родство, по праву которого Константин Опочинин стал "вторым слагаемым" непонятной персоны - Печорина. Но в подтверждение - только "узнанное" лицо и этот почти карточный расклад вокруг старой акварели.

К биографии Дмитрия Черемисинова

*Полякова Ольга Борисовна,
сотрудник Угличского историко-художественного музея*

В большом просторном зале картинной галереи, разместившейся в бывшем зимнем соборе Богоявления Господня в Угличском Кремле, среди семейных изображений местного купечества, есть несколько портретов дворян. Писанные, вероятно, доморощенными живописцами с оглядкой на парадные изображения столичного дворянства, эти портреты яркий образец семейной галереи, бывшей непременным атрибутом любого "дворянского гнезда". На протяжении нескольких поколений обитатели усадьбы берегли и дополняли ее собственными изображениями, портретами детей и близких родственников.

Портретная галерея семейства Черемисиновых дошла до нас в неполном виде. Вывезенная в 1919 году из родового имения Родичева, она представляла собой собрание портретов XVIII-XIX вв., представителей нескольких поколений владельцев имения. Однако, пожар в картинном отделении Угличского Музея Древностей, куда попали портреты, не пощадил их, и лишь небольшая часть сохранилась в нынешнем собрании музея. Теперь в музее хранятся портрет Александра Матвеевича Черемисинова и его супруги Екатерины Алексеевны (на реставрации), их детей Дмитрия и Сергея, близкого родственника Алексея Петровича Пятова и портрет Опочинина (из Родичева) (?).

Владельцы Родичева - личности яркие, неординарные представители и герои своего времени. История Родичева уходит в глубину XVI века. Его владельцы - дворяне Пятовы (или Пятые), затем Черемисиновы, Калачевы, Черкасовы - имели земли в Кашинском, Угличском, Мценском, Белевском уездах, а впоследствии брачные союзы приносили в этот список свои дополнения. Представители древних фамилий, ведущие свою родословную от именитых бояр и дворян, они гордились родством с историческими личностями: выдающимися церковными, политическими деятелями, известными учеными. Так, владельцы Родичева в разное время породнились с премьер-министром И.Л. Горемыкиным, последними грузинскими царями, хранили легендарные предания о родстве с Бироном. Подобное «сплетение судеб» дает нам право говорить о владельцах имения Родичево - как об участниках и творцах истории. Немаловажным являлось для них сохранение исторической памяти. Как подтверждение древности рода в имении сохранялись рукописные свитки, родословия, межевые и земельные документы, переписка. Семейная портретная галерея отражала лица далеких и близких предков - служила в назидание и воспитание потомков.

Карьера нескольких поколений семейства Черемисиновых была связана с военной службой. Матвей Черемисинов - екатерининский морской офицер, кавалер, большой оригинал и чудаков, нарушитель спокойствия соседей. Его военная служба началась в четырнадцать лет: с капрала фурьеров он «... по усердной его к службе ревности...» дослужился до полковника. Он участвовал в морских экспедициях во время Прусской и Русско-Турецкой войн, где снискал славу неустрашимого и храброго офицера. «По именному указу на кораблях в эскадре адмирала Григория Спиридова» потерпел неудачу в Морейской экспедиции, а затем «под команду генерал-майора князя Долгорукова» осаждал город Мадон и, наконец, разделил с Российским флотом победу на Дарданеллах. Боевой офицер, за безукоризненную службу награжденный военным орденом Георгия 4 класса, он продолжал службу «на пользу отечества» в должности коменданта города Твери в 1776 и 1780 гг.

Выйдя в отставку и поселившись в Родичеве, которое, очевидно, было в качестве приданого отдано за его женой Александрой Михайловной Пятовой, он, говоря словами Андрея Болотова «обостроживался в ...своем домишке, привыкал к сельской экономии, поправлял и приводил в лучшее состояние свое домоводство...». Матвей Черемисинов, прошедший большую часть жизни на военной службе и в столице, получив возможность переселиться в свое поместье, стремился окружить себя достижениями столичной жизни. Коренным образом меняется сам облик усадьбы. Хозяин Родичева, «в отличии от своего ближайшего предка», уже не желает довольствоваться почти крестьянским культурно-бытовым укладом. Учитывая избранное предками удобное местоположение, на высоком холме, сбегавшем круто к речке Вороновке, среди живописных

окрестностей, Матвей Черемисинов строит дом в духе классицизма, разбивает регулярный парк, в глубине которого скрывается пруд с прохладной водой. Матвей Логинович Черемисинов яркий представитель эпохи расцвета усадебной культуры. Он был первым заказчиком собственных парадных портретов, положивших начало портретной галерее в Родичевском имении. Несохранившийся портрет, на котором Матвей Черемисинов был изображен во всем блеске своего величия, известен нам лишь по описанию хранителя Угличского музея Гусева-Муравьевского: мундир украшен георгиевским крестом-знаком военной доблести (который, кстати, никогда нельзя было снимать), рука на эфесе шпаги, трость и треуголка, пудренный парик - по моде того времени. Портрет писался, очевидно, провинциальным живописцем с оглядкой на парадные изображения именитого столичного дворянства.

Матвей Черемисинов отличался крутым нравом и слыл натурой необузданной. Слишком часто в земский суд обращались соседи с жалобами на обиды, чинимые «господином и кавалером» Черемисиновым: то потравы посевов, то захват чужих земель. Памятуя о своем военном прошлом и ради забавы, Матвей Логинович завел в Родичеве пушки на лафетах, и, при случае, палил из них, чем приводил в немалый ужас соседей. Хозяин Родичева со своими забавами и чудачествами вполне укладывался в рамки образа дворянина XVIII века. На самом стиле усадебной жизни этого периода не могло не сказаться то, что дворянин любил независимость и свободу. Это «наслаждение драгоценнейшей свободой» позволяло настоящему барину Матвею Черемисинову «делать что угодно, не имея нужды ни раболепствовать, ни лукавить...» Да и кто мог ограничить, запретить ему в своем имении препровождать праздное свое время с приятствием, «предпринимать для сделания себе уединенной сельской жизни приятною и веселою...». Традиционно в имении была заведена охота, принадлежавшая к числу излюбленных усадебных развлечений. Эти места всегда были богаты всяким зверьем. Матвей Черемисинов превратил Родичево в маленький «двор», где были придворные крепостные певцы, музыканты и, возможно, художники.

Особо необходимо отметить прогрессивный взгляд Матвея Черемисинова на воспитание и образование своего единственного сына. После смерти супруги, малолетний Александр остался на попечении отца. Для обучения мальчика в Родичево был выписан учитель-француз. В имение были свезены сверстники Александра - родственники из ближних и дальних имений. Учитель - иностранец, не только занимался преподаванием наук детям, но и по прихоти барина, принимал участие во всех его забавах и чудачествах.

Наследовавший Родичево сын Александр открыл новую страницу в истории имения. Он заслужил почет и уважение собственной безупречной службой. В 1806г. он вступил в ополчение Тверского земского войска пятисотенным «...и продолжал служение до самого упразднения подвижной милиции...», в 1816г. был награжден бронзовой медалью в память войны 1812г. С 1822 по 1824 г. Александр Черемисинов избран Тверским губернским предводителем дворянства, а в 1836 г. уже надворный советник, он получает знак отличия на Владимирской ленте за пятнадцатилетнюю службу. Любимая жена Екатерина Алексеевна родила Александру Матвеевичу одиннадцать детей.

Портретная галерея в Родичеве в эти годы пополняется портретами самого владельца усадьбы, его супруги, детей. Судя по описаниям несохранившихся портретов в учетной документации Угличского музея - это были парадные изображения, написанные, очевидно, по поводу каких-либо значительных событий. Портреты детей Дмитрия и Сергея в мундирах гвардейских артиллеристов, были заказаны по окончании обучения в артиллерийском училище. Причем существование двух одинаковых с небольшими отличиями портретов младшего сына Сергея, очевидно, свидетельство особо нежных чувств к нему со стороны родителей. Сергей по окончании наук увольняется со службы «с билетом» из-за слабости здоровья. Он прибывает в Родичево и вскоре в 1845 г. умирает от чахотки.

На стенах родичевского дома появляются копии с работ западноевропейских художников. Одно из таких полотен поступило в музей после социализации имения. Копия с портрета Ван Дейка, изображающая Яна Воувера - голландского ученого и законодателя - свидетельство прогрессивных взглядов и европейской образованности Александра Черемисинова.

Глава большого семейства, библиофил и англоман, приверженец новейших научных методов в сельском хозяйстве, Александр Матвеевич Черемисинов обустроивает Родичево, умело

ведет хозяйство, приобретает новые земли. Так на землях в урочище речки Фуртовки Мышкинского уезда частью приобретенных, частью променянных, впоследствии будет выстроен кирпичный завод, который функционировал в период после социализации имения. Продукты своих сельскохозяйственных достижений Александр Черемисинов направляет на выставки в Москву, поскольку сам является членом Императорского Московского общества сельского хозяйства. Библиотека родичевского дома заполняется книгами и журналами по сельскому хозяйству, агрономии, огородничеству.

В период с начала XIX в. и до середины XIX в., когда Родичевым владеет Александр Матвеевич Черемисинов, в имении закладывается основа профессионального, прогрессивного ведения хозяйства, управления земельной собственностью. Не случайно благодаря умелому ведению дел Александр оставил наследникам большие земельные владения и значительный капитал. Об этом можно судить хотя бы по денежному эквиваленту приданого, отданного за дочерью Лидией. «При выходе сей последней в замужество за надворного советника Калачева...» (Николай Васильевич Калачев известный ученый, археограф, основатель Археологического института в С.-Петербурге, создатель ученых архивных комиссий), Александр Черемисинов определил цену отделяемому имению: «движимому во обще с капиталом 6 тысяч 260 рублей серебром, недвижимому 8 тысяч 640 рублей, а всему вообще 14 тысяч 900 рублей серебром».

Сыновья Александра Матвеевича - Дмитрий и Сергей, памятуя о военных заслугах деда и отца, об иной карьере и не помышляют. Один за другим они заканчивают артиллерийское училище. Только Сергей из - за слабого здоровья вынужден был оставить службу. Дмитрий был первенцем в семье Александра Матвеевича и Екатерины Алексеевны Черемисиновых. Он родился в 1811 году. Вслед за ним в семье родились еще десять сестер и братьев. Но дети, как это часто бывало в то время, умирали в младенчестве. На парных семейных портретах Черемисиновых, написанных в середине 20-х годов, изображены пять детей: Александр Матвеевич с двумя сыновьями, а Екатерина Алексеевна с тремя девочками. Эти портреты погибли во время пожара в картинном отделении Угличского Музея.

Военная служба Дмитрия складывалась блестяще. Обучение в артиллерийском училище и затем успешно с золотым академическим знаком законченный курс в Артиллерийской академии открывали ему широкие возможности карьеры. В 1829 г. Дмитрий был переведен Лейб-гвардии во 2-ю артиллерийскую бригаду Прапорщиком со старшинством. Гвардейские полки считались привилегированными и приближенными к трону. Служба в гвардии связана была с пребыванием в столице и выгодно отличалась от армейской. Смотры, маневры и учения гвардейцев проходили в присутствии Государя Императора, что давало возможность отличиться в присутствии царствующих особ. Дмитрий в числе прочих не раз удостоился получить Высочайшее благоволение во время подобных смотров. Гвардейские полки стояли обычно в пригородах С.Петербурга, поэтому молодые гвардейцы были завсегдатаями светских салонов, дамских гостиных и балов. Дмитрий Черемисинов, очевидно, не был исключением. Он вращается в кругах петербургской молодежи, и, возможно, здесь знакомится близко с Николаем Соломоновичем Мартыновым и, вероятно, Михаилом Юрьевичем Лермонтовым.

Как многие молодые люди 30-х гг. XIX века Дмитрий отправляется на Кавказ. И приказом по Гвардейской Артиллерии 16 марта 1836 г. он командирован в отдельный Кавказский корпус. Участвует в военных действиях против горцев за Кубанью под начальством генерал-лейтенанта Вельяминова, сопровождает транспорты к Абинскому, Николаевскому, Ольгинскому укреплениям. За отличия в сражениях против горцев был награжден орденом Св. Анны 3 степени с бантом, бронзовой медалью в память войны 1853-56 гг., крестом с мечами за окончание военных действий на Кавказе.

В 1838 году Дмитрий Александрович «по Высочайшему Его Императорского Величества приказу...» увольняется по домашним обстоятельствам от службы в чине штабс-капитана с мундиром. Для нас пока остается загадкой причина оставления Дмитрием военной службы. Тем более что у него была перспектива сделать блестящую карьеру на военном поприще.

После смерти отца Александра Матвеевича в 1852 г. Дмитрий наследует Родичево. Он, как заведено было ранее отцом, занимается хозяйством, собирает с крестьян оброки и недоимки. В 1869

г. избирается почетным мировым судьей Мышкинского уезда.

В Каменке, где испокон крестили детей, венчались и хоронили своих родных семейства Опочининых, Пятовых, Черемисиновых, Дмитрий Александрович на собственные средства украсил церковь, за что получил благодарность от Св. Правительствующего Всероссийского Синода за подписью Митрополита Новгородского и С.-Петербургского Исидора. Здесь у церкви в 1873 году и похоронили шестидесятитрехлетнего штаб-капитана Дмитрия Александровича Черемисинова.

Дмитрий Александрович не был женат, и Родичево после его смерти перешло во владение сестры Лидии Александровны Калачевой. В январе 1851 года в церкви села Каменка был освящен брак 22 -летней Лидии Черемисиновой и 30 летнего Николая Васильевича Калачева тогда еще экстраординарного профессора Императорского Московского Университета. Молодые люди, очевидно, уехали в Москву, а затем переехали в С.-Петербург, где в основном проходила научная деятельность Калачева. Всю свою жизнь он посвятил служению науке: истории права и архивному делу. В 1877 году им был устроен Археологический институт в С.-Петербурге, он много ездил по провинции с целью создания ученых архивных комиссий. В имении жены Родичеве Николай Васильевич, видимо, бывал наездами: слишком хлопотной была его научная работа, отнимавшая много сил и времени. Лидия Александровна занималась воспитанием дочери.

В 1878 году Калачевы выдают замуж за Павла Гавриловича Черкасова свою единственную дочь Лидию. У Павла и Лидии родились четверо детей. Владимир выбрал карьеру военного и жил в С.-Петербурге с женой княжной Шаховской. Там же жили две дочери. Наталья Черкасова была замужем за премьер-министром Иваном Логиновичем Горемыкиным. В Родичеве постоянно живут Лидия Александровна Калачева, Павел Гаврилович и Лидия Николаевна Черкасовы и сын Борис.

Начало XX века запомнилось Родичеву небывалым хозяйственным расцветом. Полеводство ведется по всем правилам передовой агротехники, в имении заведено дойное стадо и маслобойка, большое свиноводческое хозяйство. Латыш-садовник Юлий Мартынович Вяет, проживающий здесь же в Родичеве, ухаживает за большим фруктовым садом и огородом. В урочище Фуртово, на землях приобретенных еще в начале XIX столетия Александром Черемисиновым, работает кирпичный завод. Из бетонных блоков, произведенных на собственном заводе, в начале века строится большой двухэтажный дом в имении, там же производилась и кровельная черепица. Бетонный дом, долженствующий служить конторой, так и остался к 1917 году недостроенным.

В начале XX века по какой-то иронии судьбы в далекой от столиц местности, затерянной среди лесов глухой среднерусской полосы в Родичеве появляется весьма необычный дом, сродни горным Альпийским дачам-«шале». Друг семьи - актриса, долгое время жившая в окрестностях Люцерна в Швейцарии, прислала план и описание будущего дома и его обстановки, спроектированного инженером-швейцарцем. Дом был большой деревянный, темно-коричневого тона мореного дуба с высоким деревянным шпилем на крыше. Над полноценным первым этажом нависали выступами резные балконы и полубалконы второго этажа, который казался скорее полуэтажом из-за маленького размера окон. Дом, выстроенный по образцу альпийских дач, был рассчитан на то, чтобы в нем всегда было много воздуха и света. Очевидно, для этого стена первого этажа, ориентированная на большой парк, была полностью сделана из толстого стекла, за счет чего зрительно расширялось внутреннее пространство помещений. Массивные резные дубовые двери открывали вход в столовую и гостиную, против входных дверей располагался камин, облицованный деревянными дубовыми панелями. Все интерьеры, выдержанные в коричневых тонах, были украшены резным темным дубом.

Кроме образцового ведения хозяйства Черкасовы содержат построенную на собственные средства богадельню, располагающуюся на окраине имения, на границе с Кашинским уездом. Большое место в Родичеве уделялось увлечениям хозяев. Здесь имелась обширная библиотека, фотографическая комната с оборудованием фирмы «Кодак». Многочисленные удочки, охотничьи принадлежности хранились в домах и подсобных помещениях.

В декабре 1917 г. имение Родичево со всей землей, живым и мертвым инвентарем, наличным и посеянным хлебом, жилыми и холостыми постройками перешло в управление Мышкинского земельного отдела, который поручил управлять и распоряжаться Плосковскому зем. Отделу как имением, так и находящимся при нем кирпичным заводом. Его хозяйничание привело в жалкое

состояние скотные дворы и постройки, скот покалечили и заморили голодом, свиней зарезали, из-за отсутствия топлива погибли оранжерейные растения, кирпичный завод требовал срочного ремонта. Из опечатанных домов, несмотря на запреты, растаскивали вещи и мебель, в Угличский отдел народного образования вывезли библиотеку, архив и часть портретов попали в Угличский музей. В 1921 г. большой родичевский дом решено было переоборудовать в дом отдыха для трудящихся, но вскоре, случайно или по чьей-то злой воле он сгорел. А потом еще одна гримаса времени: в бывших барских постройках разместили психоневрологический диспансер.

Покинув с приходом новой власти любимое Родичево, Черкасовы перебрались в Углич и обосновались в доме Улисовых на Ярославской улице. Дальнейшая их судьба смутно просматривается сквозь дымку тревожного времени. По некоторым сведениям, барон Павел Гаврилович Черкасов был арестован и покончил жизнь самоубийством в заключении в Петрограде, в Угличе скончалась Лидия Александровна Калачева, на теплоходе, увозящем в числе прочих Ф.И.Шаляпина, покинули Россию Лидия Черкасова с маленьким внуком Владимиром. Судьба Черкасовых в эмиграции сложилась по-разному. Однако, оставив Россию, родовые поместья в Троицком под Москвой и Родичево под Угличем, они «не проклинали изгнание», а хранили память о предках, передавали семейные предания и легенды наследникам старинного дворянского рода.

В 28 километрах от Углича по Кашинской дороге, чуть в стороне за молодой рощей, путнику открывается неожиданный вид. На возвышенности среди окрестных полей и лесов стоит дом: двухэтажный, с большими окнами, ассиметричными эркерами с зубчатыми завершениями, оштукатуренный и покрашенный желтой краской, - странная постройка среди пустынной местности. Одинокий и из-за желтого цвета стен какой-то потерянный, непонятно как очутившийся здесь в глуши. Рядом другой дом - полуразрушенный с обвалившейся крышей, зияющими провалами окон, совсем накренившийся и уже не жилец, он более гармонирует с окружающим запустением. Невдалеке заросшие и едва читаемые фундаменты когда-то большого дома и хозяйственных построек. Старый парк, теперь заросший, где еще не вырубил несколько вековых дубов, скрывает в своей чаще большой пруд с темной водой.

Теперь уже трудно вообразить, каким было когда-то ухоженное домовитыми хозяевами имение Родичево. Оброненное временем где-то на полпути между двумя старыми городами Угличем и Кашином, разоренное, с остатками жизни прежних владельцев и странным потерянным желтым домом, оно замерло в каком-то полусне. Здесь всегда тихо, и даже в ясные дни на всем бывшем барском имении лежит печать грусти. И лишь красивые породистые лошади, пугливые от нечастого посещения этих мест людьми и удивительно благородные, чувствуют себя здесь привольно и по-хозяйски ощипывают мягкими губами траву, выросшую на еле заметных фундаментах барских построек бывшего имения с таким ласкающим слух «именем» Родичево.

Лермонтов и Черемисинов на Кавказе

*Третьякова Татьяна Анатольевна,
историк-архивист, ведущий методист
Угличского филиала Государственного архива Ярославской области*

Наедине с тобою, брат,
Хотел бы я побыть:
На свете мало, говорят,
Мне остается жить!
.....А если спросит кто-нибудь...
Ну, кто бы ни спросил,
Скажи им, что навyleт в грудь
Я пулей ранен был;
Что умер честно за царя,
Что плохи наши лекаря,
И что родному краю
Поклон я посылаю.
Скажи, что я писать ленив,
Что полк в поход послали
И чтоб меня не ждали...

Так, в конце 1840-года, писал Тенгинского пехотного полка поручик Лермонтов, прикомандированный к Кавалерии отряда генерал-лейтенанта А.В. Галафеева, задействованного в военных операциях на Кавказской линии. В осеннем походе в Большую и Малую Чечню, при сражении у р. Валерик опальный Лермонтов отличился героизмом и бесстрашием, умением вести бой, не раз исключая этим экстремальность ситуации. При экспедиции через Ханкальское ущелье к р. Аргун, когда по ранению из строя выбыл юнкер Руфин Дорохов, командовавший "летучей сотнею казаков"- охранниками (охотниками), выбранными из всей кавалерии, поручик Лермонтов принял Дороховских казаков под свое начальство и вместе с ними отличился при переправе через Аргун. Боевые командиры оценили его заслуги. Генерал-лейтенант А.В. Галафеев на имя высочайшего начальства подал рапорт с просьбой о переводе М.Ю. Лермонтова в Гвардию в чине поручика «с отданием старшинства». Командовавший кавалерией левого фланга Кавказской линии полковник князь В.С.Голицын, также, подал рапорт командующему всеми войсками на Кавказской линии и в Черномории генерал-лейтенанту Граббе с представлением к награждению поручика Лермонтова золотой саблей с надписью «За храбрость». За операцию на реке Валерик поручику Лермонтову полагался и орден Святого Станислава 3-й степени. Монаршим соизволением в наградах было отказано (награждался лишь штабс-офицерский состав), разрешался лишь отпуск на два месяца в Санкт-Петербург с возвращением на прежнее место службы.

М.Ю. Лермонтов ещё раньше решил выйти в отставку, но и это не свершилось, ибо судьба его была predetermined. Близилось роковое число -15 июля 1841 года, когда грозовой вихрь унесет последний вздох поэта к вершине Машука. Французский выстрел Мартынова чуть отклоненным в сторону пистолетом был в реальности, но ошибочен во времени. Времени-вечности. За десять лет до этого рокового выстрела юный Лермонтов написал:

Я предузнал мой жребий, мой конец,
И грусти ранняя на мне печать;
И как я мучусь, знает лишь творец;
Но равнодушный мир не должен знать.
И не забыт умру я. Смерть моя
Ужасна будет: чуждые края
Ей удивятся...

Действительно. С первых минут гибель Лермонтова вызывала противоречивые чувства, как и его личность в целом: если священник Эрастов отказал в погребении тела, то офицерская молодежь рыдала.

Пятигорская трагедия затем долгие годы и десятилетия осмысливалась не только в литературе и печати, её отголоски нередко возникали в житейском кругу среди частных бесед и частной переписки, где объективность оценки бывала более реалистичной и непосредственной, характеризуя случившееся как обыденность офицерских отношений по негласному кодексу чести.

Подобное письмо в июле 1851 года на имя Дмитрия Александровича Черемисинова было получено в сельце Родичеве Мышкинского уезда Ярославской губернии. Близкий родственник адресата из дальних имений, сообщая о семейных делах, заботах и проблемах, между прочим, упоминал:

"Душа-брат, Димитрий! Давно я к тебе не писал - это знаю. Но одного прошу, не ругайся, а паче не опостыль ко мне сердцем... 16 мая я встретился, т.е. ехал вместе в одном тарантасе с твоим, по Кавказу знакомым, а моим соседом, который ухайдакал Лермонтова, Мартыновым: вспомнили о тебе..."

Дмитрий Александрович Черемисинов - участник военных действий на Кавказе 1836-38 гг. в составе отдельного Кавказского корпуса при отряде генерал-лейтенанта Вельяминова. За Кавказскую кампанию Черемисинов имел орден Святой Анны 3-й степени с бантом и крест с мечами.

Период 1836-38 гг. - это время активных боевых действий на Кавказе и в Чернойгории одновременно со строительством новых фортификационных укреплений и устройством транспортных путей. Одним из опорных пунктов Кавказской линии, позволявшим подобные действия было Ольгинское укрепление, являвшееся важным звеном в цепи оборонительных сооружений русской армии. И не только, ибо оно стало, соединительно-перекрестным звеном в судьбах трех офицеров - Д.А. Черемисинова, Н.С. Мартынова и М.Ю. Лермонтова в период его первой ссылки на Кавказ в 1837 году.

Черемисинов и Мартынов находились при гарнизоне Ольгинского укрепления, Лермонтов в сентябре-октябре 1837 года, следуя к месту службы сначала в отряд генерал-лейтенанта Вельяминова, а затем в Тифлис, останавливался в Ольгинском. Здесь он должен был передать Н. С. Мартынову письма и деньги от родных его из Пятигорска, где Михаил Юрьевич в течение нескольких месяцев минеральными водами лечил простуду, полученную в дороге при следовании из Петербурга на Кавказ. 5 октября 1837 года, будучи уже, по службе, в Екатеринодаре, Н.С. Мартынов писал отцу: "Триста рублей, которые, вы мне послали через Лермонтова, получил: но писем никаких, потому что его обокрали в дороге, и деньги эти, вложенные в письма, также пропали; но он, само собой разумеется, отдал мне свои".

Чуть позже Мишель Лермонтов отдаст этому человеку и свою жизнь, о чем многие годы спустя эхом отзовутся строки частного письма: "... который ухайдакал Лермонтова...". Кстати, строки родичевского письма позволяют предположить факт знакомства Д.А. Черемисинова и М.Ю. Лермонтова, вероятно, не близкого, но имевшего место, ибо непринужденность тона послания косвенно подразумевает знаемость упомянутых лиц именно как людей одного круга общения. Но каждому из них была уготована своя судьба: одному - ранняя смерть и бессмертие, другому - ранняя отставка (22 марта 1838 года) и одинокая жизнь в дальнем родовом поместье среди любимых книг, мечтаний и увлечений, одно из которых - цветы.

В середине XIX века имение Родичево дворян Черемисиновых зналось в Мышкинской округе необычным хобби владельца, которое у соседних помещиков нередко вызывало недоумение и непонимание, ибо в кругу их интересов среди веселых пирушек, лошадей, охоты не было места сентиментальности подобного занятия.

Холостой штабс-капитан в отставке Дмитрий Александрович Черемисинов увлекался садово-парковым хозяйством и, особенно, цветоводством. В теплицах и оранжереях Родичева благоухала, зеленела масса редкостных цветов и экзотических растений: кактусы, разных видов фикусы - широколистные и мелколистные, древовидные, низкорослые и высокорослые, вечнозеленые

субтропические и тропические кустарники, плодовые деревья и деревца, огромное число бегоний - разных сортов и видов со всевозможной окраской и многое-многое другое. Саженцы и посадочный материал Дмитрий Александрович выписывал из питомников Москвы и Риги, особенно часто из рижского питомника Карла Вагнера. Между ним и Черемисиновым велась не один год переписка о доставке саженцев, их адаптации, выживаемости и вегетационном развитии, затрагивались вопросы селекции и новых сортов, о которых он сообщал в Родичево, высылая каталоги растений: Вагнер часто обращался к владельцу Родичева с самоличным посланием:

«Милостивейший государь, Дмитрий Александрович!

Почтейнейшее письмо Ваше я имел честь получить, и не премину переслать желаемых Вами растений, как скоро наступит удобное время.

Что касается до пропавших прошлого года кустов, то я в этом совершенно не виноват, и не понимаю, от чего они могли пропасть, потому что были отправлены хорошего качества. Не удобно ли Вам получить в Твери, посредством транспортной конторы "Надежды". Она отправляет на пароходе в С.Петербург, и по железной дороге в Тверь, где прибывают посылки в шесть дней. А из Твери, Вам вероятно легко заставить взять посылку. Этим способом я в состоянии прислать Вам большие кустарники, а не так малые, как следует выбрать для пересылки по почте...»

«Милостивый государь, Дмитрий Александрович!

Почтейнейшее письмо Ваше я имел честь получить, со вложением 17 рублей, за которые прошу принять искреннюю мою благодарность. Новый каталог я ещё не прислал Вам, потому что он поступает в силу только от 1-го августа, по той причине, что многие новые растения до тех пор не будут довольно крепки для пересылок...»

На приобретение растений средств не жалелось, счета от поставщиков оплачивались добросовестно и вовремя. К примеру, указанная сумма в 17 рублей серебром - это стоимость 1/5 части деревянного дома с землей в уездном городе или серебряных карманных часов с цепочкой или небольшого золотого перстенька с бриллиантом и бирюзой и так далее. Сравнить есть с чем. А подобная сумма была не единична.

Ветер времени развеял аромат черемисиновских цветников, но СКВОЗЬ десятки лет строками частной переписки высвечивается лирический образ уездного барина, бывшего военного, некогда знавшего великого русского поэта Лермонтова.

У ног красавицы. Михаил Лермонтов и Эмилия Мусина-Пушкина

*Ермолин Евгений Анатольевич,
профессор ЯГПУ им. К. Д. Ушинского,
доктор педагогических наук, кандидат искусствоведения*

Лермонтов знаменит своею влюбчивостью. По свидетельству графа Владимира Соллогуба, известного литератора, поэт «страстно был влюблен в графиню Мусину-Пушкину и следовал за нею всюду как тень». Иван Тургенев, описывая встречу с поэтом на маскараде, вспоминал, как Лермонтов «поместился на низком табурете перед диваном, на котором, одетая в черное платье, сидела одна из тогдашних столичных красавиц, белокурая графиня Мусина-Пушкина –... действительно прелестное создание».

Графиня Эмилия Карловна Мусина-Пушкина - в девичестве баронесса Шернваль фон Валлен - родилась 29 января 1810 года. Она имела двух сестер, Аврору и Алину, и брата Эмилия. Всем было дано хорошее образование отцом, сенатором Карлом Иоганном Эмилием Шернвалем, он был одно время губернатором в Выборге.

В ранней молодости случай свел Эмилию с графом Владимиром Мусиным-Пушкиным, сыном богатейшего ярославского помещика. Владимир Алексеевич был старше Эмилии на двенадцать лет. Учился в иезуитском колледже в Петербурге, в монашеской строгости. В 1816 году он - офицер гвардии. Владимир также был чрезвычайно хорош собой, а еще добр и мягок, отчего снискал симпатии всех, с кем сталкивала его жизнь. Это человек простой и милый, любитель приятельских компаний, пирушек, вина, табака, карточной игры и - запойного чтения. Владимир уже тогда освободил своих крестьян из крепостного рабства.

Все изменил 1825 год. Владимир принял участие в заговоре декабристов - и после провала мятежа был сослан в Финляндию, в армию, в маленькую военную крепость, - под крепкий полицейский надзор. За ним следят, на него доносят. Потянулся за ним шлейф избранничества: государственный преступник - таким его видели в провинциальном обществе Гельсингфорса. Печать несчастья и страдания лежала на прекрасном челе - а тогдашние романтические девушки умели это ценить.

Мать Владимира, узнав о намерении сына просить руки Эмилии, была поражена и уязвлена. Она рассчитывала на гораздо лучшую партию. По ее просьбе Владимира перевели в захолустье, подальше от предмета воздыханий. Его дружно отговаривают от брака родственники и свойственники, даже генерал-губернатор Закревский, обещающий ссылке льготы.

Но любовь только крепнет в разлуке. Год длится борьба. Владимир совсем впал в тоску - и, наконец, тяжело заболел. Тогда только его мать смирилась с неизбежностью. Бракосочетание состоялось 4 мая 1828 года. Узнав невестку, старая графиня полюбила ее. Первые счастливые годы брака протекли в Финляндии, а в конце 1831 года Владимир был уволен со службы, ссылка кончилась. Однако полное прощение ему дано не было; с него взяли два обязательства: жить в Москве и не выезжать за границу.

Московское житье-бытье было веселое. Супруги нередко бывали в знаменитом салоне своей блистательной родственницы, сочинительницы Зинаиды Волконской на Тверской, где ныне Елисеевский гастроном. В июне 1831 года у них родился сын Алексей, год спустя - сын Владимир, названные в честь деда и отца. Жили в Москве не безвыездно. Бывали в ярославских усадьбах, чтобы насладиться прелестями сельской жизни, выезжали в Санкт-Петербург, в свет. Жизнь Владимира и Эмилии складывалась счастливо. В свете их любили. «Милая из милых», по слову Василия Жуковского, Эмилия блистала на балах, чаруя всех красотой. Фурор произвели ее белокурые волосы, синие глаза и черные брови. В Петербурге фрейлиной двора была сестра Эмилии Аврора,

блиставшая красотой и имевшая немало поклонников. Обе сестры были в числе первых красавиц северной столицы. Современники величали их «финляндскими звездами». В свете сестры соперничали с Натальей Николаевной Пушкиной - три звезды первой величины.

Невольно возникало желание сравнивать сестер, определяя, кто из них более достоин поклонения. А. Смирнова-Россет, бывшая в те годы также фрейлиной двора, писала позднее: "Я тогда только что вышла замуж и очень веселилась (...) мы переехали на дачу на Каменном острове (...) К нам часто ездил секретарь прусского посольства граф Гаген (...) Геккерен также часто ездил. Рядом с ними жила графиня Пушкина-Урусова (речь идет о Марии Александровне Урусовой, которая была замужем за Иваном Мусиным-Пушкиным, братом мужа Эмилии - авт.) и давала вечера; муж ее был обжора, и давал обеды. Тут явилась в свет Аврора в полном блеске красоты (...) Сестра ее Emilie была хороша и еще милее Авроры. Она вышла замуж за графа Владимира Пушкина; она была очень умна и непритворно добра, как Аврора; в Петербурге произвели фурор ее белокурые волосы, ее синие глаза и черные брови..." По поводу негласного соперничества сестер Шернваль в свете Соллогуб писал: «Трудно было решить, кому из обеих сестер следовало отдать пальму первенства; графиня Пушкина была, быть может, еще обаятельнее своей сестры, но красота Авроры Карловны была пластичнее и строже». Что касается супруга, Владимира, то у него есть одно признание: Аврора - прекраснее, Эмилия же - живей и интересней... В характере Эмилии угадывается что-то от другой провинциалки в Петербурге - Татьяны Лариной, от душевных качеств «тургеневских девушек».

В столице встречались молодые супруги с Пушкиным, с его друзьями. Они естественно вошли в круг культурной элиты, еще не вполне отделившейся тогда от круга элиты светской. Был в нем и поэт Петр Вяземский. Тот, о ком Пушкин написал однажды: «Судьба свои дары явить желала в нем, В счастливом баловне соединив ошибкой Богатство, знатный род с возвышенным умом. И простодушие с язвительной улыбкой». С ним Эмилия оказалась связана особыми узами дружбы.

Московский почт-директор А.Булгаков писал 28 декабря 1832 года своему брату К. Булгакову: «Ну, брат, что за красавица Пушкина, жена Володина! Я не люблю белокурых, но вчера на нее залюбовался; к тому же одета она была прекрасно, с голубыми перьями на голове, а этот цвет идет к ней очень. Скажи Вяземскому, что она решительно лучше сестры своей». Два года спустя он так же восторженно расхваливал Эмилию своей дочери Ольге: «Какая мягкость, какой ум, какая приветливость!» «Скажи Вяземскому»... Возникает вопрос: а почему, собственно, именно Вяземскому нужно было передать, что Эмилия лучше Авроры? Здесь таится завязь еще одного сюжета, связанного с Эмилией. В конце 1836 года Эмилия в Петербурге. 27 ноября друг Вяземского Александр Тургенев записывает: «Вчера пил чай с графиней Эмилией Пушкиной. Прелестна во всем! (...) Сегодня дают оперу Глинки». И вот день спустя тот же Вяземский делился своими впечатлениями: «Вчера было открытие Большого театра и оперы Глинки (...) либретто довольно холодно и бледно, следовательно, музыканту было труднее вышивать по этой канве узоры. Зато Эмилия Пушкина удивительно хороша, и Тургенев вышивает по ней разные сентиментальные узоры нежно-пронзительными взорами своими».

Пожалуй, дело не только в том, что Тургенев «вышивает узоры». В другом дело. Эмилия затмила собой и Глинку. Вяземский не на шутку влюблен. Острослов, парадоксалист и скептик, «поэт мысли» неожиданно открывает в себе запасы чувства. Ему 44 года, и этот кабинетный человек все глубже погружается в сердечные переживания.

Сильным потрясением в жизни Мусиных-Пушкиных стали события конца 1835 года. Владимир был отчаянный игрок. Не однажды он проигрывал гигантские суммы. В расчет шли доходы с имения Борисоглеб, продавался лес, помогали родственники... И вот мы читаем в письме А.Тургеневу Вяземского от 29 декабря: «Пушкины едут на несколько лет в деревню. Муж, сказывают, в пух проигрался». Речь здесь идет о знаменитом, небывалом проигрыше Владимира. Он проиграл в карты огромные суммы, оказался на грани разорения. Тогда и распространился слух, что семейство удаляется на несколько лет в деревню, чтобы поправить дела. Шли неслучайные толки и о нечистой игре, об участии шулеров. Московский полицмейстер назначал специальное расследование. Можно догадываться, что значило это «на несколько лет» для влюбленного

Вяземского. Но отъезд в деревню, очевидно, не принял фатального характера. Во всяком случае уже зимой 1836-1837 годов Мусины-Пушкины - снова в Петербурге; снова в свете. В 1838 году прославленный Карл Брюллов пишет портрет Владимира Алексеевича. Согласно легенде, художник назвал Мусина-Пушкина «семиотным» - гармоничным, как гамма...

Сохранились письма Вяземского, адресованные графине Эмилии. (Письма, кстати, на французском; русским языком Эмилия не владела.) 12 января 1837 года Эмилия с пятилетним сыном Владимиром выехала из столицы в Москву, а оттуда в мологскую усадьбу Борисоглеб. Путешествие это даже по тем временам не слишком рискованное. Но три дня спустя Вяземский пишет Эмилии так: «...после грусти, которую нам навеял Ваш отъезд, самым пылким и неизменным моим занятием стало, конечно, же, беспокойство и нетерпение поскорее узнать об исходе Вашего путешествия. Я страдал за Вас, вместе с Вами и мерз и испытывал голод. По ускоренному и прерывистому биению моего сердца я отсчитывал все толчки и ухабы...» И так далее, и так далее, о тревогах сердца, о смуте и тоске, о том, что светские радости ему больше не милы... А уже назавтра - новое предложение - быть универсальным посредником, «комиссионером» для Эмилии, «идет ли речь об отправке колбас, килек, туалетных принадлежностей или книг» - «обо всем, что способно угодить Вашему вкусу, уму или сердцу». 18 января Вяземский ткет образ Эмилии в своем воображении, и видится она ему «бледной и безмолвной, похожей на охапку лилий или на поток лунного света, отразившийся в зеркале прозрачной волной». В конце января он пишет из Петербурга Булгакову: «А все жаль бедной Финской царицы. Что она так долго ехала? Выехала двенадцатого вечером, а восемнадцатого ее еще у вас не было». Предполагают, что графиня сбилась с пути, заплутав в январских выюгах...

За этими сердечными тревогами Вяземский проморгал трагическое развитие событий в семье друга, Пушкина. И тем сильнее было его потрясение, когда до него дошла весть о гибели друга. 16 февраля он пишет Эмилии очень взволнованно: «И что за удивительные совпадения! 29 января - день вашего рождения, день рождения Жуковского и день смерти Пушкина. Сердце мое разбито скорбью, но в нем все-таки высказаны Вам наилучшие пожелания...» И тут же: «...вчерашний бал был прекрасен. Сестра Ваша была залита бриллиантами; на голове у нее сияло солнце, но блеск Авроры оно, однако, не затмило». Горячо защищает поэт «оклеветанного» Пушкина и обрушивается на «подлость» Дантеса. «Я содрогаюсь при одной мысли, что в силу предубеждения или по одному упорству Вы можете думать обо всем этом не так, как я,- пишет Вяземский. - Но нет, нет! Ваше доброе сердце, Ваша способность чувствовать живо и тонко, все, что есть в Вас чистого, возвышенного, женственного, разубеждает меня, обеспечивает мне Ваше сочувствие». И он не обманулся.

Активнейшая переписка длилась полтора года. Эмилия из ярославской деревни посылает Вяземскому разные памятные подарки: то подушечку, вышитую самолично, то связанный ею кошелек. Однажды кошелек этот у Вяземского украли из кармана, и он признается, что совершенно сокрушен этим. Кошелек был для него талисманом, а теперь... «Сейчас я и не у себя, и не у Вас, я нигде, меня больше нет».

С зимы 1838-1839 годов был принят в доме Мусиных-Пушкиных Лермонтов. За несколько лет перед тем он создал свою знаменитую драму «Маскарад», где изобразил идеальную, прекрасную и чистую, героиню, оклеветанную, обвиненную в мнимой измене мужу и гибнущую в результате светской интриги, в зловещем вихре светского «маскарада», в который обратилась вся жизнь петербургского общества. Там его герой восклицает: «Что ныне женщина? создание без воли. Игрушка для страстей иль прихотей других!»

Теперь он влюбляется в Эмилию Мусину-Пушкину и посвящает себя уходу за ней. Мы не поймем смысл этого ухода, если не учтем, что в определенных формах оно было вполне легальным светским ритуалом, вариантом бескорыстного рыцарского поклонения женской красоте как таковой. Сами чувства здесь были этикетными. С другой стороны, такого рода этикетность таила в себе постоянный соблазн и грозила выйти за назначенные рамки. Дама могла откликнуться на

выражения чувства. Кавалер мог увлечься всерьез и сполна отдаться своей страсти, которая в таком случае в духе времени приобретала уже роковой характер и развивалась без остановок и промедлений. Здесь могла случиться и дуэль. Наконец, холостой мужчина мог даже скомпрометировать замужнюю женщину.

Бог знает, о чем думалось Лермонтову в эти месяцы ухаживания за Эмилией. Сопоставлял ли он Эмилию с Ниной, Владимира Мусина-Пушкина с Евгением Арбениным, а себя - с героем маскарадных походов князем Звездичем?.. Воображал ли он себя «демоном», поэму о котором дописывал в это же время?.. Едва ли. Кажется, его поклонение не шло слишком далеко. Свидетельство тому - его известное стихотворение. Лермонтов изящно срифмовал в 1839 году:

Графиня Эмилия -
Белее, чем лилия,
Стройней ее талии
На свете не встретится.
И небо Италии
В глазах ее светится.
Но сердце Эмилии
Подобно Бастилии.

Это стихотворение мадригального характера, где поэт создает традиционный, даже шаблонный образ «жестокой красавицы», однако меняет обычную серьезную интонацию на иную, шутовскую. И такая шутовскость дает нам понять, что поэт далек от испепеляющей душу романтической страстности. В то же время оказывается, что и Эмилия - вовсе не «игрушка», что пафос романтической драмы не совпадает с реальной самостоятельностью и самодостаточностью этого персонажа светской хроники. Возможно также, что поэт счел за благо превратить в шутку тот поворот взаимоотношений, который в ином случае выглядел бы как его поражение «на randevu» с героиней скорей тургеневского, чем карнавалльно-игрового склада. Об этом мы можем только гадать.

В мае 1840 года Лермонтов уезжает из Петербурга на Кавказ. Вероятно, с тех пор или даже с более раннего времени он и Эмилия больше не виделись. Для Лермонтова увлечение Эмилией - это, кажется, все-таки только эпизод в светской игре - игре, которую он, бывает, осуждает, но которой в то же время предается до самой смерти. В его сознании игра и жизнь срослись в нераздельное единство. Это его, очевидно, и сгубило год спустя.

Долги Мусиных-Пушкиных росли, но жизнь не казалась проигранной. Все-таки приходилось кое в чем себя ограничивать, больше времени проводить в имении. На целую великосветскую зиму средств уже не хватало. Впрочем, Эмилия полюбила и новую, ярославскую родину. В Борисоглебе графиня Эмилия насадила сад, прививала в хозяйстве всякое тонкое рукоделье, завела школу и больницу для крестьян. Очевидно, именно в этой больнице она заразилась тифом, ухаживая за тифозными больными. Смерть наступила на четвертый день болезни, 17 ноября 1846 года. Эмилия умерла в 36 лет. Соллогуб писал: «Графиня Мусина-Пушкина умерла еще молодою - точно старость не посмела коснуться ее лучезарной красоты». Аврора же так откликнулась на смерть сестры: «Любимая Эмилия умела забывать и уменьшать жизненную достоверность своим веселым очаровательным характером, похожим на искры шампанского».

Среди многих и многих воспоминаний об этой женщине, так ярко жившей и так возвышенно, по-христиански умершей, осталось и одно стихотворение Петра Вяземского. Называется оно «К ней».

Ты светлая звезда таинственного мира,
Когда я возношусь из тесноты земной,
Где ждет меня тобой настроенная лира,

Где ждут меня мечты, согретые тобой.
Ты облако мое, которым день мой мрачен,
Когда задумчиво я мыслю о тебе
Иль измеряю путь, который мне назначен,
И где судьба моя чужда твоей судьбе.
Ты тихий сумрак мой, которым грудь свежает,
Когда на западе заботливого дня
Мой отдыхает ум, и сердце вечереет,
И тени смертные снисходят на меня.

Граф Владимир остался вдовцом с четырьмя детьми на руках - Алексеем, Владимиром, Александром и Марией. Жизнь его после этого словно бы надломилась. Совсем сломила графа смерть сына Александра в 1854 году, он умер следом, оставив огромные долги - около семисот тысяч рублей и замечательное завещание. Похоронены Владимир и Эмилия были в одном склепе, в Борисоглебе. Смерть снова соединила их. Ныне эта могила - на дне Рыбинского псевдоморя.

Ярославский след «загадки Н.Ф.И.» **Неразделенная любовь М. Ю. Лермонтова к Н. Ф. Ивановой**

*Нестерова Мария,
учащаяся школы №77, 11 «А» класс*

...моя любовь
Тебя отдаст бессмертной жизни вновь,
С моим названьем станут повторять
Твое...

М. Ю. Лермонтов

Вы спросите меня: при чем тут краеведение и как вообще история этой любви связана с нашим краем? Ответ на данный вопрос кроется во второй фамилии Ивановой-Обресковой. Дело в том, что Наталья Федоровна не просто отказала Лермонтову в любви, сначала она подала поэту большие надежды, а потом отдала предпочтение Николаю Михайловичу Обрескову, став его женой.

В свою очередь, Николай Михайлович Обресков является одним из представителей древнейшего дворянского рода Обресковых, который, начиная с 1654 года, был тесно связан с Ярославской землей. Многие из дворян Обресковых владели усадьбами и поместьями в Любимском, Галичском, Ярославском, Романово-Борисоглебском уездах, в Костромской, Ивановской и других губерниях.

Кроме того, я живу в микрорайоне "Резинотехника" в 300-х метрах от села Пазушино. А это село, начиная с середины 17 века, являлось родовым поместьем господ Обресковых. Здесь Алексеем Михайловичем была построена церковь, где крестили Обресковых, здесь же до 1930-х годов размещалась и семейная усыпальница с 18 захоронениями. Среди старожилов села нам удалось найти фотолюбителя, у которого сохранились старые негативы с видами села. Среди них мы нашли и уникальный для истории негатив с видом фамильного склепа (или усыпальницы). Уникальность этого снимка заключается ещё и в том, что в 30-40гг. семейный склеп Обресковых был превращен в конюшню, а потом и вовсе разграблен и разрушен.

Но я выбрала для исследования не просто тему "Судьба древнейшего рода Обресковых", а маленький её кусочек, связанный с именем Натальи Федоровны Ивановой, известной столичной красавицы. Что же это была за женщина?

Взгляните на этот портрет, выполненный в 1830 году художником Бинеманом. Перед Вами - изящная и очень грациозная женщина с хорошим сложением, тонкой шеей, спокойным и загадочным взглядом. Это и есть та самая Н.Ф.И., в которую долгие годы был безумно влюблен Лермонтов и которой он посвятил свыше 30 стихотворений и драму "Странный человек". Отличаясь изысканными манерами, лёгкостью в обращении, она была желанной гостьей на всех светских балах. На мой взгляд, она чем-то похожа на знаменитую красавицу Натали Гончарову - жену Пушкина.

Взгляните внимательно на её портрет. Нежный, чистый овал. Удлиненные, томные глаза. Пухлые губы. Черты лица хранят гордое и спокойное выражение, в уголках красивого рта спрятана любезная улыбка. Весь внешний облик её как бы комментирует лермонтовские строчки:

*"С людьми горда,
судьбе покорна,
не откровенна, не притворна"*

Я не буду подробно останавливаться на биографии Натальи Федоровны. Замечу только, что отцом Натальи был знаменитый в те времена драматург Федор Федорович Иванов, автор популярной трагедии "Марфа-Посадница". Он часто устраивал в своем доме литературные вечера, на которые приходили П.А. Вяземский, К.Н. Батюшков, князь И.М. Долгорукий, и время проходило "весело, с пользой и чашею в руках".

Однако нас, как краеведов, гораздо больше интересовало знакомство Натальи Федоровны с

Лермонтовым, а затем с Обресковым. Почему она отвергла любовь поэта? Что влекло её в будущем муже - Николае Михайловиче? Как сложилась её дальнейшая жизнь с Обресковым?

Кто же был тот человек, ради которого Наталья забыла поэта, забыла все их встречи, и тайные поцелуи, и стихи, посвященные лично ей. Чем он сумел покориť сердце красавицы? Посмотрим внимательнее на Обрескова. Вот как описывает портрет лермонтовского "конкурента" Ираклий Андроников: "Молодое лицо его довольно красиво, окружено кудрявыми бачками. Но выражение надменное и словно брезгливое - неприятное выражение. Он в штатском: высокий воротник фрака, как носили в пушкинские времена, бархатный бант, цепочка с лорнетом и в петлице фрака орден: крест на полосатой ленте. Очевидно, Георгиевский».

Николай Михайлович Обресков, сын генерал-лейтенанта Михаила Алексеевича Обрескова, родился в 1802г. в Петербурге и восьми лет был отдан в Пажеский корпус. В 1819г. он вступил корнетом в лейб-кирасирский её величества полк, из которого через два года переведен в Арзамасский конно-егерский. В 20-х годах этот полк квартировал в Нижнедевицке, недалеко от Воронежа, и офицеры часто бывали званы на балы воронежского губернатора Николая Ивановича Кривцова, женатого на красавице Елизавете Федоровне Вадковской. Обресков считался с нею в близком родстве. В губернаторской гостиной его встречали как своего. В один из июньских дней 1825 года полковой командир полковник Бердяев получил неприятное уведомление. По окончании последнего бала, на котором присутствовали и офицеры его полка, губернатор обнаружил, что из спальни его супруги похищены золотая табакерка, изумрудный, осыпанный бриллиантами фермуар и двадцать три нитки жемчуга. Кривцов заподозрил гостей. На знамя Арзамасского полка легла "позорная тень". Полковой командир начал допрашивать бывших на балу офицеров, и тогда один из них отдал ему все пропавшие вещи и сознался в краже. Это был поручик Обресков.

Что толкнуло Обрескова на этот поступок, который навсегда погубил его карьеру? Крупный карточный проигрыш и надежда, что его не заподозрят? Или романтическая история с женой губернатора - красавицей Вадковской. Она сама, быть может, отдала с тайной целью ему в тот вечер фамильные драгоценности, а потом, когда муж обнаружил пропажу, Обресков решил спасти честь любимой?

Военный суд лишил Обрескова прав состояния и разжаловал в рядовые, списанием в Переяславский конно-егерский полк. Из Переяславского полка его в 1829 году перевели по-прежнему, рядовым, в Нижегородский драгунский полк, который в то время делал турецкую кампанию. Обресков побывал в походах, участвовал в турецкой войне. При взятии Эрзурума он отличился и был награжден "солдатским Георгием", как называли тогда в войсках знак "Военного ордена". Этот крестик носили на такой же точно черно-оранжевой георгиевской ленточке, только права на включение в списки георгиевских кавалеров он не давал. Семь лет Обресков прослужил в солдатах. Только в 1833 году он был, наконец-то, "высочайше прощен" и уволен с чином коллежского регистратора. В таком чине в царской России служили самые маленькие чиновники (пушкинский станционный смотритель), и с этим чином Обресков должен был начинать новую жизнь. В 1836 году он определился на службу в канцелярию курского гражданского губернатора. В Курске, постепенно повышаясь в чинах, Обресков прослужил до 1841 года и перевелся в канцелярию харьковского губернатора. Первое время он занят был хлопотами о возвращении ему дворянства и о распространении дворянских прав на детей. В 1860-х годах служил предводителем дворянства в Демянском уезде Новгородской губернии. Умер он в 1866 году, в шестидесятичетырехлетнем возрасте, в своем новгородском поместье Боровичи, дослужившись до чина надворного советника. Но самое интересное то, что в тот год, когда он поселился в Курске и поступил мелким чиновником на службу тамошнему губернатору, он был уже женат на Наталье Федоровне Ивановой.

Почему Наталья Федоровна, обращавшая на себя внимание в московском светском кругу, вышла замуж за этого опозоренного человека, для которого были закрыты пути служебного и общественного преуспеяния? Полюбила? Может быть, потому что он был намного старше Лермонтова, опытнее, да к тому же военный. А может быть, потому что у него в Тверской и Новгородской губерниях насчитывалось около семисот пятидесяти крепостных душ, и он считался состоятельным человеком? Этого мы, очевидно, никогда не узнаем.

Известно, что в начале 1830-х годов Н.Ф. Иванова вышла замуж за Н.М. Обрескова и переименовала фамилию. Но и после замужества она всегда помнила о Лермонтове, дорожила его стихами. В специальной шкатулке она бережно хранила экземпляр пьесы "Странный человек", аккуратно переписанный для неё самим Лермонтовым. Здесь же были спрятаны посвященные ей стихи. Через три года после замужества муж Н.Ф. Обресковой был "высочайше прощен", а ещё через три года семья Обресковых переехала в Курск, т.к. Николай Михайлович поступил на службу в канцелярию Курского губернатора.

У Натальи Федоровны было от мужа четверо детей: два сына и две дочери, которым лишь в 1860 году вернули дворянство. Дмитрий, отставной штаб-ротмистр, родился 1 января 1841 года. Был женат на Елизавете Дмитриевне NN. У них была дочь Варвара, внучка Н. Ф. Обресковой, которая умерла 13 апреля 1878 года. Сын Петр родился 22 июня 1842 года, а умер до 1852 года. Дочь Н.Ф.Ивановой и Н.М. Обрескова, Наталья, которая родилась 22 июля 1848 года, состояла в браке с Сергеем Владимировичем Голицыным. Наталья умерла в 1924 году. У них было две дочери: Христина Сергеевна Арсеньева и Наталья Сергеевна Маклакова. Другая дочь, Екатерина, родилась в 1849 году и воспитывалась в Женеве.

Скончалась Н.Ф. Обрескова 20 января 1875 года на шестьдесят втором году от рождения и погребена на Ваганьковском кладбище. Свидетельства об этом можно найти в солидном издании "Московский Некрополь". Некрополь - по-гречески «город мертвых» Поэтому "некрополями" называют так же алфавитные списки умерших и погребенных людей. Другими словами, - адресные книги кладбищ. Только вместо улицы и номера дома в "некрополе" указана могильная плита или надгробный памятник.

И тут же вслед за именем погребенного приводится все, что написано на могиле: годы рождения и смерти, изречения, стихи. В конце XIX - начале XX века были изданы описания и петербургских, и московских, и некоторых провинциальных кладбищ и даже описания русских могил за границей.

Так, по "Московскому Некрополю" мы узнали, что Наталья Федоровна была похоронена на Ваганьковском кладбище. Когда мои друзья-туристы совершили в прошлом году поход и проездом находились в столице, я попросила их отыскать и сфотографировать могилу Н.Ф. Обресковой. Они долго бродили по кладбищу, уточняли у сторожа место захоронения, но так и не нашли интересующую нас могилу. Один из работников кладбища объяснил, что в годы Великой Отечественной войны Ваганьково бомбили немецкие самолеты, и многие могилы были уничтожены, возможно, среди них оказалась могила Натальи Федоровны Обресковой.

Время стирает из памяти людской события, имена ушедших людей, меняет облик деревень и городов, но прекрасные строки великих поэтов живут веками. Они волнуют, вдохновляют, заставляют переживать, ибо чувства вечны.

Первый в России Памятник М. Ю. Лермонтову в Пятигорске

*Зенкина Ирина Ивановна,
зав. Домом-музеем А. М. Опекушина, с. Рыбницы Ярославской области.
(по материалам доклада М. Ф. Дамианиди,
зав. отд. науч. пропаганды Государственного музея-заповедника
М. Ю. Лермонтова в г. Пятигорске)*

В центре Пятигорска, в небольшом сквере стоит памятник М. Ю. Лермонтову работы известного русского скульптора Александра Михайловича Опекушина. Вот уже сто лет как он стал местом поклонения великому русскому поэту. Старые печатные источники, архивные документы донесли до нашего времени историю его создания.

Воздвигнутый на высоком месте, у подошвы горы Машук, памятник М. Ю. Лермонтову и сквер, расположенный вокруг него, стал любимым местом отдыха для горожан и гостей курорта.

Здесь ежегодно проходят поэтические митинги, здесь впервые прозвучали многие стихотворения о М. Ю. Лермонтове К. Кулиева, А. Шогенцукова, Р. Ахматовой, Г. Горбовского, Л. Ошанина и др.

М. Ю. Лермонтов сидит в раздумье на уступе скалы, сброшена шинель, расстегнут офицерский сюртук. Раскрытая книга упала к ногам, поэт задумчиво смотрит на снежную цепь кавказских гор. Никаких украшений, мешающих восприятию всего глубокого, поэтического и вместе с тем человеческого облика М. Ю. Лермонтова.

Отражением всенародной любви к поэту является и сама история создания лермонтовского памятника. Он был открыт 16(28) августа 1889 года. Первым, кто подал идею создания памятника М. Ю. Лермонтову в Пятигорске, был журналист П. К. Мартьянов. Выступая в 1870 году в печати, он сказал: "Петербург и Кронштадт ставят памятник Крузенштерну и Беллинсгаузену, Киев - Богдану Хмельницкому и графу Бобринскому, Смоленск - Глинке, почему бы Пятигорску, с его тысячами посетителей вод, не принять инициативы в деле сооружения памятника М.Ю. Лермонтову"¹.

Идея П. К. Мартьянова о сооружении памятника М. Ю. Лермонтову в Пятигорске была подхвачена арендатором Кавказских Минеральных Вод А. М. Байковым. 1 июля 1871 года он обратился к начальнику Главного Управления Наместника Кавказского действительному статскому секретарю барону А. П. Николаи с докладной запиской:

«В Пятигорске все напоминает Лермонтова. Там он писал свои лучшие сочинения и там кончил свою жизнь. Лермонтов поэт Кавказа и увековечить память его нужно в Пятигорске.

Не благоугодно ли будет Вашему Высокопревосходительству принять на себя инициативу воздания должной дани памяти поэта и испросить разрешения: поставить ему памятник в Пятигорске, открыть с этой целью повсеместную подписку"².

Ходатайство было удовлетворено, и вскоре был получен ответ: "Высочайше разрешено 23 июля 1871 года сооружение в Пятигорске памятника М.Ю. Лермонтову и открытие повсеместной в Империи подписки для сбора пожертвований на этот памятник"³.

Первый взнос после обнародования разрешения был сделан двумя крестьянами Таврической губернии, приславшими 2 рубля, после чего в течение трех лет в кассу пожертвований не поступило больше ни одной копейки"⁴. Такое положение дел со сбором денег на памятник М. Ю. Лермонтову обеспокоило общественность Кавказских Минеральных Вод. В 1874 году совместно со столичными гостями, приехавшими сюда лечиться, они устроили публичные литературные чтения. Собранные 163 рубля послужили первоначальным вкладом на сооружение памятника. В январе 1875 года была открыта подписка в частях Кавказской армии, где служил поэт. Но только после того, как во Владикавказе в том же году был учрежден специальный Комитет по сооружению памятника М. Ю. Лермонтову в Пятигорске, подписка приняла широкий размах. В состав Комитета входили военные и штатские чиновники Терской области. Писатель-демократ Н.А. Благовещенский представлял в нем литературные и общественные круги. Со званием "строитель памятника" в Комитет был введен арендатор Кавказских Минеральных Вод А.М. Байков, председателем Комитета был генерал-

адъютант А. П. Смекалов. Члены Комитета разработали "Правила о сооружении памятника поэту Лермонтову", утвержденные 30 сентября 1875 года генералом фельдцейхмейстером Михаилом.

Комитет развернул большую работу по пропаганде сбора средств на памятник среди населения России, выпустили для этой цели листы с воззванием к народу, давали информацию в периодическую печать о собранном капитале и т.д.

Средства, поступившие на адрес Комитета, были незначительными, так как в основном деньги шли от мелких служащих, интеллигенции, военных. Для сановной бюрократии М. Ю. Лермонтов по-прежнему оставался поэтом в опале.

Никто из членов Комитета не предполагал, что сбор средств на памятник растянется на многие годы, а на посту его председателя сменится три генерала. Политическая обстановка в России неблагоприятно отразилась на деятельности лермонтовского Комитета. В период 1876-1878 гг. проходили в стране сборы денег для оказания помощи балканским славянам. Русско-турецкая освободительная война также потребовала пожертвований от частных лиц, различных обществ и учреждений.

Решено было на время приостановить работу Комитета, но как только окончилась война, возобновилась его деятельность. В "Вестнике Европы" в начале 1880 года было опубликовано воззвание, сообщавшее, что собранная с 1871 года сумма составляет 6997 руб. 50 коп⁵. "Эта сумма в настоящее время представляет собою весь капитал, имеющийся в распоряжении Комитета, капитал далеко не представительный для сооружения хотя бы самого скромного памятника поэту, но даже для составления его проекта"⁶.

Обращение к гражданам России сыграло положительную роль, призыв был услышан. За один только 1880 год было получено 8253 руб. 53 коп. Из них тысячу рублей собрал среди своих знакомых А. И. Васильчиков, секундант на дуэли М. Ю. Лермонтова с Н. С. Мартыновым. Деньги на памятник шли со всех концов России: из Владимирской, Курской, Ефимской, С-Петербургской, Кубанской, Ставропольской и других губерний. Так народ высказал свою любовь к М. Ю. Лермонтову.

Большую помощь в сборе средств на памятник оказала газета "Листок для посетителей Кавказских Минеральных Вод", которая выделила специальную рубрику "О подписке на памятник М. Ю. Лермонтову в городе Пятигорске". Среди подписчиков некто Иван Андреичев внес 99 копеек и по этому поводу прислал в редакцию "Листка" письмо, в котором объяснил, что подписываемые им 99 копеек он представляет на пополнение одной копейки, пожертвованной на памятник господином Мищенко, т.к. по его крайнему разумению он находит, что, "пожертвованием этой одной копейки выражена явная насмешка над бессмертными произведениями Лермонтова и над сочувствием общества к его заслуженной памяти"⁷.

Этот случай стал достоянием широкой гласности и об этом с болью и негодованием рассказывал в 1876 году Ф. М. Достоевский в "Дневнике писателя": "Он пожертвовал одну копейку серебром и подписал свое имя... именно мечтая о славе... Статский советник имел, очевидно, в виду высказать свою умственную силу, взгляд, направление, он протестовал против искусства, против ничтожности поэзии в наш век "реализма", пароходов, железных дорог"⁸.

На страницах "Листка" выступил писатель, член Комитета Н. А. Благовещенский с обращением к жителям Пятигорья и ко всем посетителям курорта принять участие в подписке на памятник поэту. Газета ежегодно из номера в номер сообщала читателям сведения о состоянии капитала по всем подписным листам и о работе Лермонтовского Комитета. По инициативе Комитета с 1881 года в Пятигорске 15 июля стали проводить День памяти М. Ю. Лермонтова. Начинаясь он с панихиды в городском соборе. Не обошлось здесь без инцидента. Протоиерей Василий Эрастов (гот самый, который в 1841 году отказался хоронить М. Ю. Лермонтова по обрядам православной церкви) категорически отказался проводить службу. Пришлось обращаться Комитету к епископу Герману с просьбой разрешить панихиду⁹.

После панихиды состоялось открытие первой (временной) мемориальной доски на доме, где жил поэт в 1841 году, а затем торжественное шествие депутатов с венками для возложения их к бюсту М. Ю. Лермонтова в Елизаветинской галерее. Вечером в Михайловской галерее (ныне музей "Курортная выставка") состоялся большой концерт "исключительно составленный из музыки на произведения Лермонтова".

В концерте участвовали столичные гости: М. Н. Гурьева, Е. А. Евдокимова и артисты императорских театров Д. А. Усатов, П.А. Хохлов, Н. И. Музиль и П. А. Щуровский. Весь сбор с концерта поступил в фонд памятника. В результате чествования была собрана крупная сумма - 2000 рублей¹⁰.

К деятельности Комитета относится и его работа по определению места дуэли М.Ю. Лермонтова с Н. С. Мартыновым. В сохранившихся документах находится черновик протокола по определению места дуэли с показаниями извозчиков Е. Чалого и И. Чухнина, перевозивших тело убитого поэта с места его трагической гибели к его квартире.

Известно, что к работе комиссии по определению места дуэли присоединился первый биограф М. Ю. Лермонтова - П. А. Висковатов. А. М. Байков тогда записал: "Профессор Дерптского университета П. А. Висковатов, составляющий описание жизни М. Ю. Лермонтова и собирающий данные для его биографии был у меня 12 августа 1881 года.

Вечером ездили с ним и Г. Хр. Якобсоном смотреть место дуэли и по всем имеющимся у него данным остановились на месте, указанном Чухниным... П.А. Висковатов передал мне нечто вроде протокола относительно места дуэли поэта М.Ю. Лермонтова. Протокол этот подписан и Эмилией Шан-Гирей 15 августа 1881 года"¹¹.

По сообщению газеты "Листок для посетителей Кавказских Минеральных Вод", стало известно, что с 1881 года чествование памяти М.Ю. Лермонтова в Пятигорске становится уже традицией. Одновременно продолжается сбор денег на памятник.

К январю 1883 года собранная сумма достигла уже почти 30000 руб. С таким капиталом можно было начинать работу по изготовлению памятника. Председатель Комитета начальник Терской области А. П. Свистунов обратился в редакцию петербургского журнала "Хозяйственный строитель» с пожеланием, чтобы редакция взяла на себя организацию конкурса на составление проекта памятника. Редактор журнала П. П. Мижув предложил сделать конкурс всенародным, считая, что сооружение памятника поэту является "делом сочувственным всей русской интеллигенции", ему надо дать "сколь возможно большой простор, пригласить к нему лиц из сфер: ученой, художественной и литературной"¹².

Генерал-лейтенант А. П. Свистунов согласился с доводами П. П. Мижуба и предоставил ему полное право на организацию и проведение конкурса на лучший проект памятника М. Ю. Лермонтову.

Конкурс на лучший проект памятника М. Ю. Лермонтову был открыт в Петербурге в начале 1882 года. Была создана комиссия, в состав которой входили: М. О. Микешин, известный русский художник, автор проектов памятника "Тысячелетие России" в Новгороде, Богдану Хмельницкому в Киеве, Екатерине II в Петербурге и многих других; И. Н. Крамской - один из создателей Артели художников и Товарищества передвижников, утверждавший принципы демократического реалистического искусства; А. А. Краевский, лично знавший М. Ю. Лермонтова, издатель журнала "Отечественные записки", где поэт публиковал повести из романа "Герой нашего времени" и другие произведения. В комиссию вошли однополчане М. Ю. Лермонтова: А. И. Арнольди, автор "Записок" о службе с поэтом в Гродненском гусарском полку в 1838 году и о встрече с Лермонтовым в Пятигорске летом 1841 года, М. И. Цейдлер, сослуживец поэта по Гродненскому гусарскому полку. Участвуя в проходах Цейдлера на Кавказ, М.Ю. Лермонтов написал экспромт "Русский немец белокурый...». Цейдлер впоследствии сделал гипсовый барельеф поэта по оригиналу Шведе.

Был приглашен в состав комиссии начальник Николаевского кавалерийского юнкерского училища генерал А. А. Бильдерлинг, основатель первого лермонтовского музея, и другие. Председателем комиссии стал редактор журнала "Хозяйственный строитель" П. П. Мижув.

На первом заседании, состоявшемся 9 февраля 1882 года, П. П. Мижув предложил первоначально объявить конкурс не на сам проект, а на его идею, предоставив его участникам право выразить идею произвольно - рисунком, моделью, письменным изложением. "Премировать лучшее проявление идеи с предоставлением ее осуществления художнику-специалисту по усмотрению Комиссии, или же назначить на премированную идею новый конкурс путем модели или рисунка по усмотрению"¹³. Выступление председателя комиссии поддержал художник М. О. Микешин. Он считал, что скульптурное произведение должно выражать собой полную, ясную нравственную

оценку личности поэта, олицетворять его поэтический образ и степень культуры эпохи, в которой он был сооружен. К этому первому заседанию художник готовился серьезно, свое отношение к предстоящему конкурсу он выразил в докладной записке, которую зачитал членам комиссии.

"...Я хочу лишь убедить в том законном и логическом сознании, что каждый монумент должен изображать с возвышенным совершенством (в смысле идеи) лишь то, что составляет его цель, его задачу... Если бы каждый памятник строился на столь совершенно выработанной идее, если бы в сочинении его не было ничего упущено, а ровно и ничего лишнего не прибавлено, тогда наши монументальные сооружения приобрели бы совершенно иное значение в общественном мнении не только современников, но и потомства"¹⁴.

Следующее заседание комиссии состоялось 21 октября 1882 года. Возник между ее участниками В. П. Гаевским и А. А. Бильдерлингом. Первый из них выступил с заявлением о том, "что Лермонтов принадлежит всей России, а потому место ему не на Кавказе (как это утверждал начальник Николаевского кавалерийского училища), а в одном из двух центров"¹⁵. Обсуждение перенесли на следующее заседание, состоявшееся 29 октября 1882 года. Спор продолжался. В. П. Гаевский считал, что желательно поставить памятник М. Ю. Лермонтову в Москве, где поэт родился, его поддержали другие члены комиссии: П. П. Каратыгин, А. А. Краевский, М. А. Микешин, П. П. Мижухев. Наконец все единогласно решили - поставить памятник М. Ю. Лермонтову в Москве. С этим предложением комиссия обратилась к главноначальствующему над гражданской частью на Кавказе князю А. М. Дондукову-Корсакову. Вскоре пришел ответ, князь отклонил ходатайство, инициатива общественности была подавлена. В мрачные годы разгула политической реакции не могло быть и речи о постановке в Москве памятника опальному поэту.

Таким образом местом для сооружения памятника М. Ю. Лермонтову остался город Пятигорск.

Покончив со всеми формальностями, члены комиссии только на 4 заседании 19 ноября 1882 года выработали окончательную программу конкурса.

"Желающим предоставляется представить на конкурс свою мысль производно эскизным рисунком, в виде рисунка карандашом, пером, акварелью или в виде небольшой модели из глины или воска и т.п. Масштаб может быть произвольный. Рисунок и модели должны быть снабжены запискою, поясняющей мысль автора..."¹⁶

Программа была опубликована во многих журналах и газетах России, чтобы как можно больше привлечь желающих к участию в конкурсе.

Участники первого конкурса обязаны были представить свои работы к 17 февраля 1883 года. Комиссия утвердила список членов жюри.

В его состав вошли: профессор Ф. И. Иордан, известный гравер, создавший портреты деятелей русской культуры и портрет М. Ю. Лермонтова гравированный на стали с акварели К. А. Горбунова, художник К. Е. Маковский, М. А. Зичи, иллюстратор романа "Герой нашего времени", поэмы "Демон", художник, гравер, коллекционер произведений искусства М. П. Боткин; литераторы: редактор журнала "Вестник изящных искусств" А. И. Сомов, художественный критик А. М. Матушинский, поэт Я. П. Полонский; скульпторы Н. И. Ловрецкий, П. П. Забелло, М. Ф. Чижов; архитекторы И. С. Богомолов, Е. А. Сабанев, И. И. Шапошников.

На первый конкурс было представлено 52 проекта, 15 моделей, 5 письменных заявлений идей без рисунка¹⁷. Но они не были одобрены даже в общих чертах. Жюри не присудило не только первой, но и второй • премии. Работы не удовлетворяли требованиям комиссии и "не выражали идею памятника".

Комиссия решила объявить второй конкурс, определяя его срок на 5 апреля 1883 года. Участвовать в нем были приглашены скульпторы и художники П. П. Забелло, М. М. Антокольский, Н. И. Ловрецкий, К. Е. Маковский, М. А. Зичи, А. М. Опекушин.

Второй конкурс тоже не дал желаемых результатов. Всего было прислано 65 проектов. "М. А. Зичи составил проект памятника поэту М. Ю. Лермонтову на 6 листах, на проекте этом подписал свое имя и заявил, что желает остаться вне конкурса, предоставляя свой труд, как знак особого уважения к поэту и вместе с тем отказывается от экспертизы". Проект Зичи не удовлетворял требованиям жюри ввиду дороговизны его исполнения.

Рассмотрев присланные на конкурс эскизы, наброски, модели, выражающие идею памятника М. Ю. Лермонтову, комиссия признала лучшим проект № 44 под девизом "Лучше поздно, чем никогда". Ее автор преподаватель рисования в г. Тамбове Иван Петрович Фрейман удостоен I премии. Второй премией награжден проект № 27 под девизом "Одинок он стоит, задумавшись глубоко, и тихонько плачет он в пустыне", его автор скульптор Роберт Романович Бах. Итоги 2 конкурса были доведены до сведения Владикавказского Комитета.

Отмеченные I и 2 премией модели не были приняты к исполнению в бронзе. Из всех представленных на конкурс работ комиссия при тщательном и всестороннем обсуждении не могла остановиться ни на одном из них и решила назначить 3 конкурс. Все с нетерпением ожидали его результатов. Был избран новый состав жюри, а также эксперты по бронзовой отливке, по мраморной и гранитной работе, специалисты по определению стоимости премированной модели.

30 октября 1883 года комиссия подвела итоги. Было представлено 15 моделей. Их выставили на всеобщее обозрение в помещении Общества поощрения художеств. Свое мнение по поводу выставленных работ посетители могли изложить письменно. Таких записок оказалось 28. Многие сомневались, что конкурс даст положительный результат, т.к. короткие перерывы между конкурсами не позволяли особо надеяться, что за это время можно создать что-либо интересное. А все-таки конкурс завершился успешно, жюри сочло возможным большинством голосов присудить первую премию одному из проектов под № 14. Автором модели № 14 под девизом "Порыв" оказался академик ваяния А. М. Опекушин, получивший премию в 1000 рублей. Работа Опекушина отличалась от большинства других простотой композиции, высоким профессиональным мастерством исполнения. Кавказ стал основой образного решения его проекта. Однако модель имела свои недостатки - малое сходство с внешностью поэта, которые он обещал исправить.

Последнее II заседание комиссии состоялось 2 июня 1884 года. Его члены А. И. Арнольди, М. А. Чижов, П. А. Монтеверде, В. П. Гаевский, осмотрев изготовленную А. М. Опекушиным модель памятника М. Ю. Лермонтову, признали, что указанные Опекушину в заседании 30 октября 1883 года необходимые изменения в выставленной им на конкурс модели памятника исправлены. Постановили: действия комиссии по составлению проекта памятника поэту М.Ю. Лермонтову считать оконченными.

А. М. Опекушин выполнил огромную подготовительную работу, прежде чем был создан окончательный вариант памятника. Он просмотрел, прочитал, изучил сотни книг, рукописей, писем, портретов М. Ю. Лермонтова и другие материалы. Им были созданы десятки рисунков и моделей статуи Лермонтова и самого памятника, и все они не удовлетворяли Опекушина. Скульптор не оставлял работы над поиском образа и после того, как в октябре 1883 года в последнем конкурсе на лучший проект памятника Лермонтову получил первую премию. Ни одно произведение не давалось ему с таким трудом. Самым сложным для скульптора оказался вопрос о внешности поэта, чей образ он должен был представить в бронзе. Если при исполнении бюстов и статуй Пушкина скульптор мог видеть посмертную маску и ряд превосходных его портретов, то на этот раз Опекушин не имел такой возможности. С лица Лермонтова не была снята посмертная маска, а портреты его были весьма противоречивы и вызвали споры среди тех, кто знал его лично. Председатель Комитета по сооружению памятника генерал-майор Е. К. Юрковский писал в октябре 1884 года П. П. Мижуеву, что "судя по этой модели, можно догадываться о принадлежности сооруженного по ней памятника поэту Лермонтову только по надписи на пьедестале". Если Опекушин не исправит этот недостаток, то "Комитет не сочтет себя вправе воспользоваться премированной моделью"¹⁹.

Действительно, портрет поэта, оставленный его современниками, ставил перед каждым, кто захотел бы его изобразить в живописи, графике, скульптуре огромные трудности. Анализируя высказывания современников о внешности Лермонтова, И. Л. Андроников писал: "Дело, видимо, не в портретистах, а в неуловимых чертах поэта. Они ускользали не только от кисти художников, но и от описаний мемуаристов. А если мы обратимся к воспоминаниям о Лермонтове, то сразу же обнаружим, что люди, знавшие его лично, в представлениях о его внешности совершенно расходятся между собой".

И. С. Тургеневу запомнилось выразительное лицо поэта. "В наружности Лермонтова было что-то зловещее и трагическое, какой-то сумрачной и недоброй силой веяло от его смуглого лица, от

его больших и неподвижных глаз. Вся его фигура, приземистая и кривоногая, с большой головой на сутулых плечах возбуждала неприятное ощущение: присущую мощь тотчас сознавал всякий...».²⁰ Известный журнальный деятель и беллетрист И. И. Панаев описывает Лермонтова так: "Он был небольшого роста, плотного сложения, имел большую голову, крупные черты лица, широкий и большой лоб, глубокие умные пронзительные глаза, невольно приводящие в смущение того, на кого он смотрел долго»²¹.

Художник М. Е. Меликов особое внимание в своих воспоминаниях уделил глазам, описанию взора Лермонтова. "... Он обладал большими карими глазами, сила обаяния которых до сих пор остается для меня загадкой. Глаза эти, умные, с черными ресницами, делавшие их еще глубже, производили чарующее впечатление на того, кто был симпатичен Лермонтову. Во время вспышек гнева они бывали ужасны. Я никогда не в состоянии был бы написать портрет Лермонтова при виде неправильностей в очертании его лица"²².

Понятно, как трудно было Опекушину создавать скульптуру, правдиво передающую образ поэта. В начале 1883 года он выступил в печати с сообщением о портретах Лермонтова и о важности решения вопроса о степени их сходства. Опекушин давал весьма важные сведения и советы скульпторам, "которые, может быть, в разных концах России готовят проекты памятника Лермонтову"²³. По его мнению, "самый распространенный" (в то время) портрет поэта "в сюртуке, без эполет, с шашкой и ремнем через плечо" оказался "наименее схожим". В результате осмотра ряда коллекций, а также портретов М. Ю. Лермонтова, собранных П. А. Висковатым, бесед с лицами, близко знавшими Лермонтова, Опекушин пришел к заключению, что особого внимания заслуживает автопортрет в бурке и на фоне гор 1837 года, а еще более - портрет поэта в профиль, написанный с натуры карандашом в 1840 году на Кавказе однополчанином Лермонтова Д. П. Паленом после валерикского боя в палатке барона Л.В. Россильона. "Профильный портрет поэта весьма важен, даже необходим при лепке бюста", - писал скульптор²⁴. Сходство этого портрета подтвердили современники, лично знавшие Лермонтова, - князь А. И. Васильчиков и генерал А. П. Потапов.

Понимая сложность и ответственность работы над созданием скульптуры Лермонтова, Опекушин в договоре, заключенном 10 июня 1885 года с А. М. Байковым, писал: "Ввиду того обстоятельства, что удовлетворительного портрета Лермонтова не существует, а нужно еще, так сказать, создать его, то я Опекушин, должен предварительно вылепить колоссальный этюд головы, воспользовавшись для этого имеющимися материалами и указаниями лиц, близко и лично знавших поэта, дабы предлагаемая к отливке бронзовая статуя до последней степени отвечала сходством с очертаниями облика покойного поэта."²⁵

Создавая памятник Лермонтову, Опекушин стремился отразить в нем не только портретное сходство, но и создать художественный образ поэта таким, каким он его себе представлял, влюбленным в Кавказ. Скульптор строил фигуру, учитывая окружающую природу. Перед ним встала важная задача построить памятник так, чтобы монументальные качества не были подавлены величественной картиной гор, чтобы он сливался с гордой красотой мест, которые любил поэт и воспел в своих произведениях.

Вдали тянулись розовой стеной,
Прощаясь с солнцем горы снеговые,
Машук склонялся лысой головой,
Через струи Подкумка голубые,
Казалось думал: тяжкою стопой
Перешагнуть поместия чужие...

Работа по изготовлению памятника шла медленно, потому что Опекушин одновременно трудился еще над созданием памятника ученому-натуралисту К. М. Бэру. Монумент ему был открыт 16 ноября 1886 года в Тарту, и только после этого Опекушин смог, наконец, все свои творческие силы посвятить Лермонтову. В 1887 году неожиданно скрылся, уехав за границу, мраморщик Эспозито, получивший вперед деньги (3000 рублей) за мраморную скалу для пьедестала памятника. Пока шла переписка, пока выясняли отношения, время шло. А. М. Байков убыток взял на себя. Он

писал наказному атаману, начальнику Терской области генерал-лейтенанту и кавалеру А. М. Смекалову: "Три тысячи рублей, выданные Эспозито от 20 июля 1886 года погибли безвозвратно. Как я уже и писал деньги эти (3000 руб.) предоставляю Комитету считать за мною... В дальнейшем Комитет может поступить двояким образом: или потребовать от меня 3000 руб. и поручить заказ пьедестала другому лицу, за то я в претензии не буду; или потребовать от меня, чтобы я dokonчил исполнение возложенного на меня Комитетом поручения, на то Комитет, конечно, имеет право... 15 августа 1888 года"²⁶.

Комитет решил, чтобы А. М. Байков продолжил возложенную на него работу. Взяв убыток на себя, Байков 2 ноября 1888 года заключил договор на изготовление теперь уже гранитного пьедестала и ступеней с другим мастером, тоже итальянцем А. С. Тонетти.

До открытия памятника оставалось меньше года, однако даже члены комитета не были уверены в близком его окончании. Секретарь Комитета по сооружению памятника Лермонтову П. В. Бойчевский с отчаянием писал А. М. Байкову: "... Просто какой-то злой рок висит над памятью незабвенного поэта, которого мы отняли от России и до сих пор не сберемся никак достойно почтить его память..."²⁷

Между тем изготовление памятника все же продвигалось все ближе и ближе к цели. 20 марта 1889 года А. А. Бильдерлинг сообщал во Владикавказ: "Академик Опекушин почти совершенно окончил лепку статуи Лермонтова, остается только окончить некоторые детали и поработать лицо по имеющимся у меня портретам и по указаниям современников - г.г. Краевского и Арнольди. Сегодня еще видел в мастерской Опекушина статую в глине и нахожу, что в художественном отношении она исполнена очень хорошо"²⁸.

Статуя высотой в 2,35 метра отливалась на заводе Морана в С-Петербурге и в начале июля была выставлена на дворе литейного заведения. Она изображает Лермонтова сидящим на обломке скалы в задумчивой позе. Военная шинель сброшена с плеч и красивыми складками драпируется сбоку, что является важным декоративным и композиционным звеном, связывающим фигуру и постамент в одно целое. У ног поэта лежит раскрытая книга. На челе печать глубокой мысли, взгляд устремлен вдаль.

Памятник предполагалось открыть в день рождения поэта, 15 октября, в честь 75-летия М. Ю. Лермонтова. Но после завершения курортного сезона в Пятигорске осенью жизнь замирала, и тогда торжество по случаю открытия памятника перенесли на август. В Пятигорске шли приготовления по завершению работ в сквере, где должно было состояться открытие памятника. Крутой обрыв с рывинами, по которым во время летних ливней неслись потоки грязи и камни, укрепили подпорной стеной из машукского камня. Сквер обнесли чугунной решеткой, баллюстрадой с фонарями по углам, сделали каменный грот и сторожку. Сама планировка сквера оказалась подобна лире. Проект был выполнен гражданским инженером, архитектором из Ростова-на-Дону Н. Л. Дорошенко.

В середине июля 1889 года Владикавказский Комитет обратился в Правление общества попутных железных дорог от Петербурга до станции Минеральные Воды с просьбой провезти статую Лермонтова, нигде не задерживая с тем, чтобы в последних числах июля она была в Пятигорске. Академик А. М. Опекушин, не нарушая условия контракта от 10 июня 1885 года, где он брал обязательство лично под своим наблюдением, установить памятник, выехал с мастеровыми в Пятигорск, получив от Комитета на поездку 1000 рублей²⁹.

Для постамента из Крыма привезли 8 массивных гранитных плит. Сооружение пьедестала выполнил итальянец С. А. Тонетти.

Прибывшие с Опекушиным мастеровые приступили к установке статуи. Простой и строгий пьедестал украшен бронзовой лирой и венком - внизу имя поэта и дата открытия памятника. На постаменте с южной стороны имя А. И. Опекушина.

Весь комплект работ по изготовлению и установке памятника М. Ю. Лермонтову был завершен. 16(28) августа 1889 года в Пятигорске состоялось открытие памятника. "Это был праздник Пятигорска, - писали в газете "Северный Кавказ", - все от мала до велика пришли на площадь к Лермонтовскому скверу"³⁰.

Окруженный флагами, цветами, гирляндами, на площадке усыпанной чистым песком,

возвышался огромный монумент, завешанный белым полотняным покрывалом. После торжественной панихиды в соборе, все присутствующие на ней во главе с начальником Терской области наказным атаманом генерал-лейтенантом А.М. Смекаловым отправились к памятнику в сопровождении военного оркестра. Смекалов прочитал краткий отчет о приходе и расходе сумм, собранных на памятник. Капитал составлял 54409 рублей 64 копейки. Из него израсходовано на премию по составлению эскиза и проекта памятника 1701 руб.25 коп., на устройство сквера со всеми постройками в нем, в том числе и Лермонтовского грота 25324 рубля 23 копейки, стоимость бронзовой статуи Лермонтова, отлитой на заводе Морана в Петербурге, составляла 14179 рублей 20 копеек, стоимость скалы (пьедестала) из крымского гранита с установкою 6023 рубля 82 копейки, а всего было израсходовано 49093 рубля 41 копейка³¹. Остаток денег предполагалось употребить с пользою для увековечивания памяти М.Ю. Лермонтова. Генерал-лейтенант А. М. Смекалов провозгласил памятник открытым, и в ту же минуту с монумента упала завеса. А. М. Опекушин, приехавший на праздник для руководства установкою памятника, открыл перед собравшимися скульптуру поэта. Перед заполнившей сквер публикой возник образ певца Кавказа. Оркестр Тенгинского полка заиграл гимн, а потом исполнил сочиненный В. Саулем марш "Лермонтов". Тенгинцы возложили к памятнику поэта роскошный серебряный венок.

Этот памятник М. Ю. Лермонтову - первый в России, поныне представляет одну из главных достопримечательностей города Пятигорска и является символом всенародной любви к поэту благодарных потомков.

Примечания:

1. "Всемирный труд", 1870, № 10.
2. ГПБ, ф. 429, ед. хр. 70, лл. 84в-84об.
3. Там же.
4. Там же, л.9.
5. "Вестник Европы", 1890, № I, С. 459-460.
6. Там же.
7. "Листок для посетителей Кавказских Минеральных Вод", 1875, № 8, 6 июля.
8. Достоевский Ф.М. Полн. собр. соч. IX.СПб., изд-во А. Ф. Маркса, 1895, С. 260.
9. ГПБ, ф.429, ед.хр.70, лл.68-68об.
10. Там же, лл. 67а,73а.
11. ГПБ, ф. 429, ед. хр. 70, лл. 88-89.
12. Там же, лл. 203-205.
13. ГПБ, ф. 429. ед. хр. 70, л.203,-205.
14. Там же, лл. 210-210об.
15. Там же, лл. 213-213об.
16. Там же, л. 218.
17. Там же, лл. 222-222об.
18. Там же.
19. ГПБ, ф. 429, ед. хр. 71, лл. 18-18об.
20. Якимов В.П. На месте последних дней Лермонтова // Исторический вестник. 1901, г. 85, С. 636.
21. Там же.
22. "Русская старина", 1896, г. XXXVI, кн. 6.С. 648.
23. "Новое время", 1883, № 2523. 8(20) марта, с.г.
24. "Неделя строителя", 1883. № II. С. 78.
25. ГПБ, ф. 429, ед. хр. 72, л. II.
26. ГПБ, ф. 429, ед. хр. 74,л. 354 об.
27. Там же, лл. 362-362об.
28. Там же, л.413.
29. ГПБ, ф.429, ед. хр. 74, лл. 432-433.
30. "Северный Кавказ", 1889, 24 авг.
31. "Исторический вестник", 1889, октябрь

Николай Юрьевич Лермонтов – ярославский архитектор

*Белова Марина Юрьевна,
ст. науч. сотрудник Музея истории города Ярославля*

Лермонтов Н. Ю. - ярославский архитектор первой половины XX века. Родился в 1867 г. в селе Алексеено Костромской губернии. Учился на специальном отделении Института гражданских инженеров в Петербурге (ныне – Инженерно-строительный институт)¹. Живя в Ярославле, Лермонтов Н. Ю. не только составлял проекты зданий, но и сам осуществлял техническое руководство строительством,

Многое в биографии архитектора не совсем ясно. Есть ряд архитектурных объектов, авторство которых ошибочно связывают с именем Н. Ю. Лермонтова. Скорей всего это вызвано сложностями, всегда существующими при определении автора того или иного проекта. Чертежи, хранящиеся в архивах с подписями архитекторов, свидетельствуют лишь о том, что владелец подписи принимал участие в проектировании данной постройки. Однако, чертежи могут быть рабочими, или подпись может принадлежать не автору проекта, а должностному лицу, принимающему работу. Чтобы определить, что именно было сделано данным архитектором по тому или иному проекту, нужно иметь какие-то дополнительные документы. Это могут быть протоколы заседаний строительной комиссии, пояснительные записки к проектам и т. д. Очень ценными источниками являются анкеты, которые составлялись в советское время всеми служащими при переходе с одной должности на другую.

Одну из анкет, заполненную Н. Ю. Лермонтовым, мне удалось обнаружить в ГАЯО². Но документ вызывает много вопросов. Во-первых, «Список наиболее интересных работ», составленный самим архитектором, начинается с 1913 года. Однако, еще в 1911 году им был разработан проект перестройки фасада северного корпуса Гостиного двора, который впоследствии Э. Добровольская и Б. Гнедовский характеризовали как «представительное, импозантное по своему облику сооружение»³. Кроме того, из анкеты следует, что в институт Н.Ю. Лермонтов поступает только в 1910 году и выбывает из него недоучившись по военным обстоятельствам в 1916 году⁴. Выходит, что архитектор учился без отрыва от работы.

Так или иначе, первый проект с подписью Н.Ю. Лермонтова из обнаруженных мной в архиве, датируется 1900 годом⁵. В это время архитектор работает инженером в губернской земской управе. С 1901 года Н. Ю. Лермонтов становится действительным членом ЯГУАК. Известно, что в составе комиссии он составляет описи церквей Ярославской епархии (1909 г.), и ведет наблюдение за ремонтом Вознесенской церкви в Ярославле⁶.

В декабре 1909 года архитектор приступает к разработке проекта перестройки западного фасада северного корпуса Гостиного двора. При приглашении его на заседания строительной комиссии к нему обращаются «Ваше высокородие»⁷. Это свидетельствует, что Н. Ю. Лермонтов имел чин статского советника.

Перед архитектором было поставлено условие сохранить тот же стиль постройки, но при этом уничтожить как наружную, так и внутреннюю галерею, за счет чего увеличить ширину корпуса⁸. Однако Н. Ю. Лермонтов не сохраняет старый стиль. Он смело модернизирует классическую ордерную систему, которая, как отмечают Э. Добровольская и Б. Гнедовский, приобретает «здесь совершенно новое художественное звучание. Ритм чередующихся широко расставленных пилястр большего ордера и огромных витрин в простенках создает выразительный образ крупного торгового предприятия с многочисленными помещениями, как бы нанизанными на единую ось, параллельную оси улицы»⁹. Искусствоведы подчеркивают также выразительность скошенных углов фасадов здания. «видимых издали при движении на одной из самых оживленных городских магистралей»¹⁰. По поводу скошенных углов в 1910 году в строительной комиссии разгорелись споры. Городской архитектор Н.Д. Раевский высказал замечание, что «срезанные углы здания, увеличивая красоту фасада, вредно влияют на удобства магазинов». Но после обсуждения решили: «срезанные углы оставить. Прямые углы вряд ли дадут больше удобства ... и, в смысле красоты фасада с тупыми углами, будет красивее!»¹¹. Завершая работу над Гостиным двором в Ярославле, Н. Ю. Лермонтов

разрабатывает проект здания Рыбинского земства (1911г.)¹².

В 1913 архитектор выполняет заказ купцов Понизовкиных, имеющих крахмало-паточный завод, (ныне – «Красный Профинтерн»). Распространено мнение, что Н.Ю. Лермонтов является автором проекта хозяйского особняка в псевдо-романтическом стиле¹³. Сам архитектор в своей анкете указывает, что в 1913 году он осуществлял самостоятельное техническое руководство, производство рабочих чертежей, изготовление шаблонов и т.д. «на постройке 40-ка квартирного дома на заводе бывшего Понизовкина»¹⁴. Следовательно, автором проекта был все-таки кто-то другой.

В 1914 Н. Ю. Лермонтов исполняет обязанности городского архитектора Ростова¹⁵. Там он осуществляет техническое наблюдение и руководство строительством следующих зданий: родильного приюта, городского училища, пристройки к зданию офицерского собрания, городских скотобоен; ведет капитальный ремонт, здания городской управы. По проекту архитектора строится беседка в городском саду. Вернувшись в 1915 в Ярославль, Н. Ю. Лермонтов работает над проектами реконструкции и строительства фабрично-заводских зданий, в частности нового серноокислотного корпуса на заводе Понизовкиных.

В советские годы, после антибольшевистского восстания 1918 года архитектор становится одним из организаторов строительных работ по восстановлению зданий, к примеру, городского водопровода, Казенного винного склада (ныне – Ликеро-водочный завод), первой Советской городской больницы (ныне - больница им. Соловьева).

В начале 1920-х Н. Ю. Лермонтов разрабатывает проект здания школы Садоводства и огородничества со службами. Под его руководством и по его проекту производится реконструкция здания бывшего ресторана "Столбы" под "Дом крестьянина".

И снова много времени архитектор уделяет промышленным объектам. Он руководит постройкой разработанного им же производственного корпуса на Ярославском гвоздильном заводе, осуществляет свой проект по отоплению и вентиляции заводов «Лакокраска» и «Красный маяк», составляет предложения по капитальному ремонту и переоборудованию завода Вахрамеева под постоянную выставку сельскохозяйственных машин и орудий и проектирует здания литейных и сборочных цехов для завода «Пролетарская свобода». Одновременно, в Полушкиной роще, на территории будущего Резиноасбестового комбината по его проектам возводят жилые дома для служащих, бараки для торфушек, конюшни пожарное депо, водонапорную временную электростанцию, лесопильный завод, слесарные и столярные мастерские, водонапорную башню. Н. Ю. Лермонтов проектирует целые комплексы промышленных построек, куда входят здания цехов, складов, жилых домов. Так в 1922 году архитектор составляет проект торфо-подстилочного-завода на Вакаревском торфянике. Проект включал жилые дома для служащих, бараки для торфушек, конюшни, пожарное депо, водонапорную башню, сарай и другие служебные здания. Тогда же Н. Ю. Лермонтов работает над типовыми проектами картофелехранилищ и складов, по одному из которых был построен картофеле-ссыпной пункт с элеватором и жилыми домами в пос. Семибратово.¹⁶ (Кстати, типовым проектированием архитектор занимался и в дореволюционный период. Им были составлены типовые проекты школьных зданий для Ярославской губернии с подробной разработкой деталей, сметными расчетами и пояснительной запиской¹⁷, а в 1916 году вышел в свет его «альбом типовых проектов народных домов»¹⁸).

В 1929 году Н. Ю. Лермонтов переезжает жить в Калугу. Там он получает звание заслуженного работника архитектуры. В 1949 году архитектор умирает. Похоронен он в Уфе на Сергиевском кладбище.¹⁹

От составителей. Вопрос о том, принадлежал или нет архитектор Н.Ю. Лермонтов к роду поэта М.Ю. Лермонтова нуждается в дальнейшем исследовании.

Примечания:

1. ГАЯО, Р-1297, оп.1, д.824, л. 521.
2. Там же.
3. Добровольская Э. Д., Гнедовский, Б.В. Ярославль Тутаев.-Москва, 1981. С. 252.
4. ГАЯО. Р-1297, оп.1, д. 824, л. 521.
5. ГАЯО. Ф.-509, оп.1, д. 3532, л. 13.
6. Труды ЯГУАК, кн. 7, в. 1, 1914- с. 5, 47, 73; в.2, 1914- с. 44.
7. ГАЯО. Ф.-509, оп.1, д. 1347, л.11.
8. Там же.
9. Добровольская Э., Гнедовский Б. В. Указ. соч. С. 252.
10. Там же.
11. ГАЯО. Ф.-509, оп.1, д. 1347, л. 69 – 71.
12. РИАХМЗ-7071.
13. См.: «Юность», 1990, 21 июля; «Золотое кольцо», 1996, 3 августа, «Северный край» , 1994, 15 сентября.
14. ГАЯО. Р-1297, оп, 1, д, 824, л,522.
15. Там же.
16. Там же. Л.523.
17. Пояснительная записка к альбому нормальных планов школьных зданий для Ярославских губерний,-Б.м., б.г.
18. Альбом типовых проектов народных домов.- Ярославль,1916..
19. Зеленов В.С. Калужский гражданский архитектор Лермонтов // Пятая краеведческая конференция Калужской области: тезисы докл. Обнинск, 1990. С. 88-91.

Митрополит Ярославский Иоанн (Вендланд) из рода Лермонтовых

*Волков Ярослав Викторович,
сотрудник Отдела религиозного образования
и катехизации Ярославской епархии*

С 1967 по 1984 год правящим архиереем епархии — девяностым — был митрополит Иоанн, в миру Константин Николаевич Вендланд, умерший 25 марта 1989 года. Прожив в Ярославле больше двадцати лет, он был известным человеком в городе, и не только среди верующих. Две реки его жизни, гражданская и церковная, текли, сливаясь вместе. Название одной — Церковь, другой — геология.

Митрополит Иоанн родился в Петербурге 14 января 1909 года в семье со старинными культурными традициями. Он — выходец из той русской аристократии, которая была впоследствии или повыбита железом, или разбросана по белу свету. О его предках написано в Энциклопедическом словаре Брокгауза и Эфрона. Какие удивительные повороты судьбы, неповторимые характеры знало то время! Карл Андреевич Шильдер, прадед, — генерал-адъютант, выдающийся военный инженер. К числу его изобретений, как сообщается в Энциклопедическом словаре, относятся разнообразные приемы инженерной атаки и обороны, подводные лодки и мины. Замечательна его деятельность как организатора и инициатора крепостных маневров, что потом было использовано при обороне Севастополя. Получив боевое крещение под Аустерлицем, он еще в возрасте семидесяти лет — боевой генерал, участвует в боевых походах и погибает в 1854 году в Дунайскую кампанию.

Имя деда, Николая Карловича Шильдера, сейчас все чаще мелькает на страницах популярных изданий. На него ссылаются как на автора работ по истории России, жизнеописаний русских полководцев и императоров. Отец, Николай Антонович Вендланд, служил в Петербурге в Адмиралтействе. Интересно, что он имеет определенное отношение к отмечаемому ныне 150-летию фотографии — ведь он один из пионеров цветной фотографии в России. За несколько лет до смерти митрополит Иоанн передал в архив журнала «Советское фото» цветные диапозитивы на стекле, сделанные его отцом в конце прошлого века. Это пейзажи средней полосы России, Крыма, Швейцарии. А лет двадцать назад в Одесском музее он увидел картину художника Буковецкого «Фотограф-любитель», написанную в 1894 году, на которой узнал своего отца. Но музейные работники так напугались его облачения, что попытка что-то выяснить об истории картины не увенчалась успехом.

Его мать, Нина Петровна (урожденная Кашнева), была очень образованная женщина. Она прекрасно рисовала, играла на фортепиано. Музыка окружала детей с самого рождения. Семья Вендландов была дружная и очень любящая. Росли две дочери, Елизавета и Евгения, и долгожданный сын Константин. Родители были православными верующими. В воспоминаниях о своих детских годах Владыка писал о том, как, объясняя детям молитву «Отче наш», мать особенно подчеркивала, что «мы молимся мой», «хлеб наш насущный даждь нам днесь», а не «дай мне». Думать о всех людях, отмечал митрополит, было девизом Нины Петровны. Она учила детей никогда не говорить: «Это моя игрушка», «Это мой молоток». Надо было сказать: «Наш молоток!» Такие принципы воспитывали нестяжательство.

Да, это была настоящая интеллигентная семья. Путаница в подходе к людям, которую внес так называемый классовый подход, затрудняет вообразить многое из их образа жизни. Например, в традициях такой семьи было пренебрегать накоплением материальных благ. Упорно трудились и взрослые, и дети. Кроме занятий музыкой, языками, науками, они обязательно учились какому-то ремеслу. «Папа вчера подарил мне верстак и два рубанка... Папа, вернувшись из Петербурга, привез мне пилу, две стамески и угольник...»

Эти строки из детского письма старшей сестры Владыки — Елизаветы, которая до старости любила столярничать. Первое сознательное проявление религиозного чувства, вспоминал Владыка Иоанн, возникло у него очень рано, в возрасте трех лет. Он испытывал чувство блаженства, когда

мама, уложив его в постель, осеняла крестным знаменем. Не обошлось и без курьеза. Узнав о Страшном Суде, что Христос поставит на левую сторону, а затем отправит в ад тех, кто не творил милостыню, ребенок загорелся страстным желанием что-то сделать для обездоленных. Но как? Денег нет. А между тем в родительской спальне на столике лежит рассыпанная серебряная мелочь. Он тайком сгрел ее в карман, намереваясь раздать нищим у церкви. Возмездие пришло слишком скоро, и вместо того, чтоб стать кандидатом на правую сторону, он стал «презренным вором» и, не умея ничего объяснить взрослым, только плакал от обиды.

Но настоящее духовное прозрение пришло к нему со смертью отца. Отец умер очень рано — от неизлечимой болезни. Великое горе охватило семью, в которой осталось трое маленьких детей. И в момент панихиды, которую Костя впервые услышал именно возле смертного одра своего отца, он осознал, что вера в Христа дает надежду на жизнь после смерти. По его собственным словам, он был потрясен и утешен: «Папа перешел туда, где <<праведницы сияют яко светила>>. Папа живет!>>

События жизни митрополита Иоанна опровергают расхожее представление о том, что служители церкви живут жизнью изолированной, отрешенной от общих забот. Константин Николаевич Вендланд закончил Ленинградский горный институт. Учился он блестяще. По мнению учителей, известных геологов В. А. Николаева и В. П. Лодочникова, в студенческом кругу наиболее выделялись своими способностями двое — К. Н. Вендланд и В. С. Соболев. Последний стал академиком, крупным ученым, теоретически предсказавшим возможность нахождения в Сибири крупных месторождений алмазов.

После окончания института Константин Вендланд работал на Урале, а потом много лет в Средней Азии. (В. А. Николаев считал его своим любимым и наиболее талантливым учеником. Получив кафедру в Ташкенте, он пригласил Константина Николаевича к себе в ассистенты). В Ташкенте будущий митрополит преподавал геологию, читал лекции, вел практические занятия по петрологии в индустриальном институте и на геологическом факультете университета. Защитил диссертацию на соискание кандидата геолого-минералогических наук: «Петрология вулканических толщ Приташкентского района».

Из его записей тех лет: «Азиатские горы, тяготеющие к Ташкенту, — это что-то особенное! Они достаточно велики, чтобы быть величественными, и в то же время не слишком грандиозны и не подавляют человека. В этих горах само собой образуется особое душевное состояние. Позади остаются искушения и суэта мира сего, душа очищается, какое-то святое безмолвие охватывает ее, и она видит и слышит Божию красоту окружающего мира. Это я очень хорошо чувствовал каждое лето, проведенное на геологической работе, особенно в Приташкентском районе».

Во время войны он искал в этих горах вольфрам и молибден, необходимые оборонной промышленности, награжден медалью «За доблестный труд в Великой Отечественной войне». За сравнительно короткий период Константин Николаевич Вендланд сумел создать свою школу геологов-петрографов. Некоторые его ученики стали крупнейшими учеными, возглавляющими научную геологическую службу в национальных республиках бывшего СССР. Его концепции и прогнозные оценки находят подтверждение и при современном уровне исследований. Его труды цитируются, и на него ссылаются.

Константин Николаевич всегда живо интересовался общими вопросами геологии и естествознания в целом. В первой половине сороковых годов у него возникло представление о земной коре, как о закономерной ассоциации геологических тел разной формы, состава и свойств. Новизна идей и постановка вопроса вызвала некоторую растерянность у присутствующих при защите научного отчета в Ташкенте сразу после войны. Сам же доклад он делал в Москве, уже, будучи монахом Троице-Сергиевой Лавры. Известие о его священстве дошло до геологических кругов Москвы. Это была эпоха Жданова и Лысенко. Доклад был разгромлен с идеологических позиций. Геологу К. Н. Вендланду рисовалось возникновение нового раздела геологических наук — учение о геологических телах. Он является, по существу, забытым предтечей учения о геологических формациях и стратиграфической геофизике, получившего развитие в последующие десятилетия. Но, уйдя на церковное служение, он уже не принимал участия в их разработке. Его товарищ по Горному институту академик Владимир Степанович Соболев сокрушался: «Ушел в попы, пропал для науки, академиком мог бы стать».

О реке жизни под названием «Геология» его коллегами и учениками создана рукописная книга воспоминаний. Мария Николаевна Соловьева, специалист Геологического института АН СССР, председатель Всесоюзной комиссии по микропалеонтологии, в военные годы училась в Ташкенте, и одним из ее преподавателей был будущий митрополит Иоанн.

«Константин Николаевич, — вспоминала она, — был талантливым педагогом. Притягательная сила его складывалась из блистательного владения материалом в сочетании с удивительными личностными качествами, чего не могла не понять и не оценить истерзанная войной и полуголодная студенческая аудитория. Читал он вдохновенно. У него был прекрасный выразительный голос. Он не держался отчужденно, но и не заискивал, чем грешат часто в поисках популярности иные лекторы. Он уважал нас, и это сказывалось в его всегда безукоризненной подготовленности к лекциям. Одет он был очень скромно, если не сказать бедно: телогрейка, горные ботинки. Худ был невероятно. Без преувеличения, все учившиеся у него и все работающие с ним любили и уважали его».

Он много занимался с детьми. Сохранился альбом с надписью на титульном листе - «К. Н. Вендланду от юных геологов Дворца пионеров». Константин Николаевич руководил этим кружком в течение шести лет. Зимой школьники изучали теорию, а летом ходили в экспедиции. На пожелтевшей фотографии — молодой человек высокого роста, худощавый, белая рубашка, ремешок через плечо. Вокруг ребята — русские, узбеки. Константин Николаевич помогал семьям репрессированных, которых в Ташкенте было множество.

Вклад К. Н. Вендланда в геологию Средней Азии весьма значительный. Кроме решения множества частных вопросов, им сделаны крупные научные обобщения о строении и происхождении массивов изверженных пород Западного Тянь-Шаня, основанные в значительной мере на данных собственных исследований. Они опубликованы в написанных им главах фундаментальных коллективных монографий, Трудах Среднеазиатского индустриального института, журналах, сборниках, бюллетенях.

Геологическое прошлое не отпускало его всю жизнь. Как и не отпускала любимая Средняя Азия, где он побывал дважды уже на рубеже 70-х годов. Прошлое — это и родные могилы, и воспоминания о праведных трудах, и дорогая земля. «Ташкент мы проезжали ночью. Все мы встали и поклонились городу, в котором прожили двадцать лет своей жизни».

Дважды Константин Николаевич Вендланд был делегатом Международного геологического конгресса, самого представительного форума, на который собирается весь цвет мировой геологии. Один раз в 1937 году, работая геологом. И второй раз в 1984 году. Церковь тогда была не в чести. И тем не менее организаторы 27-го Международного геологического конгресса в Москве пригласили митрополита Иоанна в качестве действительного участника. В списке делегатов напротив его фамилии указано место работы — Московская Патриархия.

Будучи геологом, он с 1933 года — тайный монах. На попечении Константина Николаевича находился его духовный отец — будущий митрополит Гурий, а тогда заключенный, вернувшийся со строительства Беломорканала.

Со своим духовным отцом, сыгравшим огромную роль в его жизни, Константин Вендланд познакомился еще в Ленинграде в студенческие годы. Там образовался кружок молодых людей, посещающих службы в киновии Александро-Невской Лавры, упоительнейшем уголке на правом берегу Невы. В конце двадцатых годов настоятелем этого приходского храма был отец Гурий. Собирались там Лев Поляков (в последние годы жизни — митрополит Рижский Леонид), Никита Мещерский, ставший профессором древнерусского языка, Мария Богданова, занимавшаяся тогда биологией рыб, брат и сестры Вендланды. Штатного псаломщика в храме не было. Эту обязанность взял на себя юный Константин Вендланд. Ему нужно было ежедневно ехать через весь город на трамвае, затем переплывать на пароходике на другой берег Невы и приходить в храм раньше священника. Не было случая, чтоб он опоздал или не пришел. К моменту прихода священника он шел звонить на колокольню, а затем читал часы и один пел на клиросе Божественную Литургию. Редко кто еще приходил на клирос в будни. Затем он ехал через Неву и весь город на работу и учебу. И так каждый день. Этот порядок мог нарушиться лишь выездом на полевые работы.

После шестилетнего пребывания за религиозную деятельность на Беломорканале отец Гурий не смог вернуться в Ленинград. Тут как раз и подоспело предложение профессора Виктора Арсеньевича Николаева молодому Константину Вендланду занять должность ассистента кафедры петрографии Ташкентского индустриального института. Отец Гурий нашел это предложение прекрасным, и оба они поехали в Ташкент. Вскоре туда приехали мама и сестры Константина Николаевича — врач-терапевт Елизавета Николаевна и агроном Евгения Николаевна, и еще несколько духовных детей отца Гурия. Поселились все в небольшом доме, стараясь подражать во всем первохристианской общине.

Впоследствии митрополит Иоанн так вспоминал это время: «Мы жили удивительной жизнью: с одной стороны, глубоко церковной, с другой стороны, активно гражданской. До сих пор я считаю такое соединение самым лучшим, чего мне хотелось бы. Только, весьма своеобразные, условия тридцатых годов позволили жить так, как жили мы. Мы не афишировали своей церковности. Это достигалось легко, потому что мы не были болтливы, а в гражданской жизни работали очень напряженно».

Осторожность эта была тем более необходима, что примеры преследования со стороны властей были перед глазами. В Ташкенте в это время служба шла только на кладбище, в небольшой часовне. Под открытым небом собирались православные верующие. Как вспоминал Владыка, среди толпы можно было увидеть величественную фигуру архиепископа Луки Войно-Ясенецкого. В то время он не служил, а работал профессором Ташкентского мединститута. Его арестовывали трижды, и он оказывался то в тюрьме, то в далекой заполярной ссылке. Хирурги знают его «Очерки гнойной хирургии», за которые в 1946 году архиепископу Тамбовскому Луке была присуждена Сталинская премия первой степени.

Были и другие печальные и трагические судьбы. В 1935 году по пути в Ленинград Константин Вендланд по просьбе отца Гурия заехал в Старую Руссу к его другу епископу Иннокентию Тихонову. В то время только что закончились вынужденные странствия епископа по Сибири, в которых его не покидала любящая мать. В 1938 году епископа Иннокентия перевели в Винницу в сане архиепископа, но, прослужив там около года, он вынужден был опять не по своей воле поселиться в сибирских лесах. Мать его туда уже не смогла поехать, а вернулась в Старую Руссу. В 1941 году она погибла от фашистской бомбы, а архиепископ Иннокентий исчез в сталинских лагерях.

Сразу после Победы, посчитав свой гражданский долг исполненным, Константин Вендланд выходит из келейного состояния к церковному служению. К тому времени он был известным в Ташкентском управлении геологом почти с двадцатилетним стажем полевых работ. Причину ухода он назвал действительную, что потребовало немало мужества. Иеромонах Иоанн был назначен священником собора в Ташкенте. Из института он уволился, а вот из Геологического управления не отпустили — надо было написать отчет о летних полевых работах. В своих воспоминаниях он записал:

«Жалование я продолжал получать в Геологическом управлении. Это было замечательное время! Я еще работал в области геологии и в то же время служил священником. Получилось как раз то, что я хотел!».

Потом были Троице-Сергиева Лавра, Саратов, ректорство в Киевской духовной семинарии. И многолетняя служба за границей, чему способствовало знание нескольких языков. В Дамаске он представлял Московскую Патриархию, и у него было двенадцать приходов — шесть в Сирии и шесть в Ливане. В Берлине, будучи Патриаршим Экзархом Средней Европы, руководил работой православных церквей нескольких европейских стран. С 1962 по 1967 год он — митрополит Нью-Йоркский и Алеутский, Патриарший Экзарх Северной и Южной Америки. В Ярославль приехал сразу после США.

Церковная деятельность митрополита Иоанна отмечена патриаршими наградами: орденом святого князя Владимира II степени. Преподобного Сергия Радонежского и II степени, правом

ношения двух панагий. Блаженнейший Патриарх Антиохийский Феодосий наградил его орденом святых апостолов Петра и Павла, Патриарх Александрийский Христофор — орденом святого апостола Марка, блаженнейший митрополит Пражский и всей Чехословакии Дорофей — орденом святых равноапостольных Кирилла и Мефодия. Его трудовая деятельность геолога отмечена правительственными наградами. За миротворческую деятельность Владыка Иоанн награжден двумя медалями Советского Фонда мира, серебряной и бронзовой.

В Переславле-Залесском митрополит Иоанн еще в начале шестидесятых годов купил небольшой домик, не зная тогда, что жизненный путь приведет его в Ярославскую епархию. Пока он был в США, там жила его сестра — Елизавета Николаевна Вендланд, тоже человек удивительной судьбы. Врач-терапевт, участник войны, в составе Войска Польского прошла с госпиталями от Сталинграда до города Быдгощ. Награждена Польским Крестом. Монахиня. «Сегодня воздух в Нью-Йорке был почти такой же свежий, как в переславском лесу», — писал митрополит Иоанн сестре на родину. В Переславле их многие знали просто как добрых соседей.

Ярославцам будет интересно узнать об истории написания митрополитом Иоанном работы о князе Федоре Черном. Вскоре после того, как митрополит Иоанн приехал из США в Ярославль, в газете «Северный рабочий» была напечатана статья местного атеиста — преподавателя вуза, написанная в традициях того времени. Дескать, что же это получается! Церковники в своих проповедях говорят о каком-то Федоре Черном — лампада! Да разве русский народ назовет что-нибудь хорошее — черным? Конечно, доктор богословия не мог включиться в полемику, его бы просто не опубликовали. Но заметка подтолкнула Владыку к подробному изучению жизни ярославского князя XIII века. Добавим, что в год 1000-летия принятия на Руси христианства мощи благоверных князей Федора Смоленского и чад его, Давида и Константина, Ярославских чудотворцев, несколько десятилетий до этого хранившиеся под спудом, были переданы Церкви и теперь находятся в кафедральном соборе Федоровской Божьей Матери и доступны всем верующим.

Все годы, проведенные митрополитом Иоанном в Ярославле, были отданы Церкви, епархии. Он заботился, чтобы приходы не оставались без священников, особенно в глубинке, что в то время было не так уж легко. Им было рукоположено много достойных прекрасных пастырей, людей, имевших хорошее светское образование. Он был равен со всеми людьми. Все в его доме чувствовали себя братьями и сестрами. Как у человека высокой культуры и интеллекта, круг интересов Владыки Иоанна был очень широк. Это сближало его с людьми образованными и интеллигентными. Им было легко с ним общаться. Он никому не навязывал своего мнения, но, может быть, именно поэтому многих привлек к вере, что всем светил своей личностью.

Люди, знающие митрополита Иоанна, свидетельствуют, что он никогда никого не осуждал, ни о ком не говорил плохо. «Когда я учился в школе, — вспоминал он, — мы проходили стихотворение Лермонтова «Пророк». Еще тогда меня поразило, что Пророк читал в сердцах людей их мысли и пороки. И тогда еще, ребенком, я ужаснулся: какой это страшный дар — читать пороки! Господи, никогда не давай мне такого дара! — со всем жаром помолился я тогда. И, видно, искренняя молитва была услышана. Я действительно не стал замечать пороки и плохое в людях. Для меня все люди кажутся хорошими, я не вижу их недостатков». И это неосуждение было у Владыки Иоанна совершенно естественным, дававшееся ему без внутреннего усилия и борьбы.

Он любил людей братской любовью и сам снискал их большую любовь как выдающийся духовный пастырь и богослов, и как ученый, и как просто добрый человек. Каждая встреча с ним оставляла в душе светлый след и запоминалась надолго.

Последние месяцы по нездоровью он уже не выходил из дома. Но зато многие приходили, приезжали к нему: верующие и неверующие, церковные служители и товарищи по гражданской работе. Он много писал, переводил, живо интересовался всем происходящим.

Оставшееся после него наследство, согласно его желанию, протекло по двум рекам: иконы — в церковь, книги — в библиотеку Духовной Академии и в музей-заповедник, пожертвования — на восстановление Толгского монастыря и в Детский фонд, Фонд мира. Его акварельные работы переданы в Ярославский художественный музей. А похоронен он возле кафедрального собора, в центре одной из самых древних епархий России — Ярославской.

Перед самой смертью на столе Владыки Иоанна среди прочих была книга о докторе Гаазе, немце, много лет прослужившем в России. Этот человек раздал свое имущество бедным и все силы отдал на служение людям, руководствуясь девизом: «Спешите делать добро».

«Книгу о нем я купил в Германии. Видите, немцы о нем помнят, а мы позабыли, — говорил Владыка Иоанн. — Образцы такого благочестия должны всегда быть в нашей памяти».

Сегодня, когда мы все чаще оглядываемся в прошлое, далекое и близкое, и в его нравственном опыте ищем ответы на вопросы, надо, чтоб пример благочестивой жизни митрополита Иоанна, девяностого архиерея Ярославской епархии, остался в нашей памяти.

Нравственно–философские аспекты творчества Лермонтова и Достоевского: богоискательство и идея вседозволенности

*Фролова М. В.,
аспирантка ЯГПУ им. К. Д. Ушинского*

Данный доклад составлен на основе магистерской диссертации «Художественное воплощение идеи вседозволенности в творчестве М. Ю. Лермонтова и романе Ф. М. Достоевского «Братья Карамазовы»». Проведенное нами исследование позволяет говорить о близости писателей в постановке и разрешении целого ряда литературно-философских проблем. Лермонтова и Достоевского сближает общность проблематики: борьба добра и зла, демонического и божественного начал в душе человека, сладострастия и смирения, пошлости обывательского быта и живущих идеей людей. Мы считаем возможным говорить, что существует определенная общность духовных поисков писателей, которая реализовалась в их произведениях в сходстве используемых мотивов: идея героя и ее переосмысление двойником, мотив пощечины и кризисной ситуации смерти. Это внешний план бытования лермонтовской традиции в наследии Достоевского. Черты сходства и отличия внутреннего мира Лермонтова и Достоевского обнаруживаются в работах философов рубежа веков Соловьева и Мережковского. Можно отметить ряд реминисценций лермонтовского творчества в произведениях Достоевского, демонстрирующих, что творения поэта являлись не только художественным, но и философским источником для формирования творчества писателя. Мы считаем возможным говорить о том, что в творчестве М. Ю. Лермонтова и Ф. М. Достоевского нашла художественное воплощение общая философская идея: идея вседозволенности.

Лермонтов был первым русским писателем, по мнению Д. Мережковского, который поднял вопрос о возможности одновременного существования зла и Бога. Для Достоевского эта проблема являлась основной на протяжении всего творчества, и последний роман писателя «Братья Карамазовы» посвящен ее разрешению. Лирический герой поэзии Лермонтова, как и Иван Карамазов, выражает свое резко негативное отношение к действительности, в которой царят жестокость и злоба, предательство и ложь. Зло мыслится ими как вневременной, онтологический закон земного бытия и мироустройства. Лирический герой восстает против Бога. Ведь именно наличие этого трансцендентного начала и мешает ему заявить о себе как о сверхчеловеке, и поэтому он начинает последовательно развенчивать Высшее начало: обвиняет Творца в неправильном устройстве мира, желает собственной смерти как способа перехода в иной мир, где все явления носят вневременной, постоянный характер. Мы показали, что в пока еще продолжающемся земном существовании герой ставит себя на место Бога, главным образом, принимая во внимание такие прерогативы Высшей силы, как управление жизненными обстоятельствами и свершение собственного суда над людьми, которые не воспринимаются вершинным актом творения, созданного по образу и подобию Бога, но как существа, исполненные и живущие лишь совершаемым ими злом, а потому недостойные какой-либо положительной оценки и сколько-нибудь пристального внимания. Лирический герой погружается в глубины вседозволенности: душа, лишившаяся Бога, создает новый предмет для абсолютной веры - самого себя. Именно в связи с этим появляется образ Демона, столь сильно интересовавший поэта. Лермонтов впервые в русской литературе показал возможность двойного изображения образа, персонифицирующего злое начало. В романтически возвышенном, гипертрофированно - приукрашенном виде - фигура Демона из одноименной поэмы и в сниженно-бытовом - черт из «Сказки для детей». Именно этот не обретший еще своего зримого воплощения герой «Сказки» становится для Достоевского средоточием всего пошлого, низкого, сладострастного, которое явится в облике «лакея» - черта Ивана Карамазова. Причем принципиально новой была не только трактовка старого образа, но и истолкование его философского наполнения.

Лермонтовский демонизм и богоборчество являются одной из составляющих философских воззрений Достоевского. Демон «Сказки для детей» трансформировался в черта, а богоборчество Иова, проявляющееся в лермонтовской «тяжбе с Богом» реализовалось в полной мере в бунте Ивана Карамазова. Такие базисные компоненты вседозволенности, как абсолютная свобода, гордость и

исключительность, осознание амбивалентности добра и зла, их взаимобратимости и нерасчлененности, на основе которых декларируются героем собственные морально - этические принципы, детерминирующие свободу мыслей и действий, - являются компонентами авторского построения образа Печорина. Автор показывает, что герой сознательно обращается ко злу, но этот выбор остается внутренне противоречивым. В «Фаталисте» герой получает последнюю возможность доказать, что он может управлять обстоятельствами и собственной судьбой. Проанализировав структуру повести, мы сделали вывод, что будучи абсолютно свободным в своих действиях, Печорин не свободен в их последствиях, а именно из них складывается роковая закономерность, что бы он ни задумал, все кончается драматически для него и других. В сущности, его действия, направленные на достижение положительного результата, приносят вред, и автор показывает, что не герой управляет своей жизнью, а существует нечто, стоящее над ним. Исходя из этого, мы считаем, что нельзя говорить о богоискательстве героя, ему присуща подлинная вера в существование некоей трансцендентной сущности.

Фатализм является основой построения образа главного героя, кольцевая композиция произведения, демонстрация изначальной обреченности Печорина и усиление мотива его смирения перед Богом, воплощающиеся в рефлексии, свидетельствуют о воплощенной в данном произведении идеи признания и принятия Высшей силы. В лирике Лермонтова и поэме «Демон» мы находим наиболее ярко проявляющуюся идею вседозволенности. Но нами была отмечена и существенная значимость богоискательских мотивов в лироэпическом творчестве («Когда волнуется желтеющая нива...»), а мотив фатализма в романе «Герой нашего времени» воплощает собой признание существования надмирной сущности, интуитивной веры и смирения перед ней.

Мы считаем уместным говорить, что Достоевский усвоил лермонтовское наследие и переосмыслил его в итоговом романе «Братья Карамазовы». Идея вседозволенности в романе Достоевского воплощается в следующих вариантах:

- вседозволенность чувства Дмитрия;
- на философском уровне вседозволенность реализуется в построениях рационального сознания Ивана;
- на конкретно - бытовом ее воплощает лакей Смердяков.

Исследование фамилии Смердякова, обнаруженные аналогии судеб героя романа и Иуды, своеобразное преломление мотива света демонстрируют невозможность для данного героя возрождения к новой жизни, которая существует для других братьев.

В своем персонифицированном виде идея вседозволенности предстает в мистическом образе черта. Мотив раздвоенного сознания был подробно рассмотрен еще Лермонтовым, но у Достоевского это положение было трансформировано в осуществленную возможность диалога сознаний, воплощения рефлексии одного в виде спора двух.

Автор демонстрирует всю разрушительную силу этой идеи, приводящей к торжеству мирового зла, но главный ее теоретик - Иван не приходит к ее полному отрицанию. Группе героев, поглощенных этой мыслительной моделью и связанных с мировым злом, противопоставляются два героя, представляющих православные религиозные принципы соборности, всепрощения и любви: Зосима и Алеша.

Пространственные и темпоральные координаты имеют особую художественную и философскую значимость для Достоевского в решении проблемы подчинения и преодоления героями романа идеи вседозволенности. Пространственные характеристики автор использует для четкого выражения позиции персонажа по принятию и ниспровержению идеи вседозволенности, реализуемой в принадлежности героев к городу Скотопригоньевску с центром в доме Карамазова или монастырю с кельей Зосимы, а шире к небу и земле, воплощающих собой дуализм Хаоса и Космоса.

Мы отметили, что с тремя героями романа - Дмитрием, Алешей и Иваном - связано упоминание автором временной категории «минутка». Для Достоевского характерно двойственное понимание природы времени. С одной стороны, «минутка» является категорией земного исчисления, а, с другой, обозначает момент прерывания обычного течения времени, открытия его в вечность. Для старшего и младшего из братьев «минутка» является своеобразным рубежом, демонстрирует два

диаметральных явления в процессе развития персонажей: падение и возрождение, торжество идеи вседозволенности и ее гибель. Божественный призыв и ответ на него, символически реализуемый в колокольном звоне. Иван Федорович оказывается приобщенным только к первой минуте торжества идеи вседозволенности. Идея вседозволенности получает художественное воплощение и на уровне темпоральных координат, именно категория «минутки» помогает Достоевскому соединить уровень исторической конкретики с мифопоэтическим, оборачиваясь в вечность времени притчи.

Т.о., столь разных в жизненном плане и в плане поэтики писателей как М. Ю. Лермонтова и Ф. М. Достоевского характеризует общность духовной проблематики, близость в постановке и разрешении сложнейших философских вопросов о добре и зле, Боге и бессмертии и тождество анализируемых тем: богоискательство и идея вседозволенности. Мы не рассматриваем обращение к данной идее обоих писателей как следствие прямого влияния одного художника на другого, но несомненно, что Достоевский учитывал и развивал художественные открытия, совершенные Лермонтовым.

«Выхожу один я на дорогу...»

*Сударушкин Борис Михайлович,
член Союза писателей России,
зам. главного редактора журнала "Русь" (пос. Семибратово)*

Я жить хотел – как ветер над волной...

О. П. Попов

3 февраля 2000 года в поселке Семибратово скончался Олег Пантелеймонович Попов - человек, через всю жизнь пронесший любовь к творчеству М. Ю. Лермонтова, один из авторов "Лермонтовской энциклопедии". На долю этого талантливого человека выпала очень сложная, извилистая судьба. Оказавшись во время Великой Отечественной войны в Пятигорске, он совершил проступок перед Родиной - стал полицаем. И здесь же, в Пятигорске, он совершил поступок, достойный уважения и признательности - спас от уничтожения знаменитый домик Лермонтова, при этом используя свое "служебное положение" полицая. Однако советская власть приняла во внимание только проступок - и Олег Пантелеймонович был осужден на 20 лет лагерей. Хотя он отбыл свой срок наполовину, этого было достаточно, чтобы искорежить его судьбу. Однако она была бы еще трагичней, если бы в лагере Олег Пантелеймонович не встретил свою будущую супругу.

Тамара Борисовна Ярошенко умерла за полгода до Олега Пантелеймоновича. Лагерные болезни не позволили ему встать с кровати и проводить жену в последний путь. Он проводил ее иначе: когда гроб с телом супруги поднесли к окну его квартиры, запел:

Выхожу один я на дорогу,
Сквозь туман кремнистый путь блестит...

Можно предположить, что между супругами была такая договоренность - когда один умрет, другой исполнит именно эту песню на слова поэта, любовь к которому была их общей любовью.

В лагере, где отбывал свой срок Олег Пантелеймонович, Тамара Борисовна работала учителем. Культурная и образованная девушка не могла не заметить человека, который резко отличался от других "зеков". Да и сама она плохо вписывалась в лагерную обстановку и в трудовой коллектив, охранявший и перевоспитывавший заключенных. Поэтому не удивительно, что молодых людей потянуло друг к другу, несмотря на все препятствия, которые встали на их пути. И здесь, конечно, в первую очередь надо отметить мужество сердца и характера Тамары Борисовны. Не будет преувеличением сказать, что эта хрупкая женщина совершила подвиг, сравнимый с подвигом декабристок. Целиком благодаря ее энергии Олег Пантелеймонович смог заниматься лермонтоведением даже в заключении. Больше того, в Воркуте какими-то способами ей удавалось "выпрашивать" Олега Пантелеймоновича у лагерного руководства, чтобы он смог принимать участие в проходящих в Ленинграде лермонтовских конференциях, в результате чего он и стал автором "Лермонтовской энциклопедии".

Конечно, все это было бы невозможно, если бы не талант и разносторонность творческих интересов Олега Пантелеймоновича: помимо профессионального занятия литературоведением, он неплохо рисовал, занимался художественной фотографией, писал стихи, которые никак нельзя назвать любительскими. Чтобы все эти таланты не пропали даром, судьба, вероятно, и наградила его ангелом-хранителем в лице Тамары Борисовны. Сразу, как только стало возможно, она задалась целью увезти мужа из Воркуты, с которой у него были связаны мрачные лагерные воспоминания. Уже после смерти Олега Пантелеймоновича мне удалось познакомиться с его стихами. В стихотворении "Седьмое небо" он так написал о воркутинском кладбище с этим же названием:

Кресты унылые, фанерный полумесяц
И имя нацарапано гвоздем.
Грустят ромашки,
Над могилой свесясь,
Над чьей? Они не ведают о том...
Плывут неспешно с юга облака,

Как эшелоны с юга шли когда-то.
Печальна здесь земля,
Хотя она ни в чем не виновата.

Печальна и горька была память Олега Пантелеймоновича о воркутинской земле, в глубине которой он вместе с другими "зеками" столько долгих лет прокладывал бесконечные шахты.

К этому времени у них уже была своя отдельная квартира, которую они и решили обменять. Искали вариант возле Москвы – поближе к журналам и издательствам, чтобы Олег Пантелеймонович наконец-то смог целиком реализовать свои творческие планы. Так они оказались в Семибратове.

Литературоведческие работы Олега Пантелеймоновича стали появляться в московском журнале "Русская речь", в таких региональных изданиях, как выходящий в Ярославле журнал "Русь", и "Сура", прописанный в Пензе, на родине М. Ю. Лермонтова. При этом интересы Олега Пантелеймоновича не ограничивались только жизнью и творчеством любимого поэта.

“С природой одною он жизнью дышал...” - так называлась статья

О. П. Попова о природе в стихах М. Ю. Лермонтова, опубликованная в журнале “Русь”. Редактор биографического отдела «Лермонтовской энциклопедии» Л. Н. Назарова так отзывалась об этой работе: "Я думаю, что еще никто не писал на эту тему так проникновенно" ("Русь", N 5-96).

Незадолго до этого в том же журнале была опубликована статья О. П. Попова «Тайная сила» - о природе в стихах Анны Ахматовой ("Русь", № 1-96). Проходит некоторое время – и в статье «Поэт, державший стяг во имя красоты» Олег Пантелеймонович обращается к творчеству Алексея Константиновича Толстого («Русь», № 3-97). Творчество этого талантливого, но «непопулярного» поэта не отпускает литературоведа - и он пишет "Заметки о языке поэзии А. К. Толстого" ("Русская речь", № 6-99). В следующем номере этого журнала публикует эссе "Четыре скрипки", в котором, помимо творчества А. К. Толстого, касается творчества Иннокентия Анненского, Николая Гумилева и Булата Окуджавы.

Уже после смерти Олега Пантелеймоновича в журнале "Русская речь" выходит его посмертная работа "Чего кочет "жалкий человек" - "опыт анализа сочинений" Н.С. Мартынова, убийцы М. Ю. Лермонтова. («Русская речь», № 4-2000). В журнале "Русь" тоже посмертно появляется его работа "Загадки Лермонтова", в которой он изложил целую программу дальнейшего изучения жизни и творчества любимого поэта. (Номер журнала не напечатан в связи с финансовыми трудностями).

Здесь названы не все опубликованные (тем более – ненапечатанные) работы О. П. Попова - были еще статьи в журнале "Сура", в областных и районных газетах. К этим публикациям Олег Пантелеймонович относился с такой же ответственностью, как и к публикациям в центральных изданиях. В этом - весь Олег Пантелеймонович, для которого литература была делом святым, нечто вроде религии.

И все-таки, наверное, из Воркуты будущая жизнь представлялась Олегу Пантелеймоновичу и Тамаре Борисовне более светлой и содержательной, чем она оказалась в действительности, когда они приехали в Семибратово. Не хватало общения с людьми, близкими по духу, профессионально занимающимися литературой. Поэтому такое большое место в их жизни занимали письма. Но это, конечно, не заменяло живого общения...

Сейчас уже трудно сказать, кто из них первым подал мысль создать при Семибратовской поселковой библиотеке Клуб любителей поэзии. Скорее всего - это было их общее детище: Тамара Борисовна взяла на себя организационную сторону дела, Олег Пантелеймонович - содержательную. Сохранились рабочие дневники Клуба любителей поэзии, которые в течение 15 лет аккуратно вел Олег Пантелеймонович. Перечитываешь эти записи - и еще раз поражаешься его добросовестности и широте культуры. Трудно назвать имя талантливого русского поэта, чье творчество не рассматривалось бы членами этого небольшого литературного кружка, объединившего людей разных специальностей, возрастов, образования. Я разговаривал с некоторыми членами этого кружка, и все в один голос восхищались эрудицией Олега Пантелеймоновича, его удивительным знанием творчества всех этих поэтов, его уникальной памятью - почти все их произведения он читал наизусть.

На одном из таких занятий он прочитал собственные стихи. После смерти тетрадь стихотворений Олега Пантелеймоновича по его завещанию была отправлена в Пягигорск - его первой жене. В Семибратове осталось всего несколько стихотворений, написанных его собственной рукой. Но, к счастью, одна из слушательниц Клуба любителей поэзии переписала большую часть его поэтических произведений в общую тетрадь, которые я перепечатал, добавив стихи, написанные рукой Олега Пантелеймоновича. Можно сказать, что это своеобразный поэтический дневник, в котором отразились факты биографии, размышления о жизни, признания в любви к природе и поэзии. Вместе с тем в своих стихах Олег Пантелеймонович не претендует на роль оракула или судьбы. В стихотворении "Стихи о поэзии слушаю я..." он несколько иронично пишет:

Мы солим краюху, чтоб легче жевалась,
Чтоб легче жилось, ищем капельку лжи.
И черствую правду нам хочется малость
Приправить поэзией - солью души.

Но одновременно здесь же присутствуют стихи, как бы вырвавшиеся наружу после долгих лет утаивания:

Я тебя не люблю. Но и жить без тебя не могу.
Без тебя и с тобой мое сердце жестоко болит.
Я, как руку больную, ласкаю тебя, берегу,
Хоть заранее знаю, что боль мне она причинит.

А через несколько страниц - в стихотворении «Гулливер» опять горькая ирония человека, которому досталась тяжелая судьба:

Этот страшный мир вполне постигнув,
Не ищу приюта у людей.
Мне б опять попасть в страну гуингмов –
Справедливых, мудрых лошадей.

Желание уйти в природу, спрятаться в ней от воспоминаний и действительности звучит во многих стихах Олега Пантелеймоновича. Но в этих же стихах звучит и другое - восхищение перед ее красотой и совершенством. Здесь его стихи вплотную примыкают к его литературоведческим работам, написанным с огромной любовью к литературе и ее служителям, которых Природа щедро одарила талантом. Таким образом, есть все для того, чтобы выпустить книгу произведений О. П. Попова, включающую в себя его литературоведческие работы, стихи и развернутый рассказ о трудной, неординарной судьбе автора. Дело осталось за небольшим - найти средства для издания этой книги.

За рамками моего рассказа осталось многое, что, возможно, представляет интерес для читателей. "Он спас домик Лермонтова и получил за это двадцать лет каторги" - так называлась статья Юлиана Надеждина в газете "Северный край", опубликованная в 1998 году, в которой впервые освещалась судьба Олега Пантелеймоновича. Увы, как ни эффектно звучит заголовок статьи, 20 лет О.П. Попов получил не за то, что с риском для жизни спас домик Лермонтова, а за службу в полиции. Не знаю, как остальные читатели газеты, но многие семибратовцы, которые были хорошо знакомы с Олегом Пантелеймоновичем и Тamarой Борисовной, эту натяжку поняли сразу. Дело в том, что ни тот ни другой никогда не приоткрывали эту страницу биографии Олега Пантелеймоновича. Люди знали только одно: ну, сидел, мало ли порядочных людей томилось в сталинских лагерях. Я разговаривал с некоторыми бывшими членами Клуба любителей поэзии, которые до этого буквально боготворили Олега Пантелеймоновича. Для них эта статья была как обухом по голове. Совершил подвиг - спас домик Лермонтова - и молчал! Значит, на самом деле все было иначе. Особенно мне запомнились слова женщины, в годы войны оказавшейся в оккупации и

своими глазами видевшей "деятельность" полицаев. Я ни в коем случае ни в чем не виню автора этой статьи - чтобы понять, что произойдет после ее появления, ему минимум лет двадцать надо было прожить в Семибратове. И рискну сделать одно предположение – эту статью он, в основном, написал со слов Тамары Борисовны, которая и здесь пыталась быть ангелом-хранителем Олега Пантелеймоновича.

"Дело для Божьего суда" - так называлась статья Эллы Максимовой в газете "Известия", опубликованная 23 декабря 1999 года, уже после смерти Тамары Борисовны, но еще при жизни Олега Пантелеймоновича. Однако его имя в статье не названо - он фигурирует в ней как некий НН, "для конспирации" не названо даже Семибратово. В этой статье акценты расставлены уже в других местах, правда приоткрыта больше, поскольку (опять сделаю предположение) вся былая скрытность исходила не от Олега Пантелеймоновича - он был человеком открытым, даже неосторожным. Их соседи вспоминали: когда Тамара Борисовна уходила из дома, она каждый раз предупреждала его, чтобы он никому не открывал дверь. А он отворял ее всем, кто звонил, отдавал цыганам, бомжам и нищим буквально последний рубль, последний кусок хлеба.

Такой же щедростью души отличалась и Тамара Борисовна. Из двух пенсий одна целиком уходила у них на животных и птиц, а их квартира представляла собой гостиницу для бездомных кошек. Тамара Борисовна буквально бросалась на помощь всем, кто попадал в беду, и делилась с ними последним. Единственное, что она всю жизнь берегла как самое ценное, никому в этом деле не доверяя, - это душевный покой мужа. Чтобы сохранить его, она в какой-то степени даже изолировала Олега Пантелеймоновича от любопытных людей. У многих семибратовцев, не только у меня, сложилось такое впечатление. Но вот Берегиня ушла из жизни - и Олег Пантелеймонович остается один. (Помните - "Выхожу один я на дорогу..."). И он начинает рассказывать то, что, возможно, ему хотелось выложить давно, сразу после освобождения из лагеря. Не знаю, чем руководствовалась московская журналистка, когда лишила его имени и фамилии. Может, сочувствием, может, осторожностью. Не совсем понятно и другое. Как мне сообщили, еще 14 апреля 2000 года (уже после смерти Олега Пантелеймоновича) в Семибратово пришли документы на его реабилитацию. А спустя полгода, 13 октября 2000 года, в газете "Северный край" появляется новая статья Ю. Надеждина "Ушел из жизни с клеймом "изменника", в которой выборочно пересказывается содержание статьи в "Известиях", но о реабилитации не сказано ни слова. История о том, как русский интеллигент пошел в полицаи, чтобы спасти домик Лермонтова, в московской статье, написанной со слов самого Олега Пантелеймоновича, изложена несколько иначе, более убедительно.

В этой же московской статье впервые было рассказано о том, что до службы в полиции он сотрудничал в оккупационной газете "Пятигорское эхо", в которой писал не только антисоветские стихи, которые в нынешней политической обстановке можно расценить как особую доблесть и отвагу, но и другие. Много, о чем здесь не сказано, пришлось пережить Тамаре Борисовне, светлую память о которой хранят все, кто ее знал...

Судьба О. П. Попова не вписывается в стандартные, обычные рамки, поэтому писать о нем трудно, тем более - делать какие-то категоричные выводы, выносить оправдательный или обвинительный приговор. Пожалуй, журналистка из Москвы нашла наилучший заголовок для статьи об Олеге Пантелеймоновиче - "Дело для Божьего суда...". И все-таки один бесспорный для меня вывод, ознакомившись с его литературным наследием, я сделал - оно должно быть издано отдельной книгой и стать достоянием читателей. То есть его "дело" следует вынести на широкий суд присяжных. Талантливый человек, каким, несомненно, был Олег Пантелеймонович Попов, имеет на этот независимый и открытый суд полное право...

2-е Лермонтовские чтения «Россия Лермонтова»

**Память любви, память земли: Михаил Лермонтов,
Наталья Иванова-Обрескова,
Варвара Лопухина-Бахметева**

*Белов Д.,
учащийся школы № 69, 9 «А» класс
Научные руководители С. Н. Вельковский, М. Н. Лебедева*

Занимаясь краеведением – изучением настоящего и восстановлением прошлого родного края, я решил подробно разобраться и изучить жизнь и творчество М. Ю. Лермонтова и его связь с Ярославским краем. Мне пришлось работать в Ярославском государственном областном архиве, а также с уникальными изданиями в областной библиотеке имени Н.А. Некрасова в отделах краеведческом и редких книг. Хотелось бы выразить огромную признательность Галине Павловне Федюк, заведующей фондом редких книг областной библиотеки.

Наталья Федоровна Иванова – первая любовь Лермонтова. Познакомились они в Москве, в доме дальней родственницы Лермонтова, а общались в доме Ивановых. Теплыми летними вечерами, напоенными запахом близкой реки, развивался этот роман. Тайное обручение в запущенном саду, взаимные клятвы, первые для обоих, горячие поцелуи. У него впереди университет, она, конечно же, будет ждать. В конце того, самого лучшего их лета, появился в своем имении, расположенном неподалеку от дома Ивановых, бывший дворянин и офицер Николай Обресков.

По приговору военного суда 30 мая 1826 года поручик Обресков был лишен чинов и дворянского достоинства и переведен солдатом в Переяславский конно-егерский полк. Воевал на Кавказе в составе Нижегородского драгунского полка, который участвовал в русско-турецкой войне 1829 года. При взятии Арзараума отличился и награжден солдатским Георгием. Права потомственного дворянина возвращены 14 февраля 1846 года. Что же: жалость и доброта или новая влюбленность увлекли Натали в объятия Обрескова? Наверное это и не столь важно. Важна сила удара, которая была нанесена Лермонтову. Потрясенный и все еще не верящий в измену, он едет к Ивановым. Объяснение вновь происходит в саду – последнее. Вернувшись в Москву, Мишель становится в полном смысле слова другим человеком. Необычайно сильный по натуре, он выживает, причем чисто поэтическими средствами. Его стихи, посвященные таинственной Н.Ф.И., полны горьких упреков и воспоминаний, обещаний никогда не забывать ее угроз, изменницу накажет Бог.

Боль утраты настолько была невыносима для юного поэта, что в итоге он выливает ее на бумаге еще и в виде драмы «Странный человек», герой которой Арбенин погибает в конце – сходит с ума от любви к изменившей ему женщине... Все окружающие потрясены силой пера и пронизательностью, зрелостью чувств юного и не по годам взрослого Мишеля. Но никому в голову не приходит, что пишет он о себе. Пройдет целых два года, прежде чем они встретятся вновь, и перед успевшей раскаяться в своей поспешности Натали окажется уже совсем другой человек: недоверие к женщинам, понимание самого себя как талантливейшего поэта. Любовь? Боже упаси, этого у него не будет никогда! Одного раза оказалось достаточно! Покинув Курск, где они встретились в самый последний раз, и где Натали предстояло прожить почти до самой смерти, пишет последние, посвященные ей стихи:

Отныне стану наслаждаться
И в страсти стану клясться всем;
Со всеми буду я смеяться,
А плакать не хочу ни с кем;

Начну обманывать безбожно,
Чтоб не любить, как я любил,-
Иль женщин уважать возможно,
Когда мне ангел изменил?.

Н. Ф. Иванова-Обрескова похоронена в Москве на Ваганьковском кладбище.

Князь Петр Андреевич Вяземский на склоне дней своих как-то заметил: «У Пушкина было много друзей, у Лермонтова их почти не было вовсе».

Князь был другом Пушкина и хорошо знал Лермонтова. Друзьями Лермонтова были два-три родственника, знакомые с детства и семья Лопухиных. Судьба распорядилась так, что именно дети Александра Николаевича Лопухина – сын Алексей и три его дочери Мария, Елизавета и Варвара стали самыми близкими его друзьями и остались верны его памяти за гробом. В доме Лопухиных в Москве Лермонтов был принят как родной. Близкое соседство (они жили на Большой Молчановке напротив окон поэта) способствовало частным свиданиям.

Именно в доме Лопухиных Лермонтов нашел и дружбу, и любовь, и понимание, и душевное тепло. Вот коротко история этой «веточки» большого рода Лопухиных..

Если говорить о родоначальнике Лопухиных, то он назван в писаной истории по имени и упоминание его точно датировано – 1022 годом от Рождества Христова, или 6530-м от Сотворения Мира. Имя родоначальника мы встречаем в самом древнем из русских летописных сводов в «Повести Временных лет». Вот эти строки: «В год 6530 (1022). Пришел Ярослав к Берестью. В то же время Мстислав, который владел Тмутороканью, пошел на касогов. Узнав же об этом, князь касожский Редедя вышел навстречу ему. И, когда стали оба полка друг против друга, сказал Редедя Мстиславу:

«Чего ради мы будем губить нам дружины? Но сойдемся и сами поборемся. И, если одолеешь ты, возьмешь имущество мое и жену мою, и детей моих, и землю мою. Если же я одолею, то я возьму все твое». И сказал Мстислав: «Будь так». И сказал Редедя Мстиславу: «Не оружием будем биться, а борьбою».

И схватились бороться крепко, и долго боролись, и начал изнемогать Мстислав, ибо был велик и силен Редедя. И сказал Мстислав: «О пречистая Богородица, помоги мне! Если же одолею его, построю церковь во имя Твое».

И, сказав это, ударил Редедю о землю. И, выхватив нож, зарезал Редедю. И пошел в землю его, взял все имущество его и жену его, и детей его, и дань возложил на касогов. И, вернувшись в Тмуторокань, заложил церковь святой Богородицы и построил ее, стоит она и до сего дня в Тмуторокани».

Князь Мстислав Владимирович выполнил условия поединка, предложенные его противником, распорядился своим «новым имуществом». Прежде всего, как утверждает официальное родословие многих дворянских родов, основанное на свидетельстве «Бархатной книги», князь Мстислав крестил сына Редеди – Романа православным обрядом и женил его на своей дочери, которую звали Татианой. От них и пошло потомство, представители которых положили начало многим русским дворянским фамилиям, в том числе и Лопухиным.

Победа над Редедю была не единственным подвигом рыцарственного русского князя. Известный историк С. М. Соловьев так писал о нем: «Из всех сыновей Владимира, Мстислав больше всех походил на деда Святослава, который был князем-вождем дружины по преимуществу и был славен в народных преданиях как князь-богатырь».

Никон Великий – игумен Киево-Печерского монастыря из Тмуторокании, где княжил он с воинственными толпами прикавказских народов, приходил на Русь и даже заставил однажды старейшего брата Ярослава Мудрого поделиться отцовским наследством.

Таким образом, у истоков рода Лопухиных стояли сын касожского князя-рыцаря и дочь русского князя, который в первой половине 11 столетия владел половиной Киевской Руси, деля ее с Ярославом Мудрым. Нам удалось найти герб князей Лопухиных.

Известно, что первая жена царя Петра I, Евдокия Федоровна, урожденная Лопухина, принадлежала к этому семейству. Евдокия Федоровна – последняя Русская Царица. Эта фотография сделана с портрета, хранившегося в Покровском монастыре в Суздале.

Петр Васильевич Лопухин (1753-1827) - генерал-губернатор Ярославской области, принадлежал к одной из младших ветвей рода Лопухиных. Он при Екатерине II был генерал-губернатором Ярославским и Вологодским, при Павле I – был генерал-прокурором (1798-1799), при Александре I – министром юстиции (1803-1810), председателем государственного совета и кабинета министров. Он получил в 1799 г. княжеское достоинство, с титулом светлости.

Имел дочь – Анну Петровну (1777-1805) и сына Павла Петровича (1788-1873). Женой Павла Петровича Лопухина была светлейшая княгиня Жанетта Ивановна Лопухина, урожденная баронесса фон Венкасте, портрет которой храниться в Русском музее в Петербурге.

Тесная дружба связывала Лермонтова с Алексеем Лопухиным, с Марией Александровной, а к младшей сестре ее, Вареньке, - он испытывал до конца жизни глубокое чувство.

Мы знаем Мадонну Пушкина – «чистой прелести чистейший образец». Первый поэт России был счастлив, он женился на своей избраннице Наталье Николаевне Гончаровой. Была своя Мадонна и у Лермонтова – Варвара Александровна Лопухина, но им не суждено было соединиться, хотя по свидетельству современника «они были созданы друг для друга». Разделенная, но несчастная любовь Лермонтова осталась в его стихах. Вот что писал поэт о своей возлюбленной:

Она не гордой красотою
Прельщает юношей живых,
Она не водит за собою
Толпу вздыхателей немых.
И стан ее не стан богини,
И грудь волною не встает,
И в ней никто своей святыни,
Припав к земле, не признает.
Однако все ее движенья,
Улыбка, речи и черты
Так полны жизни, вдохновенья,
Так полны чудной простоты.
Но голос душу проникает,
Как вспоминанье лучших дней,
И сердце любит и страдает,
Почти стыдясь любви своей!

Это стихотворение Лермонтов написал в начале 1832 года. Лермонтов, который часто бывал у Лопухиных, видел Варвару Александровну и раньше, но только в первых числах 1831 года, когда ее привезли на первый в ее жизни великосветский сезон, поэт влюбился, вернее – полюбил, и, как выяснилось позже, на всю жизнь.

«Будучи студентом – писал в своих записках Шан-Гирей, – он был страстно влюблен... в молоденькую, милую, умную, как день, и в полном смысле восхитительную Варвару Александровну Лопухину, это была натура пылкая, восторженная, поэтическая и в высшей степени симпатичная... Чувство к ней Лермонтова было безотчетно, но истинно и сильно, и едва ли он его не сохранил до самой смерти своей». Исследователи творчества поэта считают, что «своей милой Вареньке» Лермонтов посвятил много стихов – одно перечисление заняло бы полстраницы. Ее можно узнать в героинях «Героя нашего времени» и «Княгини Лиговской». Ее образ угадывается в героине драмы «Два брата». Варваре Александровне адресовано посвящение, предпосланное поэме «Измаил-Бей».

Лермонтов не раз писал и рисовал ее портреты. Три акварельных портрета Вареньки Лопухиной, работы Лермонтова, дошли до наших дней. Один из них хранится в Институте русской литературы (Пушкинский дом) в Петербурге, другой – в Государственном литературном музее в Москве, третий – в отделе редких книг библиотеки Колумбийского университета в США. Наконец, ей Варваре Александровне Лопухиной, Лермонтов дважды посвятил своего «Демона». Еще в 1831 году, студентом, он предпосылает первому варианту только что законченной поэмы такие адресованные ей строки:

Прими мой дар, моя Мадонна!
С тех пор как мне явилась ты,
Моя любовь мне оборона
От порицаний клеветы.
Такой любви нельзя не верить,
А взор не скроет ничего:
Ты не способна лицемерить,
Ты слишком ангел для того!
Скажу ли? - предал самовластью
Страстей печальных и судьбе,
Я счастьем не обязан счастью,
Но всем обязан я тебе.
Как демон хладный и суровый,
Я в мире веселился злом;
Обманы были мне не новы,
И яд на сердце был моем.
Теперь, как мрачный этот гений,
Я близ тебя опять воскрес
Для непорочных наслаждений,
И для надежд, и для небес.

Всё и все свидетельствуют о том, что Варенька Лопухина отвечала любовью на чувства Лермонтова, но по причинам, которые вряд ли станут когда-либо известны «ее семья была против их брака. Главным противником любви Лермонтова и Варвары Александровны был ее отец».

После отъезда в Петербург поэт и Варенька виделись редко, но постоянно переписывались. В то же время родные Варвары Александровны настаивали на ее замужестве, вокруг было много женихов, но она все не соглашалась. Может быть, надеялась, ждала?

Наконец, в 1835 году, когда ей исполнилось двадцать, по представлениям того времени возраст для барышни критический, - она уступила настояниям семьи, точнее сестер и брата, отца уже не было на свете, и вышла замуж за случайно посватавшегося к ней крупного чиновника – Николая Федоровича Бахметева, который был старше ее на семнадцать лет. Семейные предания Лопухиных сохранили некоторые подробности этого сватовства. «Судьба бедной Вареньки решилась случайно, - писала О. Н. Трубецкая (двоюродная внучка Вареньки). В 1835 году на московских балах стал появляться Николай Федорович Бахметев. Ему было 37 лет, когда он задумал жениться и стал ездить в свет, чтобы высмотреть себе невесту. Выбор его колебался между несколькими приглянувшимися ему барышнями, и он молился, чтобы Господь указал ему, на ком остановить выбор. В этих мыслях он приехал на бал в Дворянское собрание и подымался по лестнице, когда, желая обогнать его, Варенька Лопухина зацепила свой бальный шарф за пуговицу его фрака. Пришлось остановиться и долго распутывать бахрому, опутавшую пуговицы со всех сторон... Николай Федорович усмотрел в этом несомненное указание свыше – «перст», и посватался. Человек он был с большим состоянием и безупречной репутацией. Не знаю, кто повлиял на бедную Вареньку, но предложение Бахметева было принято...».

Аким Павлович Шан-Гирей был свидетелем того, как встретил Лермонтов весть о замужестве «его любимой Вареньки». «В Петербурге,- писал он,- мы играли в шахматы, когда человек подал письмо; Мишель начал его читать, но вдруг изменился в лице и побледнел; я испугался и хотел спросить, что такое, но он, подавая мне письмо, сказал: «Вот новость – прочти!», и вышел из комнаты. Это известие о предстоящем замужестве В. А. Лопухиной... Я имел случай убедиться, что первая страсть Мишеля не исчезла...»

Впрочем, поэт и позже видел свою любовь. Тот же кузен поэта писал и об их последней встрече. Весною 1838 года Варвара Александровна Бахметева, урожденная Лопухина, с мужем проездом за границу остановились в Петербурге. «Лермонтов, - вспоминает Шан-Гирей, - был в Царском; я послал к нему нарочного, а сам поскакал к ней. Боже мой, как болезненно сжалось мое сердце при ее виде. Бледная, худая, и тени не было прежней Вареньки. Только глаза сохранили свой

блеск и были такие же ласковые, как прежде... Через два часа прискакал в Петербург Лермонтов. Это была наша последняя встреча с ней – ни ему, ни мне не суждено было больше ее увидеть», - заканчивает рассказ Шан-Гирей.

Во время этой, последней встречи Варвара Александровна попросила Лермонтова проверить ее список «Демона» - все ли в нем верно. Вскоре поэт прислал к ней этот список с исправлениями и вторым посвящением, которое сначала было адресовано литере «Б», но эту букву поэт энергично перечеркнул и уверенной рукою поставил милое его сердцу «Л».

Я кончил, - и в груди невольное сомненье:
Займет – ли вновь тебя давно знакомый
Стихов неведомых задумчивое пенье, звук,
Тебя, забывчивый, но незабвенный друг?

Пробудится – ль в тебе о прошлом сожаленье?
Иль, быстро пробежав докучную тетрадь,
Ты – только мертвого, пустого одобренья
Наложешь на нее тяжелую печать,

И не узнаешь здесь простого выраженья
Тоски, мой бедный ум томившей столько лет,
И примешь за игру иль сон воображенья
Больной души тяжелый бред!

Впоследствии список «Демона», принадлежащий Варваре Александровне, оказался самым полным, самым точным из всех, он лег в основу всех последующих изданий великой поэмы.

Утверждают, что Варвара Александровна не была счастлива в замужестве, тем более что Николай Федорович Бахметев оказался большим ревнивцем и запретил жене даже говорить о Лермонтове. Лермонтов хранил в сердце образ своей Вареньки до последних дней. Екатерина Быховец, которая двадцатилетней виделась с поэтом в последний месяц его жизни, летом 1841 года, впоследствии так писала о Лермонтове: «Он был страстно влюблен в Варвару Александровну Бахметеву: она ему была кузина; я думаю, он и на меня обратил внимание от того, что находил во мне сходство, и об ней его любимый разговор был». Интересно, что именно Е. Г. Быховец, как считают специалисты, адресовал Лермонтов свое знаменитое «Нет, не тебя так пылко я люблю». Это одно из последних стихотворений поэта, оказалось и последним свидетельством его любви к Вареньке...

О гибели Лермонтова все Лопухины скорбели искренне и глубоко, для них это была большая семейная потеря. Но тяжелее всего пережила его смерть Варвара Александровна. Ее сестра Мария писала об этом кузине А. М. фон. Хюгель осенью 1841 года: «Последние известия о моей сестре Бахметевой поистине печальны. Она вновь больна, ее нервы так расстроены, что она вынуждена была провести около двух недель в постели, настолько была слаба. Муж предлагал ей ехать в Москву – она отказалась, за границу – отказалась и заявила, что решительно не желает больше лечиться. Может быть, я ошибаюсь, но я отношу это расстройство к смерти Мишеля...»

Варвара Александровна скончалась в 1851 году, через десять лет после гибели поэта. Ее муж получил чин статского генерала, успешно служил и пережил ее на тридцать лет.

Так закончилась история дружбы и любви поэта, который вписал имена близких ему людей из семейства Лопухиных в историю русской литературы.

В Москве, в храме Михаила Архангела, построенном Лопухиным, в подклете, под каменными плитами и ныне покоится около сорока представителей рода Лопухиных.

В 17 веке Бахметевы имели 12 поместий, одно из них село Михайловское Ярославской губернии.

В заключение своего доклада, хочется сказать, что сейчас возрождается память о роде Обресковых в селе Пазушино и о роде Бахметевых в селе Михайловском, которые связаны с судьбой великого русского поэта М. Ю. Лермонтова.

В селе Пазушине ныне действует возрожденный храм Казанской Божией Матери, построенный в 1678 г. на средства дворян Обресковых.. Восстанавливается храм Воскресения Христова.

В селе Михайловском ныне действует церковь Ильи Пророка, построенная в 1656 г. на средства дворян Бахметевых.

Список литературы.

1. Краткие сведения о монастырях и церквях Ярославской епархии.- 1908 .
2. Николай Михайлович, великий князь. Московский Некрополь.-СПб., 1907.
3. Родословная книга Российского дворянства.
4. Ярославский губернаторы. 1777-1917: Ист.-биогр. очерки/ В. М. Марасанова, Г. П. Федюк; Отв. ред. А. М. Селиванов.- Ярославль: ЯГУ, 1998.
5. Дворянские роды Российской империи: Т. 1, 2, 3.- СПб.: ИПК «Вести»,1993-1995.
6. Краевский Б. П. Лопухин в истории Отечества.- М., 2001.
7. Рассказы Начальной русской летописи/ Науч. ред., сост. и авт. послесл. Д. С. Лихачев.- М.: Дет. лит., 1987.

С нами Бог!
Музыкальное наследие священника и композитора
Василия Зиновьева

*Дерен О. В.,
представитель Благотворительного фонда
священника и композитора В. Н. Зиновьева*

Имя Василия Николаевича Зиновьева (1874-1925), священника, педагога, композитора, чьи музыкальные произведения были широко популярны в дореволюционной России, в наши дни, прежде всего, известны любителям духовной музыки. Оно принадлежит к замечательной плеяде русских церковных композиторов конца 19 в. - начала 20 в., наряду с такими именами, как А. А. Архангельский, С. В. Смоленский, А. Д. Кастальский, каждый из них внес свой вклад в создание национальной духовной музыки. «С нами Бог» - это песнопение поют во всех православных храмах в великий праздник Рождества Христова. Оно стало жемчужиной русской церковной музыки и вершиной творчества В. Н. Зиновьева.

Василий Николаевич Зиновьев родился в семье дьякона в селе Спас-Подгорье Ростовского уезда Борисоглебской волости Ярославской губернии 15 января по ст. стилю 1874 г. младшим из 4-х детей. Маленькому Василию было всего 2 года, когда умер отец, и мать Евдокия Васильевна Зиновьева приложила много усилий к тому, чтобы единственный сын получил образование. После окончания Ростовского Димитриевского духовного училища Василий сделал твердый выбор - духовное служение.

Семья переехала в Ярославль, где в 1888 г. Василий Зиновьев поступил в Ярославскую Духовную семинарию. Хор семинарии, певчие которого пели в православных храмах, хорошо был известен в городе. По воспоминаниям современников, юного Зиновьева часто можно было увидеть за управлением хора, заменяющим взрослых руководителей. Его музыкальные способности, увлеченность и редкая одаренность были замечены преподавателями: в 5 классе семинарии осуществилась его мечта - он был назначен регентом семинарского хора.

Все свободное время В. Зиновьев посвящал музыке: учился игре на скрипке, фортепьяно, фисгармонии, в дружеской компании любил петь духовную музыку, светские романсы.

В 1894 г. Василий Николаевич был определен учителем церковного пения при Югской Дорофеевской пустыни в Рыбинском уезде, где кроме того, что служил регентом монастырского хора, преподавал Закон Божий и церковное пение в приходской школе. По мнению исследователей творческого наследия В. Зиновьева именно работа с детьми положила начало его композиторской деятельности, не случайно и первые песни были написаны для детского хора. Через 10 лет, в 1904 г., в московском издательстве П. Юргенсона вышел в свет сборник детских песен о. Василия «Пение на Рождественской елке в народной школе» в 6 выпусках. Всего Зиновьевым было написано более 100 песен для детей, на слова А.С. Пушкина, М. Ю. Лермонтова, А. В. Кольцова, И. С. Никитина, ярославских поэтов Н. Г. Первухина, И. Козлова. Он и сам писал стихи, которые печатались в «Ярославских епархиальных ведомостях».

Большой популярностью пользовались песни «Привет школе», «Сквозь волнистые туманы», «Горные вершины», «Скажи мне, ветка Палестины». Авторитет композитора и известность его песен были столь велики, что в кругу почитателей о. Василия считалось, что ему принадлежит и музыка знаменитой песни «Вечерний звон» на слова И. Козлова.

В 1895 году последовал переезд в Ярославль, рукоположение во диаконы к Петропавловской церкви при Ярославском кадетском корпусе, женитьба. А с 1896 г. о. Василий служил в Троицком храме при Николаевском детском приюте и одновременно состоял на должности учителя пения в Ольгинском детском приюте.

Всю жизнь о. Василий занимался напряженной педагогической деятельностью. Его приглашали во многие учебные заведения города преподавать пение, в том числе в Ярославскую духовную семинарию, в женскую Мариинскую гимназию, он вел педагогические курсы для учителей церковных школ в 1900 г., где произошла чудесная встреча и знакомство с Иоанном

Кронштадтским, приехавшим в наш город (воспоминания об этом сохранились в журнале «Приходская жизнь» за 1900 г.)

Надо заметить, что в те годы не было доступных руководств по музыкальной грамоте, хоровому пению, регентскому делу. В.Н. Зиновьев восполнил этот пробел, составив «Азбуку школьного пения», «Практическое руководство для начинающего учителя - регента» и другие руководства, востребованные и в наши дни.

В 1906 году о. Василий был назначен регентом архиерейского хора Успенского кафедрального собора, и по воспоминаниям певчих, регентом он был исключительным.

Наиболее активный и плодотворный период в творчестве Зиновьева относится к 1907-1913 гг., когда епархией управлял архиепископ Тихон, высоко ценивший деятельность о. Василия. В 1907 году Василий Николаевич взял на себя труд гармонизации для хора церковных гласовых песнопений местного распева. Этот труд имел своей целью упорядочить пение гласовых напевов во всех ярославских приходах. Часто получалось, что два певца соседних приходов не могли спеть согласенно, гармонично один глас, к тому времени в каждом приходе существовали свои варианты этих напевов. О. Василий их упорядочил.

Отец Василий обладал поразительным трудолюбием, яркой гражданской позицией, отражающей его любовь к своей Родине. Не было, пожалуй, ни одного сколь-нибудь значимого события в жизни России и Ярославля, на которое бы не откликнулась новым сочинением его неиссякаемая творческая энергия. 100-летию Отечественной войны 1812 года посвятил он песнопение «С нами Бог». В 1913 году русский народ отмечал великую дату - 300-летие царствования Дома Романовых. В мае 1913 г. Император с семьей посетили Ярославль, Ростов, Петровск. Архиерейский хор в полном составе в несколько сот человек и его руководитель о. Василий оказались в центре торжеств. Под управлением Зиновьева хор встречал пасхальными песнопениями Императора в Успенском кафедральном соборе, Спасском монастыре и на освящении Романовского приюта в Ярославле. Была исполнена кантата «300-летию Дома Романовых», написанная директором ярославского музыкального училища И. В. Петром. Хор исполнял Всенощную в присутствии Его Величества в Ростове, Литургию в Петровском соборе, после чего Император долго беседовал с регентом хора о. Василием, а несколько позже В. Н. Зиновьев «лично Его Императорским Величеством был награжден золотым наперсным крестом из кабинета Его Величества за отличное пение» (описание этих событий сохранились в газете «Голос» за 1913 год). К 600-летию явления чудотворной Толгской иконы Божией Матери о. Василий также написал, а архиерейский хор исполнил 8 августа 1914 г. юбилейную кантату.

Началась первая мировая война. Отец Василий пишет слова и музыку кантаты «Русь Святая идет на войну» с посвящением Императору Николаю Александровичу. Всю сумму от продажи кантаты автор просил передать на нужды военного времени, а сам отправился добровольцем на фронт.

В феврале 1917 года о. Василий вернулся в Ярославль, вновь стал служить в Троицком храме Николаевского приюта, с 1918 г. работал учителем пения в школах, но вскоре ему, священнику, запретили преподавать в советских школах. Ему вновь пришлось делать выбор между служением Церкви и светской деятельностью учителя музыки. Он остался в Церкви, организовал при Сретенском храме художественную капеллу, которая в 20-е годы была известна во многих городах России под названием «хор Зиновьева».

В 1921 году, пережив череду семейных трагедий - гибель единственного сына, смерть жены, Василий Николаевич полностью посвящает себя работе и воспитанию дочерей. В октябре 1921 года В.Н. Зиновьев становится заведующим кафедрой эстетического воспитания Ярославского педагогического института, он также преподает пение и руководит институтским хором.

В 1922 году, когда в Русской Православной Церкви произошел раскол, в Ярославле была организована новая, т.н. «Живая церковь». Последовали аресты представителей духовенства. О. Василий Зиновьев не мог остаться в стороне от этих событий. С целью восстановления единения между отдельными церковными группами он участвует в организации собрания духовенства и представителей приходов, состоявшегося 10 октября 1922 г., на котором присутствовало около трех тысяч человек. 28 октября о. Василий был арестован. Дополнительным поводом для ареста

послужила и проповедь, сказанная им 17 июня в Троицкой церкви : « ... когда Николая прогнали- вы спали. Временное правительство свергнули – вы спали, и Ленин сидит - спите ... Меня посадят, и вы тоже будете спать... ». На допросах о. Василий вел себя с достоинством, о чем свидетельствуют сохранившиеся документы, а в ноябре он был освобожден. Житейские испытания сказались на здоровье композитора, в 1923 году появилось заболевание горла. В октябре 1924 года о. Василий переехал в Москву. Там он взял на себя управление хором а храме во имя Преподобного Сергия Радонежского. А 25 марта священник Василий Зиновьев скончался в московской больнице от удушья от раковой опухоли горла. По завещанию композитора гроб с телом перевезли в Ярославль, где проститься и проводить в последний путь любимого пастыря и композитора пришло огромное количество его почитателей.

Неподалеку от храма Параскевы Пятницы на Туговой горе погребен наш замечательный земляк - священник, музыкант, гражданин В. Н. Зиновьев.

В наши дни благодаря усилиям его последователей, потомков, почитателей его таланта создан Благотворительный фонд им. В.Н. Зиновьева, целью деятельности которого является популяризация его сочинений. Издан сборник нот «С нами Бог», произведения композитора все чаще звучат в концертных залах. Благодаря ему мы можем говорить о вкладе Ярославля в музыкальную культуру России.

Литература:

Л. А. Зуммер. Регент и церковный композитор священник Василий Зиновьев// Зиновьев В. С нами Бог!: избранные песнопения / Сост., автор вступит. ст. Л. А. Зуммер. - Ярославль: Александр Рутман, 2001.-С.5-21.-(Серия «Граждане Ярославля»)

Васильева И. Возвращение Василия Зиновьева // Ярославские епархиальные ведомости.-2001.- № 5.-С.11: портр.

Ярославская усадьба профессора Зиновьева

*Землянская Наталья Сергеевна,
историк-краевед, член президиума
городского отделения ВООПиК*

Известно, что Алексей Зиновьевич Зиновьев (1801-1884), бывший профессор Демидовского высших наук училища в Ярославле (преобразованного в 1834 г. в лицей) в начале своей педагогической карьеры был учителем великого русского поэта М. Ю. Лермонтова. Это было в конце 1820-х гг. В те годы А.З. Зиновьев, выпускник словесного отделения Московского университета, преподавал латинский и русский языки в Благородном пансионе при университете. В 1827 г. бабушка Михаила Юрьевича, Елизавета Алексеевна Арсеньева, привезла внука в Москву для поступления в Благородный пансион. Остановились они на ул. Трубной у своих дальних родственников Мещериновых, имевших трех сыновей, один из которых, Владимир, впоследствии учился вместе с М.Ю. Лермонтовым. По рекомендации хозяйки, Елизаветы Петровны, бабушка пригласила А.З. Зиновьева готовить внука для поступления в Благородный пансион по русскому и классическим языкам. Он же отвечал за весь процесс обучения наукам и его результаты. Впоследствии, М. Ю. Лермонтов, учась в пансионе, до 16 апреля 1830 г. оставался под присмотром своего наставника. Сохранились воспоминания Алексея Зиновьевича о своем, ставшем знаменитым, ученике в период пребывания того в пансионе. ” Как теперь смотрю я на милого своего питомца , отличившегося на пансионском акте, - вспоминает А.З. Зиновьев. - Среди блестящего собрания он прекрасно произнёс стихи Жуковского “К морю” и заслужил громкие рукоплескания”. Тут же Лермонтов удачно исполнил на скрипке пьесу и, вообще, на этом экзамене обратил на себя внимание, получив первый приз, в особенности, по русскому языку.

А. З. Зиновьев обладал литературным даром, любил поэзию, был прекрасным декламатором. В “Московском вестнике“ был опубликован его рассказ “Возмездие”. Им же были опубликованы два стихотворения “Волга” и “ Смерть праведника”. Алексей Зиновьевич внимательно относился к первым поэтическим трудам юного поэта. Об этом говорят пометы, которые оставил М. Ю. Лермонтов в своей рукописной тетради со стихами. Так против шестой строфы в поэме “ Черкесы” рукой поэта написано:” Зиновьев нашел, что эти стихи хороши”. Под влиянием А. З. Зиновьева Лермонтов вместе с друзьями выпускал рукописный журнал “ Утренняя заря”. В 1830 г. М. Ю. Лермонтов окончил Благородный пансион “с весьма хорошими успехами”. В этом же году Алексей Зиновьевич Зиновьев получил должность профессора кафедры словесности, древних языков и русского красноречия в филиале университета, Демидовском высших наук училище в Ярославле. Возможно, второй поворот в его судьбе, произошел не без протекции все тех же Мещериновых, имевших родственников в Ярославской губернии.

Профессорская должность в престижном учебном заведении Верхнего Поволжья, а вместе с этим и материальное благополучие, позволили мещанскому сыну войти в привилегированное общество. В 1833 г. он женился на дворянке Любви Ивановне Назимовой, вероятно, дочери Тайного советника Ивана Алексеевича. Возможно, из их рода происходил декабрист, член Северного тайного общества, Михаил Александрович Назимов, отбывавший ссылку в Сибири и переведенный в 1837 г. оттуда на Кавказ. где в начале 1840-х гг. входил в круг знакомых М.Ю. Лермонтова. Брат жены Зиновьева - Владимир Иванович Назимов (1802-1874) дослужился до генерала и в 1849-1856 гг. стал попечителем Московского учебного округа.

Встал вопрос о собственном доме для молодых. Где до этого жил Алексей Зиновьевич, неизвестно, вероятно, снимал квартиру. Вскоре А. З. Зиновьев приобрел небольшую усадьбу в центре Ярославля.

Дом, где жил учитель М. Ю. Лермонтова, был обнаружен нами случайно при изучении истории дома N 33 по Волжской набережной. Владельцем того дома на начало 1840-х гг. был чиновник А. Виноградов, а соседом его с северо-запада, на углу ул. Кедрова и Волкова, дома N 9/8 (б. М. Варваринской и Никольской) - профессор А. З. Зиновьев. Дом, принадлежавший когда-то А. З. Зиновьеву, давно привлекал внимание исследователей. Известный ярославский архитектор В. Ф.

Маров обратил внимание на первый этаж дома, который сохранил мощные стены, широкие угловые лопатки, планировку палатного типа. В.Ф. Маров датировал дом серединой XVIII в. и считал, что первоначально дом был одноэтажным, а 2-й этаж “надстроен”. Действительно, дом расположен в глубине двора под углом к красным линиям улиц, его второй этаж имеет декор (фигурные филенки) начала XIX в. Архивные исследования не только подтвердили предположения В. Ф. Марова, но и раскрыли богатую историю дома, рассказали о его владельцах на разное время.

А зацепочкой, с которой удалось раскрутить клубок, оказалось имя одного из сподвижников Федора Волкова по любительским спектаклям в Ярославле. По данным краеведов начала XX в. этот дом во 2-й половине XVIII в. принадлежал почтмейстеру Попову. В труппе Ф. Г. Волкова играли братья Поповы Яков и Алексей. Оба служили в Ярославской провинциальной канцелярии: первый был канцеляристом, а второй писцом. В труппе драматического театра, созданного в 1756 г. в Петербурге, остался Алексей, а Яков был награжден чином регистратора и отправлен домой. Известно, что в отставку он вышел в 1785 г. Его жена Анна Михайловна проходит по документам как “коллегии иностранных дел переводчица”. Именно ей принадлежал этот дом с постройками. Усадьба досталась Анне Михайловне по купчей, вероятно, во 2-й половине XVIII в. от канцеляриста Андрея Семенова Маметева. (На середину XVIII в. - он прихожанин церкви Рождества Христова). Анна Михайловна завещала усадьбу своему сыну - секретарю Ярославской провинциальной канцелярии Ивану Яковлевичу Попову. Тот в 1807 г. продает усадьбу :

”деревянный на каменном фундаменте дом с принадлежащим к нему строением, состоящему ...в приходе церковью Рождества Христова и Варвары Великомученицы со всею дворовою и огородною землею”...что досталось от матери , а ей от Маметева, “да причисленных к оному дому дворовых людей” (5 чел.) своей жене Марье Андреевне за 500 руб. серебром. Хотя по купчей дом проходил деревянным на каменном фундаменте, на топографических планах 1760-х гг. дом показан как каменный. Возможно, он был на каменном полуэтаже (т.е. полуподвальный этаж). При взгляде на дорегулярную средневековую планировку становится понятным угловое положение дома по отношению к регулярным улицам. Усадьба раньше располагалась в северо-западном углу жилого массива у перекрестка улиц Христо - Рождественской (на XIX-нач. XX вв. - М. Варваринской) и Николо – Надеинской.

В соответствие с планировкой средневековых усадеб дом стоял в глубине двора и имел крыльцо со стороны ул. Никольской. Служебные постройки располагались по ул. Христо - Рождественской. Регулярным планом 1778 г. в центре города предусматривались каменные дома и новая владелица сразу же на основе старого дома построила 2-х этажный каменный и новые каменные службы. Возможно, обновились и деревянные постройки. Затраты по строительству, Марья Андреевна , по обычаю того времени, решила восполнить доходами от казенных поставок, подрядов и винных откупов, под залог недвижимого имущества. В связи с этим провинциальная секретарша Марья Андреевна отдает усадьбу в залог. Сохранилось описание усадьбы в 1808 и 1812 г.г.:” Дом каменный 2-х этажный... в приходе церкви Рождества Христова на Рождественской улице ...и Никольского переулка... мерою по Рождественской 11, поперек 7 саж. , крыт тесом, покоев ...жилых в нижнем этаже 7, кладовая 1, и оные все со сводами, окошек 19 с железными затворами, дверей 9, из них 2 железные, печей 4. В верхнем этаже покоев 8, окон 26, дверей 10, из них столярных 5; печей 5. Потолки накатные, а полы во всем доме тесовые. Надворного строения: баня каменная со сводами, мерою в длину 2 саж.,1 арш., поперек 1 саж. и 2 арш. “ погребка с напогребенниками деревянными, 2 конюшечных сарая, кухня, каретный сарай и все оные покрыты тесом. Ворота деревянные и вся земля обнесена забором. Под домом и подвалом и строением земли по Рождественской ул. -34, по Никольской - 20 саж.” Перед нами добротная небольшая городская усадьба с необходимыми хозяйственными постройками. Наличие в доме сводчатых подвалов подтверждает “почтенный” возраст дома. Описание дома на 1812 г. еще более скупое, главное внимание в нем уделялось конструкции дома:” ...В верхнем этаже 2 капитальные стены. Нижний этаж со сводами, в нем кладовые и 4 капитальные стены. Под оным домом бутового камня 100 куб. саж., кирпичу во всем здании 30000, связного железа 150 пуд. ...”

К сожалению, краткое описание интерьеров дома дает слабое представление об имущественном положении его владельцев. Лишь упоминание о 5 (из 10) столярных дверях на 2-м этаже косвенно указывает на скромный облик интерьеров.

В 1833 г. усадьбу (на тот период Титулярной советницы) М. А. Поповой приобрел Алексей Зиновьевич Зиновьев- профессор Демидовского высших наук училища (преобразованного в 1834 г. в лицей). Вскоре, (в 1836 г.) новый владелец тоже отдал усадьбу в залог по казенным подрядам и поставкам.

В связи с этим было составлено описание и оценка усадьбы. Как правило, в описание входило: габариты, конструкция построек и их состояние; планировка интерьеров, их функциональное назначение и отделка. Описание стилистики фасадов делалось очень редко. И на этот раз губернский архитектор П. Я. Паньков составил типовое описание: ” Дом каменный 2-х этажный..., с принадлежащей землей, с лица оштукатурен и окрашен. На оном крыша по деревянным стропилам покрыта листовым железом с водосточными трубами... При оном с лица и позади крыльца тесовые... Из крыльца в нижний этаж ход в сени. В сенях свод и пол кирпичной. Из них 2 входа в полатку... вход в переднюю. В сенях парадная лестница во второй этаж деревянная... В нижнем этаже помещается комнат: полатка, сени, передняя зала, гостиная и кухня.” Вероятно, как вариант, карандашом дописано:” спальня, буфет, девичья”. “Все оные с кирпичными сводами. В полатке пол кирпичный и 2 окна с железными затворами и таковыми же решетками...; в протчих 7-ми комнатах полы двойные черные, бревенчатые а чистые тесовые соснового леса насланы по переводам. Печей галанских из поливных изразцов 4 с медными душниками и чугунными вьюшками и железными топочными дверцами. Окон 21, в них рамы летние, створчатые с приборами и зимние глухие соснового леса с полубелыми стеклами... В кухне печь русская с чугунными вьюшками и железною заслонкою..., двери однополотные тесовые... В передних комнатах 10 дверей створные, филенчатые на железных петлях с медными замками и задвижками, выкрашены белилами на масле и покрыты лаком. В нижнем этаже все комнаты оштукатурены и раскрыты разными колерами”. Из описания видно, что первый этаж, по обычаю, имел больше служебное назначение, оформление интерьеров довольно скромное.

“Во втором этаже 10 комнат, в них полы черные бревенчатые, а чистые тесовые, насланы по переводам, все выкрашены на масле желтой краской, накаты бревенчатые, оштукатурены: передняя, зала, гостиная, спальня, девичья, гардеробная, 2 детских и 2 кабинета. В них во всех комнатах 6 печей галанских из поливных изразцов..., 13 дверей, створчатые, филенчатые на коленчатых петлях с медными замками, задвижками и завертками, выкрашены на масле под дуб и под красное дерево и покрыто все лаком. Окошек 28, в них рамы летние дубовые с белыми стеклами с медными и железными приборами... Все комнаты оштукатурены и раскрыты разными колерами...” Второй этаж жилой и отделка побогаче. Для приема гостей зала и гостиная, для работы 2 кабинета. Вероятно, один для хозяина, а второй для занятий детей. В семье Зиновьевых было двое детей: в 1835 г. родился сын Иван, ставший впоследствии послом в Константинополе, в 1839 г. - сын Николай, которому судьба уготовила поприще сенатора.

Во дворе дома стояли деревянные служебные постройки: флигель, в котором размещались 2 кухни, людская изба, конюшня, каретный сарай, 2 погреба и амбар. Все постройки покрыты “по деревянным стропилам в два теса “. Перед нами среднепоместная городская усадьба (людская изба предназначалась, вероятно, для дворовых людей).

А. З. Зиновьеву же принадлежала и огородная земля напротив дома, через Никольскую ул., в соседнем квартале.

Преподавая в лицее, Алексей Зиновьев много и плодотворно работал. Писал труды по русской и всеобщей истории, истории лингвистики, педагогики, статьи краеведческого характера. А. З. Зиновьев играл видную роль в деятельности “Общества любителей российской словесности“, открытого при училище еще в 1814 г.

С. П. Покровский, в своем труде по истории лицея писал: “...с середины 1820-х г.г. в поэзию студентов вливаются два новых литературных течения - сентиментализм и романтизм, принесенные в училище профессорами Ханенко и Зиновьевым.” Публикации А. С. Зиновьева встречаются в “Ярославских губернских ведомостях”. Всего в Ярославле им было написано и

опубликовано около 30 работ. В Ярославле Алексей Зиновьев прослужил 25 лет, продвинувшись по службе от чиновника 8 класса до статского советника. В 1846 г. он выходит в отставку и переезжает в Москву. Однако, в 1847 г. он был утвержден профессором русской словесности в Лазаревском институте восточных языков (возможно, по протекции брата жены В. И. Назимова).

Ярославскую усадьбу (” каменный 2-х этажный дом со строением и землю “площадью 322 кв. саж. и огородную землю напротив - 136 кв. саж.) А. З. Зиновьев продал, согласно купчей, в 1848 г. генерал - майору Николаю Ивановичу Горскому за 4 286 руб. серебром. Однако, по плану г. Ярославля 1847 г. владелицей проходит его жена Софья Горская. По документам 1860-х гг. новый владелец умер, так и не успев “ войти во владение”. Усадьба переходит к его вдове генерал - майорше Софье Горской. На начало XX в. дом принадлежал наследникам купчихи 2-й гильдии Свойкиной Клавдии Федоровны: Павлу и Екатерине Ивановичам Свойкиным. Владение было небольшое. С юго-восточной стороны дома, вдоль ограды, стояли каменные одноэтажные службы, на ул. М. Варваринскую выходил небольшой одноэтажный дом, с юго-востока вдоль ул. Николо - Надеинской узкой полосой тянулся сад. Дом сдавался в наем, среди жильцов: дворянин, чиновник Контрольной палаты Скульский П. Н., губернский секретарь Пасхалис К. А., остальные - мещане, крестьяне. В годы Советской власти усадьба была нарушена: нет дворовых построек, сада, остался лишь жилой дом. За эти годы дом обветшал и требует реставрации.

Источники:

1. ГАЯО, Ф. 55, оп.1, д. 342, 1808г.; д. 1999, 1858 г.; Ф. 151, оп.2, д. 9191, 1836 г.; д. 23716, 1830-е гг.; Ф. 485, оп.5, д. 192 1913 г.; Ф. 501, оп. 1, д. 1699, 1858 г.; оп.2, д. 31. 1847 г.; Ф. 509, оп.2, д. 1974,1982, нач. XX в.; оп. 3, д. 374;
2. Список домов г. Ярославля поулично // Календарь Ярославской губернии на 1877. - Ярославль, б/г.
3. Егоров С. Ярославское высших наук училище.- Ярославль, 1980.
4. Бричникова Л. Учитель Лермонтова жил в Ярославле на углу Никольской и исторожественской //Московский комсомолец в Ярославле.-2001.-12-19 апреля.-С.6.
5. Козлов П. И., Маров В. Ф. Ярославль: Путеводитель-справочник. - Ярославль, 1988 .
6. Лермонтовская энциклопедия. - М.: Сов. энциклопедия, 1981.
7. Мельгунов Б. В. “Всему начало здесь...”: Некрасов и Ярославль. - Ярославль: Верх. Волга, 1997.

Лермонтов как непосредственный предтеча и «учитель» Некрасова

*Николай Николаевич Пайков
доцент кафедры русской литературы
ЯГПУ им. К. Д. Ушинского*

И в широком общественном мнении, и в традиции школьного образования, и по субъективным ощущениям многих Н. А. Некрасов и М. Ю. Лермонтов если и не выступают как абсолютные психологические и художественные антиподы, то кажутся поэтами, принадлежащими к заведомо разным идеологическим и эстетическим «цивилизациям». Один – аристократ, байронист, «демон» русской литературы, философский богоборец и индивидуалист, сугубо романтическая личность. Другой – разночинский демократ, утопический социалист (а, по последним оценкам, еще и христианский гуманист), «печальник горя народного», критик общественных язв и выразитель прогрессивных идеалов.

Однако эта последовательно мотивированная оппозиция носит все признаки культурной мифологии. Как культурный «миф» Лермонтова, так и культурный «миф» Некрасова суть не более, чем естественный способ бытования семиотических представлений в общественном сознании. Благодаря каждому мифологическому комплексу обеспечивается узнаваемость, «картинность», отличительность этих культурных явлений от им подобных.

Сколько-нибудь вдумчивый анализ обнаруживает наличие совсем иначе акцентированных отношений: при «очевидной» *разнице* культурной среды, идеалов и поведенческих форм не менее очевидное *родство* индивидуального психологического склада, культурно-философской позиции и художественно-эстетических предпочтений.

Так, несомненна социально-биографическая нетождественность жизненного пути двух поэтов: будь то материальные условия жизни (богатое родовое поместье – захудалый дом в нищей деревне в семье выслужившегося дворянина) или воспитательная сфера (любовно-кропотливая и предупредительно-потакающая забота бабушки, в одном случае, – религиозно-отчужденное затворничество матери; увязшее в заботах об источниках материальной выгоды, в хозяйственных распоряжениях и находящее единственную отраду в удовлетворении охотничьих страстей, социальных амбиций, родственной «гульбы» самодостаточное существование отца, прерывающееся время от времени спорадическими «поучающими указаниями», в случае другом), будь то возможности личного развития (самая широкая сфера «творческой» самореализации одного – предоставленное более всего самому себе возрастание деревенского «дичка» у другого) или перспективы жизненной карьеры (университет или гвардейская служба – чиновничья или воинская лямка «для пропитания собственной особы»).

Столь же разнятся у Лермонтова и Некрасова формы и мотивы самоутверждения. В одной ситуации это сословно-родовое и художественно-метафизическое фрондерство старшего, исходящее из жажды самоутверждения и абсолютизированной меры ценностной взыскательности, в другой – творческая, коммерческая, идеологическая борьба младшего за место под солнцем ввиду его социальной, материальной и, в немалой степени, духовной необеспеченности. Даже поводы к художественной саморефлексии того и другого исторически и этико-философски не имеют под собой сходных оснований. Лермонтова гнетет неостребованность его «пассионарных» сил и идеалов; Некрасова оскорбляет оподленность человеческих отношений, социальная ущербность личности, лишенность большинства шансов на культурную состоятельность; Лермонтов переживает трагедию воли, Некрасов – трагедию судьбы.

И, однако же, судьба наделила каждого из поэтов весьма сходным психологическим типом личности – воинствующего деятеля, волевого экспериментатора, меланхолического, скептического, склонного к впадению в депрессивные состояния рефлектера и метафизически чувствительного рационалиста.

У обоих (как ни у кого из их современников, исключая, разве, Ф. И. Тютчева) сквозным эмоциональным пафосом «ночного» мироощущения и творчества стали «печаль» душевной

дисгармонии и тревоги, «страдание» от лжи, обмана, предательства, коварства, подлости, «тоска» одиночества и отсутствия перспективы, «ирония» по отношению к людям и себе самому, «гнев» протеста и жажда «мести» «царяющему злу», стыдливо скрываемая потребность в красоте, любви, преданности, сочувствии и неверие в возможность идеала.

И тот, и другой через В. А. Жуковского приобщились к рафинированному идеализму немецких романтиков: к энтузиазму йенцев, к христианизированному фольклоризму гейдельбержцев, к мистицизму берлинской школы; через героику декабристов прочувствовали (но позже и критически оценили) филиппики и восторги В. Гюго и П. Ламартина; благодаря лейкистам и В. Скотту приблизились к пониманию кельтско-мифологического трагического оптимизма, а из творений Дж. Г. Байрона и П. Б. Шелли прочно усвоили метафизического тираноборчества.

Естествен (но отчего-то проходит мимо внимания) вопрос: *кто* мог дать Некрасову именно такие, как у него, поэтические крылья, кого можно поставить с ним в сопоставительную связь из предшествующего творческого поколения?

В самом деле, могла ли эту миссию исполнить мать поэта, смиренная христианская подвижница? Или старшая сестра Елизавета, делившаяся с братом плодами своих литературных предпочтений? Быть может, следует ее возложить на гимназических учителей Некрасова: на латиниста-библиотекаря И. С. Топорского, раздававшего ученикам на дом литературные журналы, заполненные цветистой «бенедиктовщиной», и про которого поэт вспоминал как про физика; на П. П. Туношенского, преподававшего ученикам Духовной семинарии и дворянской гимназии азы стихосложения и сочинение речей «по образцам»; на профессора Демидовского камерального лицея А. А. Зиновьева (некогда в Московском университетском пансионе преподававшего отечественную словесность и юноше Лермонтову), которого, однако, Некрасов, в лучшем случае, только видел, а может быть, даже и не слышал?

Откуда уже в юношеских «Мечтах и звуках» у Некрасова возник тип страждущей и мятущейся романтической личности? Где Некрасов почерпнул формы субстанционального конфликта личности с миром? Кто дал ему образчик понимания художественной рефлексии как средства мифологизации субъекта и бытия? Кем ему была подана мысль обратить личностный миф романтиков в миф биографический?

Как только мы признаем эти вопросы законными и существенными, мы тотчас вынуждены будем согласиться, что такой Учитель (может быть, по началу и вовсе неосознанно) у Некрасова был! И даже в единственной реальной альтернативе: Тютчев – Лермонтов (два Учителя «поэта мести и печали», два романтических светила в сонме иных мерцающих звезд отечественной лирики 1830-х годов) перед Некрасовым на первое место должен встать именно Лермонтов. При этом самые сближения и несходства двух поэтов в этой параллели становятся говорящими.

Новое время – новые песни, а душа поэта (поэта одного и того же типа) все та же. А Лермонтова и Некрасова разыгранный в различных биографических обстоятельствах роднит один и тот же *тип романтической личности*. Субстанциональное одиночество того и другого прочитывается и осознается ими самими как будто по-разному, но одиночество гордыни и презрения к ничтожеству и одиночество загнанности и покинутости отливаются у них в единой мощи лютейшую ипохондрию. Сотканность характера обоих из одних и тех же психологических и духовных, поведенческих и умозрительных антиномий позволяет констатировать не просто сходство двух натур, но утверждать прямое их родство. Железное самообладание в равной степени скрывает душевную ранимость каждого. Сосредоточенность на высших проблемах человека и общества оборотной стороной имеет самые «мелочные» и нелюбимые обстоятельства житейского существования. Немедленная готовность обоих к вызовам судьбы уравнивается их фатализмом. Способность к сильнейшему душевному и поэтическому подъему дополняется холодным и трезвым анализом обстоятельств, устройства человеческого существования, движений собственной души. Открытость молитвенной экстази, потребность покаяния и нравственного очищения противоположным полюсом имеет метафизическое сомнение, бунт и скепсис. Даже этико-психологический (если не сказать эстетический) патриотизм как-то парадоксально уживаются у Лермонтова и Некрасова с социально-государственным нигилизмом.

Оба художника являют собой также и ярчайшее воплощение *поэта личностной и философско-романтической героики*. О внутренне присущем героизме природы участника Кавказской кампании, представляемого за мужество и доблесть к наградам, очередному офицерскому званию и золотому оружию, говорить излишне. О внутренней близости ему его героев – бородинского ветерана, купца Калашникова, Мицыри, Арбенина, Демона, вероятно, тоже. Героика природы и творческой устремленности второго поэта не так общепризнаны. Зачем же тогда в письме к Л. Толстому Некрасов признается в горячем желании бросить все и ехать в осажденный Севастополь? О чем свидетельствуют его строки, вроде следующих?

Что друзья? Наши силы неровные,
Я ни в чем середины не знал,
Что обходят они, хладнокровные,
Я на все безрассудно дерзал,
Я не думал, что молодость шумная,
Что надменная сила пройдет –
И влекла меня жажда безумная,
Жажда жизни – вперед и вперед!

Что позволило А. М. Скабичевскому предложить такой пассаж в своих воспоминаниях о поэте? – «Это был человек, обладавший сильными страстями, которые постоянно требовали исхода в каких-нибудь потрясающих впечатлениях, и мелкая тина повседневных дрызг претила ему. По самой натуре своей это был боец в том смысле, что для него, как вода для рыбы, необходима была борьба с такими препятствиями и опасностями, в которых заключался бы более или менее отважный риск. Одним словом, Некрасов принадлежал к типу тех людей, из которых вырабатываются или отважные мореходы и путешественники, Колумбы, Куки, Ливингстоны, или пираты и контрабандисты».

А в творчестве не к той ли породе, что и автор, принадлежат Огородник Некрасова, лирический герой «Родины», «Когда из мрака заблужденья...», «Я за то глубоко презираю себя...», «Мы с тобой бестолковые люди...», поэт-обличитель из стихотворения «Блажен незлобивый поэт...», умирающий из «Последних элегий» и малой поэмы «В больнице». Таковы же его «гражданин», автобиографические герои Тростников и Валежников, поэтические облики цензора Н.Ф.Крузе и реформатора Н.А.Милютин («Кузнец»), адресаты «мартиролога» «русской земли людям замечательным», «светлые личности» и «учителя» из «Медвежьей охоты», галерея крестьянских «портретов крупным планом» от Якима Нагого и Савелия-богатыря, Матрены Тимофеевны и разбойника Кудеяра до «старообрядца» Кропильникова и Гриши Добросклонова.

Но та же романтико-героическая направленность творчества Лермонтова и Некрасова имеет не только «психологическую» мотивацию, но и собственно эстетическую, находящую свое воплощение в интенциональных авторских посылах, строящих комплекс романтического героя. Так, романтически ориентированный герой и Лермонтова и Некрасова рождается в свет отнюдь не для того, чтобы «встроиться» в существующее мироустройство, но чтобы снискать, утвердить, завоевать, наконец, себе непременно *особенное* место. Каким оно окажется: судьбою гения, тирана, бунтаря, Колумба или пирата – вещь второстепенная; главнейшая же задача всей жизни вырваться из цепей посредственности, обрести личную славу. Отсюда исторические или литературные образцы того и другого: Наполеон, горцы-абреки, Байрон или вожди русской демократии, Шекспир, Вальтер Скотт, Теккерей. В том же романтическом комплексе двух поэтов коренится и их потребность в мифической родословной художника – шотландской или испанской у одного и польской у другого. По тем же причинам каждому из них органична опора только на предельные, исключительные, абсолютные критерии во всем: будь то культ одиночества или побуждение к созидательной деятельности, уровень эмоциональной экспрессии или масштаб духовных ценностей и эталонов, жажда праздника чувственного бытия или танатическое устремление к смерти.

Комплекс структуры сознания и судьба романтического героя организуется единством и борьбой противоречий, антитез, антиномий, катахрез. Об этом свидетельствует лермонтовский «Парус» (более всего у предшественника любимый Некрасовым, по его собственному признанию); таково некрасовское стихотворение «Не знаю, как созданы люди другие...» и многие еще.

У обоих поэтов не только отчетливо вычлняются ситуативно-конкретные сюжеты и эмоционально-ценностные мотивы отдельных произведений. Но, вместе с тем, сквозь все творчество того и другого проходят и некие (своеобразные у каждого, но не менее масштабные) субстанционально-метафизические «сюжеты» и духовно-ценностные коллизии.

У Лермонтова это развертывающиеся комплексы обмана в любви, в надеждах, во всех человеческих ценностях; избранничества и бунтарства, вызова обществу, человеческой (слабой) природе, мирозданию и Богу; гонимости, странничества, узничества; памяти сердца и забвения, сна, покоя смерти, приобщения в вечности и абсолюту.

У Некрасова это также несущие в себе внутренний динамизм развития антиномические комплексы духовной расколотости личности, общества, мироздания: на «правду» высших духовных ценностей и «правду» необходимости выживания, борьбы за существование; на «правду» убеждений, служения, подвижничества и «правду» камерной жизни человека, семейных ценностей, личного счастья; на «правду» потребности личности в прочном союзе и безупречных отношениях, в доверии, благородстве, искренности и «правду» неповторимости индивидуального психологического устройства личности, ее душевных проявлений, мировидения, эгопотребностей; на «правду» исторического развития общества и «правду» национального духовно-психологического склада народа; на «правду» земного существования и «правду» надличностного, предвечного, абсолютного духовного Бытия.

И поверх всего у обоих трагический ракурс понимания жизни человека и трагический пафос ее творческого воплощения.

Есть у них и то, что в своем различии лишь указывает на факт развития от эпохи к эпохе одних и тех же проблем и художественных построений. Это можно было заметить уже в выше приведенных тезисах. Вот еще один характерный пример. Лермонтовское художественное сознание и творческая практика развивают такую мифологизирующую модель, при которой осуществляется сознательная и гипертрофированная подверстка фактической канвы биографии поэта под контуры и структуру «универсального» романтико-страдальческого и романтико-героического мифа. У Некрасова же мы находим «обратный», но того же задания процесс: он тоже романтизирует, художественно осмысляет и обрабатывает факты своей жизненной истории, но не для того, чтобы их редуцировать их до основного романтического типа, а чтобы из обстоятельств и перипетий собственной жизни выстроить не менее романтический, однако именно особенный, если угодно, «индивидуально-биографический» миф.

Вот уж где мы не находим зримого преемства, так это в поэтической и стиховой культуре. В строфике соотношение общепринятых и индивидуальных форм у всех поэтов классической традиции примерно одно и то же: 3 к 1. В области эвфонии и аллитерации уровень насыщенности текста также сохраняется примерно на одном некогда достигнутом уровне. И, наоборот, в соотношении декламативности и романсности, с одной стороны, и говорных форм организации и интонирования речи, а также соотношения работы в двухсложниках и трехсложниках резкая грань пролегает между поэтами пушкинской поры, включая Лермонтова, и поэтами середины века – поздним Тютчевым, Некрасовым и Фетом.

Однако система романтических мотивов, образов, топосов, компонентов основного эмоционального тона или, по выражению В. В. Гиппиуса, «слов-сигналов» Лермонтова и Некрасова ставит именно этих двух поэтов за одни скобки, а прочих их современников за другие.

Конечно, любая мера сходства или творческого родства каких бы то ни было художников никоим образом не отменяет оригинальности их творческой индивидуальности. И не об этом шла у нас речь. Но глубокое уяснение миросозерцательных и эстетических схождений творцов культуры позволяет почувствовать, как именно их творческое наследие, обязательно претворяясь в иные формы, трансформируясь, семантически «сдвигаясь», тем не менее «перетекает» по одному ему ведомым законам из одного художественного русла в его продолжение. Творческое взаимодействие двух самобытных художников поэтического слова, Лермонтова и Некрасова, думается, весьма убедительный тому пример.

3-и Лермонтовские чтения «Мир Лермонтова»

**«Лермонтов – мучитель наш»:
литературоведческое эссе поэта Константина Васильева.**

*Поморцева Галина Ивановна,
заведующая квартирой-музеем К.
Васильева в пос. Борисоглебском*

Боюсь не смерти я. О нет!
Боюсь исчезнуть совершенно.
Хочу, чтоб труд мой вдохновенный
Когда-нибудь увидел свет...
М. Ю. Лермонтов

В поселке Борисоглебском Ярославской области, в доме № 10 на улице Транспортной в квартире № 1, где родился, жил и умер поэт и критик Константин Васильев, к годовщине его смерти, 17 августа этого года, открыт первый в области музей-квартира поэта, нашего земляка и современника. Решение об открытии музея-квартиры было принято на собрании представителей Борисоглебского муниципального округа 17.01.2002 года и утверждено постановлением главы Борисоглебского муниципального округа от 06.05.2002 года.

Этот дом, состоящий из трех квартир, имеет историческое и краеведческое значение еще и с другой стороны: до начала тридцатых годов он принадлежал зажиточному борисоглебскому крестьянину Сычеву, и в той части, где жили впоследствии Васильевы, у Сычева была кухня, что в некотором смысле тоже символично.

Личность Константина Васильева, его широкая эрудиция, глубина ума и логика исследователя, богатое поэтическое воображение, острога, свежесть и оригинальность взгляда на вещи известны всем, кто знал его как человека, как поэта и критика и как специалиста-орнитолога. А кому интересно познакомиться с его стихами, статьями, перечнем книг из личной биографии, приглашаем посетить музей. Вот что писал Константин Васильев о современной поэзии (запись сделана в сентябре 1983 года):

«... Бесспорно, поэзия выражает свое время, свою жизнь. Она этим и современна, но ведь времена проходят, жизнь меняется, а поэзия остается! Это потому, что она выражает не только свое, но и всякое время, не только свою, но и всякую жизнь. Да и конкретные приметы времени, действительности выражаются не явно, а подспудно, тайно. На то она и поэзия – чтобы не быть примитивной, прямолинейной. Само слово – то, какое – поэзия! Не забываем ли мы это слово, когда пишем свои «современные» стишки? Нельзя быть поэтом, не ставя постоянно перед собой высочайших, непомерно сложных задач. Не просто писать стихи, а создавать поэзию – вот эти задачи. В любом стихотворении. Иначе писать незачем. Другое дело, что эти задачи – редко осуществляются. Но если ставились, если делались попытки осуществления – и то ладно.

Не нужны мне такие стихи, читая которые не видишь и тени этих высших побуждений писать. А только изображая действительность, - чего достигнешь?»

Личный архив поэта и критика Константина Васильева находятся на государственном хранении в областном архиве и составляют более 13,5 тысяч условных листов, в том числе рукописи, машинописный текст, записные книжки, газетные публикации, переписка, фотографии и некоторые документы. В личном архиве поэта обнаружены литературные дневники (10 общих тетрадей, более 900 листов) за период с 1980 по 1995 годы, которые содержат размышления о поэзии и поэтах, о поэтической судьбе, полемические и критические заметки, оригинальные эссе, разбор и анализ творческого процесса. Эти дневники ждут своего издателя, после чего также будут переданы на государственное хранение.

Пока еще рассказывать о творчестве Константина Васильева очень непросто. Ждем, верим и надеемся, что литературоведы, филологи, критики возьмут на себя труд и смелость и помогут донести до широкого круга читателей и любителей поэзии «несомненность и обаяние дара» поэта уже сейчас, не ссылаясь на время и расстояние, с которого будет видно его лицо. Слова о несомненности и обаянии дара принадлежит профессору Евгению Анатольевичу Ермолину, заведующему кафедрой культурологии Ярославского педагогического университета, который на протяжении всего творческого пути Васильева отзывался о нем в высшей степени хорошо. В частности, в статье «Родом с неба» (газета «Северный край» от 25.07.1997 года) он написал: «Таких поэтов Ярославская земля еще не дарила миру».

Что касается темы сегодняшних чтений, то можно сказать, что и лирика Лермонтова, и его проза нашли отражение и в судьбе и в творчестве Константина Васильева. Читаем в его дневнике (запись 1982 года): «В 1975 году я уже начал понемногу интересоваться поэзией – страшно полюбил поэзию Лермонтова». А когда в июле 1976 года группа студентов Ярославского педагогического института, в том числе и Константин Васильев, едет в Болгарию, Именно там он встречает свою первую любовь, болгарскую девушку – студентку филологического факультета Тырновского университета. Вне всякого сомнения, они говорят и о литературе, и о поэзии. Он рассказывает ей о Лермонтове, она – о классике болгарской поэзии Пейо Яворове. Этим объясняется то, что в день разлуки Константин получил в подарок кинжал. Прочитав стихотворение Лермонтова с таким же названием, в этом не приходится сомневаться:

Лилейная рука тебя мне поднесла
В знак памяти, в минуту расставанья,
И в первый раз не кровь вдоль по тебе текла,
Но светлая слеза – жемчужина страданья.

И черные глаза, остановясь на мне,
Исполнены таинственной печали,
Как сталь твоя при трепетном огне,
То вдруг тускнели, то сверкали.

Ты дан мне в спутники, любви залог немой,
И страннику в тебе пример не бесполезный:
Да, я не изменюсь и буду тверд душой,
Как ты, как ты, мой друг железный.

И Константин Васильев остался тверд душой. Он сумел преобразить земную любовь и поднять ее на недостижимую высоту – на уровень Вечности. Стихи, посвященные его Музе, его Идеалу, его Первой Любви встречаются почти в каждом его сборнике без указания адресата, а также среди неопубликованных стихотворений.

В качестве примера – стихотворение «Ностальгический сонет» из сборника «Ночная бабочка в огне»:

Из темноты, из плотной оболочки
той, под которой масса пустоты,
возникли музыкальные цветы –
из немоты, из мира мертвой точки.

Недолгой жизни славные денечки...
О, как воспоминания чисты!
Лежишь у моря на песочке ты,
песчинки вижу я на локоточке

твоим чистейшем – даже и сейчас,
когда уж нет на белом свете нас:
наружность та же – сущность изменилась...

Но пустота дозрела. Из нее
вновь Музыка живая в мир явилась,
и рвется сердце бедное мое.

Когда Васильев готовил первый сборник стихотворений в 1982 году, который так и не увидел свет, но машинописный текст подборки сохранен и находится сейчас в областном архиве, он включил туда и несколько стихотворений о Лермонтове. Одно так и называется «Лермонтов», а шесть следующих объединены в цикл и входят в раздел под названием «Навстречу песне»: «Мог долго жить Ахилл – не пожелал», «Роскошный Петербург. Аристократы», «Поэту затыкают рот свинцом», «Он стрелял в Маешку – то есть в друга», «Ты отказался стрелять...», «Грядущее. Кому-то это рай...». Некоторые из них печатались в районной газете.

2.

Роскошный Петербург.
Аристократы.
В Европу просвещенную окно!
Надменный свет...
Балы и маскарады.
Но даже в светском обществе –
темно!

Манеры, платья, речи –
безупречны,
и нравы –
добродетельны весьма...
Булгарины, Сенковские и Гречи...
В брильянтах –
дам сверкающие плечи,
и всюду – тьма!

Сиянье свеч... Звучание мазурки...
Блестящий свет!
И тьма обнажена.
Поэт спешит на Юг,
А в Петербурге
уж пуля для него припасена.

4.

Он стрелял в Маешку –
То есть в друга.
Он стрелял в Поэта.
Наповал.
Знал ли, на кого он поднял руку?
...Повторенье,
возвращенье звука.
Слышите ли вы? –
Дантес стрелял...

Повторенье.
Но –
и продолжение.
Вздрагивает
спущенный курок...
На весь мир
звучит стихотворенье –
Лермонтовский,
Пушкинский «Пророк»...

Кроме того, являясь большим знатоком мировой отечественной поэзии, Константин Васильев свободно пользовался цитатами, «аукался» с классиками, иногда даже специально выделяя цитаты кавычками, очевидно, рассчитывая на подготовленного, понимающего читателя. Так и строки из стихотворений Лермонтова – или видоизмененные, или в первоизданном виде встречаются в его стихах, эпитафиях к стихотворениям, в прозе и просто в разговоре. Например:

Лермонтов

Выхожу один я на дорогу...
Сквозь туман кремнистый путь
блестит.
Ночь тиха, пустыня внемлет Богу,
И звезда с звездой говорит.

Из Гете

Не пылит дорога,
Не дрожат листья...
Подожди немного,
Отдохнешь и ты.

И скучно и грустно...

Все это было бы смешно,
Когда бы не было так грустно.

Но чужд зато и небесам!..

На серебряные шпоры
Я в раздумии гляжу...
За тебя, скакун мой скорый,
За бока твои дрожу

Никто о мне не пожалеет

Белеет парус одинокий...

Васильев

Давно не выхожу я на дорогу,
А если выйду – тороплюсь назад.
Пустыня? – но она не внемлет Богу.
И звезды меж собой не говорят.
А путь кремнистый не выводит к миру...
И стал я сух, и холоден, и груб –
Не покидаю теплую квартиру,
И лишь в окошко вижу: срублен дуб!

На ветру дрожит листва
И пылит дорога...
Кто бы мне сказал слова:
«Отдохни немного»?

Спорить с вами и скучно и грустно,
Ибо слышать ваш лепет смешно.

Я чужд высоким небесам
И голосам земным не внемлю...

На серебряные талеры
Я в раздумии гляжу:
На глазах они растаяли,
Уподобляясь миражу.

Никто не пожалеет: «Бедный»...-
Ведь я не нужен никому...

И мой, вдали белея, парус
Стремится к бездне...

А он, мятежный, просит бури,
Как будто в бурях есть покой!

И вечность – левою рукой
Ломает то, что правой строит.
Как будто в бурях есть покой...
Но есть покой! Он бури – стоит!

И еще: «И Ишки Мятлева стихи», «Печально я гляжу на наше поколенье», «И звезда с звездою говорит», «Как презирают все его», «Поллюбит не скоро, зато не разлюбит уж даром», «Без руля и без ветрил» ... и т. д.

В дневнике Васильева 1983 года есть запись по этому поводу: «...И я не вижу никакой беды в том, что в чьих-то стихах аукнулись еще чьи-то стихи, - было бы свое слово сказано. Заимствование не есть несамостоятельность, если поэт выразил – используя чужой мотив – себя. /.../ Блок не боялся повторять других поэтов именно потому, что был самим собой, – был всегда. А слабые стихотворцы – боятся повторить, кого бы то ни было именно потому, что своего у них нет. И беда только в том, что критики наши не умеют отличать тех от других – поэтов от стихотворцев, продолжателей от подражателей. Свое не свое – им нет разницы, главное – «мотив чужой»! – но –

«кто-то где-то пишет песню
на чужой мотив...»
/Вл. Соколов./

По литературным дневникам Константина Васильева можно проследить, что его интерес к творчеству и личности Лермонтова не пропал с годами, а расширился и углубился. Приведу фрагменты содержания дневников на эту тему:

- ~ О Лермонтове. «Судить художника потомство не вправе».
- ~ О поэзии Лермонтова. «Лермонтов – предтеча Бодлера и русских символистов, Лермонтов – великая одинокая фигура в русской поэзии».
- ~ О книге Эммы Герштейн «Судьба Лермонтова» и «хрестоматийном глянце».
- ~ О славе одного произведения: Лермонтов «Смерть поэта» и Блок «Двенадцать», о современности и уникальности их.
- ~ О Бодлере и Лермонтове.
- ~ Лермонтов, Блок, Гумилев.
- ~ Человек и Космос в русской поэзии – это прежде всего Лермонтов и Гумилев.
- ~ Лишние люди в мире Печорина и т. д.

В личном архиве Константина Васильева имеются две папки, в которых подшито более 160 рукописных листов о творчестве Лермонтова, кроме того есть и газетные публикации.

В 1989 году с Константином Васильевым знакомится Олег Пантелеймонович Попов, известный лермонтовед, который, прочитав в газете его стихи, пригласил поэта в гости. С тех пор Олег Пантелеймонович переписывался с Константином Васильевым до своей смерти, т. е. до 2000 года. Письма Попова находятся на хранении в областном архиве, являясь частью личного архива Константина Васильева. А вот судьба писем Васильева к Попову неизвестна. Из автобиографии мы узнаем, что для дома-музея М. Ю. Лермонтова в Пятигорске им написано исследование о романе «Герой нашего времени», которое находится в названном музее. Есть письмо О. П. Попова от 12.08.1991 года, в котором это подтверждено: «... На днях отправил в Пятигорск Ваше эссе. Перед этим еще раз перечитал – спокойно, не торопясь, и (поверьте, я не умел говорить комплименты даже в былые годы девушкам) было немного жаль отправлять. В этом отношении я бываю жадным, неохотно отдаю то, что мне нравится, хотя и отдаю...»

Позднее, заведую отделом критики в литературной газете «Очарованный странник» Васильев опубликовал три эссе о Лермонтове, которые собирался включить в «Книгу литературно-критических эссе», а именно:

- ~ «Лермонтов – мучитель наш»,
- ~ «Герой нашего времени»,

«Бросьте жребий, доктор...»

Пока творчество Константина Васильева недоступно для широкого круга читателей: нет сборника «Избранное», не изданы литературные дневники, не издана книга литературно-критических эссе, а литературная газета «Очарованный странник» лет шесть назад прекратила свое существование. Познакомиться с творчеством Константина Васильева и других талантливых поэтов и писателей можно по отдельным публикациям в вышеназванной газете прежних лет, подшивка которой имеется в нашем музее. Кроме того, в поэтическом альманахе «Ярославская лира», составителем которого был Константин Васильев, представлены 15 поэтов из Ярославля, Рыбинска, Гаврилов-Яма и Борисоглеба. Этот сборник, выпущенный в 1997 году тиражом 1000 экземпляров, все еще продается по баснословно низкой цене. В конце сборника помещено «Эссе о Сальери» Константина Васильева под псевдонимом – Василий Чибисов. В выпуске № 7/14/ за 1994 год газеты «Очарованный странник» было опубликовано эссе Константина Васильева «Лермонтов – мучитель наш...». Заглавием взяты строки из стихотворения Мандельштама «Дайте Тютчеву стрекозу»:

А еще над нами волен
Лермонтов, мучитель наш.

О. П. Попов отмечает, что «для независимого Мандельштама это признание очень существенно». В своем эссе Константин Васильев не раскрывает нам смысл этих строк, потому что в них тайна – тайна Лермонтова. Он только делает предположение о прерванной миссии «серебряного века», в результате осуществления которой и возможно было бы постичь судьбу двух великих поэтов – Пушкина и Лермонтова. Но, как пишет Васильев: «Серебряный век был уничтожен насильственно, да и какой там «век»! Весь этот век короче лермонтовской жизни... Словом, «век», пытавшийся постичь судьбу наших поэтов – разделил их судьбу. И мы, не помышляющие пока ни о каком новом синтезе, у разбитого корыта вспоминаем: «Пушкину и в тюрьме было бы хорошо. Лермонтову и в раю было бы скверно» (Василий Розанов). Так. Два полюса русского и всемирного бытия, и между ними – в безвоздушном океане, без руля и без ветрил, мы – грешные. Но сквозь мутные наслоения сиюминутного ослепительно сияет Вечное. И в Вечном – «над нами волен Лермонтов – мучитель наш». Действительно – тайна. Но мы уже становимся способны испытать забытый трепет перед таинственным... Значит ли это, что мы оживаем?»

Мы поспешили, то есть опоздали,
исполнить назначенье не смогли,
всю молодость на месте простояли,
опомнились – она уже вдали.

«Печально я гляжу на наше поколенье...»
Я постигаю этих горьких строк,
увы, непреходящее значенье
и поколению моему упрек.

Константин Васильев

**Вечный спутник.
Влияние Лермонтова на творческое становление нашего
современника – поэта Константина Васильева.**

*Васильев Илья Геннадьевич,
член комиссии по литературному наследию К. Васильева*

Это произошло где-то в 1976 году. Я зашёл в общежитие к брату. А он как-то странно, очень смущаясь, подаёт мне небольшую газету. Я спрашиваю: «Что это?» А он отвечает: «Вот, брат, это мои стихи». Я, не веря своим ушам и глазам, совершенно ошеломлён таким поворотом дела, настолько, что несу какой-то бред. Снова и снова переспрашивал Костю, чьи это стихи он опубликовал? А он, всё больше смущаясь, пряча глаза, терпеливо объясняет мне, что стихи написал он, и это – первая его публикация в районной борисоглебской газете «Новое время».

Я наконец-то немного прихожу в себя от первого потрясения (шутка ли: стихи моего брата напечатали в газете!). Ну, допустим, к научным работам по орнитологии мы все, родные и друзья, давно привыкли. Были заметки о футболе. Но ещё и стихи – это уже слишком. Мой разум отказывается это принимать: уж не сплю ли я? Я ёрзаю на стуле, верчу растерянно головой, трогаю себя руками – нет, не сплю. А мой взгляд снова и снова скользит по газете, находит небольшой столбик стихов, и под ним знакомую фамилию – Константин Васильев.

Да, всё так и есть, всё наяву. И, уже окончательно придя в себя, настолько, чтобы сказать что-то более осмысленное, я задаю вопрос, более похожий на вопль: «Как же это могло случиться, почему я ничего не знал о стихах?» На что брат спокойно и с удовлетворением отвечает, что об этом вообще никто не знает, это его тайна. Он, оказывается, давно пишет стихи, но сейчас, после этой публикации, уже нет смысла таиться, тем более, что и сам Костя уверен, что эта его первая публикация – далеко не последняя.

Брат садится напротив меня и начинает рассказывать о своей большой и тайной любви, любви к поэзии, и о том, что его любимый поэт, его кумир – Михаил Юрьевич Лермонтов. Брат, всё более и более воодушевляясь, вскакивает со стула и продолжает свой пламенный рассказ, мечась по комнате и не находя себе места. Глаза его горят неистовым огнём, подобно глазам проповедывающего, безумного монаха, или митингующего революционера. Щёки пламенеют, он жестикулирует, а мне кажется, что в руках его острый клинок, и он пытается то кого-то защитить, то поразить невидимого врага.

Так оно и есть: брат рассказывает о судьбе Лермонтова. Это его он пытается защитить. Он говорит о жизни поэта, о его величии. Рассказывает о том, что Лермонтова до сих пор неправильно преподают в наших школах. Брат говорит долго и интересно, я ловлю каждое его слово, но в моём воспалённом мозгу, как молот по наковальне, стучит одна и та же мысль: мой брат – поэт!

Я возвращаюсь домой и первое, что я делаю – это нахожу сборник стихотворений Лермонтова и зачитываюсь им до поздней ночи. А утром, не ощущая усталости после бессонной ночи, я, счастливый и восторженный, еду на работу. И трепетной рукой прижимаю к сердцу маленькую книжечку с потрёпанными корками – сборник стихотворений Михаила Юрьевича Лермонтова. Так уж получилось, что эта книга стала моей первой, после школьной скамьи, сознательно и с любовью прочитанной. Первой, открывшей для меня новые горизонты в необъятном океане литературы. И какое счастье, что этой первой книгой оказался вот этот томик Лермонтова, мой верный друг и спутник жизни.

Спасибо тебе, брат, жизнь моя стала богаче и ярче, заиграла новыми гранями бытия. Ты ввёл меня в Мир Поэзии!

4-е Лермонтовские чтения «Страницы прошлого читая»

Последний из Лермонтовых в Ярославле

*Недорезов Борис Николаевич,
историк-краевед*

С именем великого поэта М. Ю. Лермонтова связаны многие места в нашей стране. Каждому городу было бы лестно подчеркнуть, что и по их улицам бродил великий поэт. Но таких мест и городов наберется совсем немного. Совершенно нет сведений, бывал ли он у нас в Ярославле. Кто-то может задать вопрос: «А с какой стати?» А статья-то как будто бы и есть.

Дело в том, что фамилия Лермонтовых известна в Костромской губернии. И не столько сама фамилия, а родственные отношения ее членов с самим поэтом. Лермонтовы имели там несколько имений. И практически, Михаил Юрьевич мог хотя бы раз посетить родственников. А так как дорога из Костромы в Москву идет через Ярославль, то на какой-то час или два поэт мог остановиться и в нашем городе при смене лошадей. Но это лишь фантазии автора этих записок.

И все же маленькие основания так думать есть. В наше время в печати появляются сведения о потомках Лермонтовых, имевших то или иное касательство к Ярославлю. Речь идет о двух из них: гражданском инженере Николае Юрьевиче и его сыне Петре Николаевиче Лермонтовых. Николай Юрьевич родился, видимо, во второй половине XIX века. В молодости служил штаб-ротмистром Сумского гусарского полка. Уйдя в отставку, он стал гражданским инженером. В 1818 году ярославский архитектор П. Я. Паньков построил в нашем городе Гостиный двор, который состоял из трех одноэтажных корпусов. Каждый из них со всех сторон окружала колоннада. В XIX веке ярославские власти решили увеличить площадь Гостиного двора. Это было возможно только с западной стороны, по современной нам Комсомольской улице, за счет ликвидации галереи 1-го корпуса и ее колоннады. Осталось неизвестным, как городская управа вышла на инженера Н. Ю. Лермонтова, который, видимо, жил в Костромской губернии. Возможно, узнав о предполагаемой перестройке Гостиного двора в Ярославле, он сам предложил свои услуги. Его проект даже в наше время не вызывает ни у кого никаких нареканий. А они могли быть, ибо к классическому зданию Гостиного двора он пристроил большое двухэтажное здание, выдержав его в стиле модерн, модном и популярном в те годы. Вероятно, в это время были расширены и подвалы, так как тротуар вдоль пристройки сделали насыпным, подняв его на высоту почти одного метра над проезжей частью улицы. Сейчас мы этого не видим, ибо в 1939 - 1940-х годах насыпь сняли.

Интересно сложилась жизнь сына Н. Ю. Лермонтова Петра Николаевича. О ней он рассказывал в начале 1975 года посетившему его литератору Л. Карахану. И, видимо, не случайно в этой беседе Петр Николаевич назвал себя последним из Лермонтовых. Он прошел три войны, но чаще всего вспоминал Великую Отечественную. В 1941 году он защищал Москву. Авиационный полк, где Лермонтов служил начальником штаба полка, располагался на Бородинском поле. А его командный пункт находился рядом с редутом Раевского (бывшее военное укрепление в сражении с Наполеоном в 1812 году). У Петра Николаевича были интересные встречи с известными в нашей стране людьми. Память о них он хранил в фотографиях. Так, его посетители, вглядываясь в фотографию, лежащую перед Петром Николаевичем, узнавали знаменитого советского маршала М. Н. Тухачевского. «Да, это Миша, мы вместе учились в 1-м кадетском корпусе, а так как он был немного старше, встречались в музыкальном классе». Тухачевский играл на скрипке, а Петр Николаевич на кларнете. Вместе с ними в 1-м кадетском корпусе учился Владимир Алексеевич Казачков. Когда в 1962 году открылся музей - панорама Бородинской битвы, потомки героев Бородина составили совет потомков при панораме. Предстояла большая работа по розыску еще не известных фамилий. Казачков взял на себя эту функцию и в результате стал обладателем целого «потомковедческого» архива. В результате поиска выяснилось, что Петр Николаевич не только родственник великого поэта, написавшего «Бородино», но и правнук мичмана Лермонтова - героя

Бородин, который с группой саперов взорвал мост, отрезав полк французов от основных сил. Военную службу мичман закончил адмиралом.

С удовольствием вспоминал Петр Николаевич и о встрече с женщиной, портрет которой висел на стене его квартиры около 60 лет. Это была звезда немого кино начала XX века Вера Холодная. С ней он встретился и познакомился в Ярославле в 1918 году. Это было в июне, как раз накануне трагических июльских событий антибольшевистского восстания в Ярославле. Она шла по бульвару. Петр Николаевич, тогда еще 22-летний молодой человек, только что вернувшийся со своей первой войны (1-я мировая), сразу узнал ее и остолбенело замер. Он смотрел на нее так, что звезда улыбнулась в ответ. Память об этой короткой встрече Петр Николаевич сохранил на всю жизнь.

Публикуется по газете «Городские новости» (30 апреля 2003 года).

Ярославец – лауреат премии Лермонтова

*Кемоклидзе Герберт Васильевич,
Ярославская организация Союза писателей России*

Когда прежде у нас в стране объявлялся патриотический литературный конкурс к очередному юбилею Победы, кому из идеологических смотрителей пришло бы в голову присваивать ему имя Лермонтова? Рассуждали: да, великий поэт, конечно, классик, вот и «Бородино» написал, но жил-то в девятнадцатом веке, а у главной военной Победы двадцатого были свои певцы, со звездочками на погонах.

Но с ростом общественного понимания истории России как последовательного, хоть и не прямого движения по предназначенному пути, Победа в Великой Отечественной стала видеться не как результат мифического преимущества одного строя над другим, а в связи с давними победами. Такое осознание было подготовлено, в том числе, и великой литературой, где сверкает имя Лермонтова – поэта и патриота. Именно поэтому Всероссийский поэтический конкурс, посвященный 60-летию Победы в Великой Отечественной, был освящен именем Лермонтова.

Многие поэты приняли участие в конкурсе, но только лучшие из них стали его лауреатами, и среди них - Вячеслав Рымашевский – наш, ярославец.

Вячеслав Вацлавович – заметен в ярославской культуре. Он внес вклад и в музейное, и в издательское дело, и в литературоведение. Но в первую очередь – он поэт. И тема войны как высшего напряжения человеческих, народных сил известна ему не из книжек и кинофильмов. Он прошел войну от первого до последнего ее дня, через тяготы и лишения – к Победе.

Лично для меня Вячеслав Рымашевский и есть воплощение того, каким должен быть победивший народ. Он бесконечно добр и отзывчив, но строг, требователен и непреклонен, когда дело касается принципов, когда нужно отстаивать культуру, судьбу и литературу. Одна из книг Вячеслава Рымашевского называется «С открытым забралом». Значимое название, когда на экранах и в жизни то и дело видишь маски. Как тут не вспомнить лермонтовский «Маскарад»?

Жюри конкурса не ошиблось, присвоив Вячеславу Рымашевскому звание лауреата конкурса имени Лермонтова.

5-е Лермонтовские чтения «Я жил века...»

«Луч света». Маргарита Михайловна Уманская

*Ваняшова Маргарита Георгиевна,
профессор, доктор филологических наук, академик РАН,
зав. кафедрой литературы и искусствоведения
Ярославского театрального института*

Маргарита Михайловна Уманская, ученый-филолог, заведующая кафедрой литературы Ярославского государственного педагогического института имени К. Д. Ушинского в 60-70-е годы. Уманская приехала в Ярославль из Саратова по приглашению руководства вуза.

Судьба Маргариты Михайловны была сложной, трудной, во многом трагической. Она родилась 17 ноября 1913 года. Ее мать Мария Николаевна Архангельская происходила из семьи священников. Отец – Федор Карлович Дотцауэр – из обрусевших немцев, и в графе национальность значилось – «немка». Это определило судьбу дочери. Ей было отказано в приеме на филологический факультет университета. Она поступила в Лесотехническую академию, но вскоре оставила ее, и убедила университетскую комиссию в не случайности выбора. Талантливая ученица выдающегося ученого-литературоведа, профессора Александра Павловича Скафтымова, под руководством которого М. М. Уманская защитила кандидатскую диссертацию, высокая собеседница У. Фохта, Ю. Оксмана, Г. Гуковского, она окончила докторантуру под руководством Д. Д. Благого, и посвятила свои исследования русской литературе и культуре, наследию М. Ю. Лермонтова, А. Н. Островского, Л. Н. Толстого.

Студенты Ярославского пединститута были мгновенно покорены обаянием и фундаментальными знаниями нового педагога. Маргариту Михайловну Уманскую называли «лучом света». Она входила в аудиторию, объявляла тему лекции, студенты ждали и жаждали стихов, которые она умела читать артистически сильно и эмоционально. Русские классики – Пушкин, Лермонтов, поэты пушкинской плеяды – Вяземский, Баратынский, поэт-декабрист Рылеев оживали в ее исполнении. Главы «Евгения Онегина» она читала с упоением, и упоение пушкинской мелодией, мелодией любви передавалось ученикам. Областью интересов Маргариты Михайловны было творчество Михаила Юрьевича Лермонтова. Жизнь Поэта, его наследие становятся частью судьбы Маргариты Михайловны.

Кафедра, которую она возглавляет – одна из самых сильных среди тогдашних литературных кафедр. Самоотверженность, искренняя преданность любимым занятиям, глубокое ощущение своего призвания характеризует ее как руководителя кафедры. Она возглавила кафедру в начале 60-х годов, вместе с ней работали замечательные педагоги Н. Г. Зеленев, М. Л. Сурпин, А. А. Семенов, М. Н. Прозоров, Г. П. Верховский, благодаря которым ярославская кафедра русской литературы стала широко известна. Кафедра для Маргариты Михайловны – совершенно особый мир. Ее коллеги читали лекции и самозабвенно занимались наукой, но это был многосторонний и сложный мир человеческих отношений. Уманская обладала счастливым свойством объединять людей на добрые дела.

Научная активность М. М. Уманской поражает. Она не только умела жить в ногу со временем – верный признак молодости души, но значительно опережала время, чему свидетельством основной труд ее жизни, книга «Проблемы романтизма в творчестве М. Ю. Лермонтова». С любовью и энтузиазмом Маргарита Михайловна воспитывала младшее поколение филологов. Маргариту Михайловну как преподавателя отличал глубокий профессионализм, в ее лекторской манере жило искреннее воодушевление, которое заражало слушателей, пробуждало в них работу мысли, зарождало подлинный интерес к литературе и культуре. Она учила воспринимать богатство и

разнообразие мира, восхищаться сложностью и многогранностью культуры, испытывать радость познания.

Маргариту Михайловну следует назвать талантливым организатором научной деятельности. Она явилась инициатором проведения в институте ряда научных конференций «Проблемы изучения русской литературы». О высоком уровне проведенных конференций свидетельствовал состав ученых, чьи имена были широко известны и признаны в мире: В. Мануйлов, И. Груздев, И. Соллертинский, Б. Удодов, В. Гура, Л. Вольпе. Ее завет – любить окружающий мир, восхищаться его красотой и приближать его к гармоническому совершенству.

Дочь Маргариты Михайловны – *Людмила Александровна Скафтымова*, профессор Петербургской консерватории, доктор искусствоведения не столь давно стала гостем Центральной библиотеки имени М.Ю. Лермонтова в Ярославле, приняла участие в Лермонтовских чтениях 2004 года, а также в вечере, посвященном памяти ее матери.

6-е Лермонтовские чтения «Его отчизна в небесах»

Главный хранитель

*Коваленко Александра Ивановна,
заведующая мемориальным отделом
Государственного музея-заповедника М. Ю. Лермонтова в Пятигорске*

Когда-то писатель Лев Николаевич Толстой сравнил людей с реками. Одни – шумные, бурные, другие – величаво спокойные в своей мощи. Есть и небольшие ручьи, изо дня в день журчащие по камням. Иногда досадно бывает: то берег у речки обрывист, то на другую ее сторону перебраться трудно, а то еще чем-нибудь мешает водный поток. Но вот пересохнет ручей, обнажится его дно. Глядишь – чего-то и не хватает, да и большая река, куда стремились его воды, оказывается, меньше стала. И вдруг начинаешь понимать великую значимость малого ручья...

Вспоминая Сергея Ивановича Недумова, главного хранителя фондов музея «Домик Лермонтова», невольно сравниваешь его с таким речным потоком. Недумова уже давно нет, а музейные работники до сих пор называют его по имени-отчеству: «У Сергея Ивановича написано так-то», «этот документ обнаружил Сергей Иванович...». Хоть и не осталось уже в музее людей, которые с ним когда-то работали. Но кто бы ни обращался к теме «Лермонтовский Пятигорск», не обходится без трудов главного хранителя. Да и в других областях лермонтоведения и краеведения Сергеем Ивановичем сделано немало...

Он родился 21 марта 1884 года в Ростове Ярославской губернии в семье учителя русского языка. Отцу хватало средств на то, чтобы его сын получил образование в Варшавской гимназии, а в конце 1907 года окончил экономический курс Петербургского политехнического института, по финансово-экономическому отделению. Десять лет проработал Сергей Иванович делопроизводителем в Петербурге, в департаменте Государственного казначейства и канцелярии Государственного контроля. Пенза, Тамбов, Ставрополь – вот те города, куда бросала его судьба после революции. Как отмечено в его личном деле «с 1 сентября 1918 года, в той же должности работал в отделе личного состава народного комиссариата рабоче-крестьянской инспекции и с 7 декабря того же года инструктором». [ГАСК, ф. Р-1131, оп.1, л.х. 497а л.4 об.] В юго-восточном управлении шоссейных и грунтовых дорог он служил контролером. В 1922 году Недумов окончательно поселился в Пятигорске. Он поступил на службу в Управление Кавказских Минеральных Вод, где 22 июля 1922 года был назначен на должность делопроизводителя, а в декабре заведующим подотделом личного состава Управления. По совместительству с 31 декабря стал работать и секретарем штатной комиссии. [Там же, л.6]

Дальнейшие семнадцать лет его жизни протекли за канцелярским столом счетного работника Пятигорского курорта. И неизвестно, как сложилась бы дальнейшая судьба Сергея Ивановича, если бы не направили его на короткий срок заведовать архивом бывшего Управления Кавказских Минеральных Вод. Произошло это в августе 1923 года, а через год он был перемещен на вакантную должность архивариуса. [Там же, л.7] Вдруг неожиданно перед прекрасно образованным, глубоко эрудированным человеком, прежде тянувшим унылую лямку бухгалтера, открылся новый мир. Несколько лет новой удивительной жизни прошли среди старинных пожелтевших рукописей. Они рассказывали их исследователю о давно ушедших людях — имена некоторых были вовсе ему незнакомы, о прежней жизни курортных городов. С совершенно другой стороны открылся М. Ю. Лермонтов и его последние дни в Пятигорске.

Скучная бухгалтерская жизнь закончилась 20 ноября 1939 года, когда на стол директора музея «Домик Лермонтова» легло заявление Недумова: «Прошу предоставить мне работу по обследованию архивных материалов времени Лермонтова. В течение трех лет я заведовал архивом б. Управления Кавминвод и хорошо знаком с литературой о Лермонтове». Так в «Домике Лермонтова» появился новый консультант-литературовед.

Была еще одна причина появления Сергея Ивановича в музее «Домик Лермонтова». Его директор Елизавета Ивановна Яковкина была с ним хорошо знакома: в начале 20-х годов они были коллегами - одновременно работали в Управлении Кавказских Минеральных Вод. Яковкина знала, кого она пригласила в музей на должность научного сотрудника.

Только человек, любящий свое дело, может за короткий срок буквально горы своротить. Сергей Иванович любил людей, поэзию Лермонтова и за последующие полтора года подтвердил это. Обладая огромными и разносторонними знаниями, исключительной работоспособностью и умением организовать свой труд (в этом, очевидно, сказался многолетний опыт бухгалтерской профессии), он произвел научную обработку всех экспонатов музея. Ознакомившись с фондами центральной городской библиотеки, нашел здесь свыше ста книг с материалами о Лермонтове, которые затем передали в музей. И в это же время в краевом архиве Сергей Иванович обнаружил документы, позволившие точно установить время пребывания поэта на Кавминводах в разные годы, нашел материал о лицах из окружения Лермонтова и истории Пятигорска и Кисловодска. В одном из номеров газеты «Орджоникидзевская правда» за 1940 год были опубликованы сенсационные сведения о находке Недумовым первой лермонтовской публикации. В журнале «Атеней» за 1830 год он обнаружил юношеское стихотворение поэта «Весна». До этого времени первым произведением Лермонтова, появившимся в печати, считалась поэма «Хаджи-Абрек», с которой читатели ознакомились в 1835 году.

В его дальнейшей музейной работе большое значение имели знания четырех иностранных языков: английского, французского, греческого, латыни. Это позволило Недумову переводить авторов, не публиковавшихся на русском языке.

В 1941 году в нашем городе готовились отметить столетие со дня гибели Лермонтова. Приводили в порядок лермонтовские места. Именно архивные находки музейного консультанта-литературоведа позволили провести реставрацию беседки «Эолова арфа» и составить план воссоздания прежнего облика пятигорской Ресторации. Да и по сей день недумовские открытия позволяют реставрировать памятники старины в Пятигорске и Кисловодске.

Это Сергей Иванович восстановил в музее порядок, заведенный еще в 1915 году его попечителем Д. М. Павловым. Ни одно сообщение о каких бы то ни было материалах, имеющих отношение к Лермонтову, не оставлять без того, чтобы не обратиться к владельцам с просьбой прислать с них хотя бы фотокопии. Так музей пополнился значительным количеством экспонатов.

Изучая архив бывшего Управления Кавказских Минеральных Вод, Недумов сделал многочисленные копии с различных документов. Ценность такого труда огромна уже потому, что архив сгорел во время Великой Отечественной войны. И теперь ряд документов сохранился лишь благодаря записям в старых пожелтевших тетрадках Недумова.

В музее у Сергея Ивановича произошла еще одна встреча. Чуть раньше него по приглашению Яковкиной пришел работать молодой человек, подававший большие надежды – Олег Попов. Несмотря на большую разницу в возрасте и те трудности, которые выпали затем на долю каждого из них, они оставались друзьями до последних дней жизни Недумова. Это подтверждают теплые, участливые письма Сергея Ивановича к О. П. Попову, к счастью сохранившиеся.

Началась война... В октябре 1941 года штаты музея сократили, Недумова уволили. Материально им с женой было очень трудно. И все же во время оккупации Пятигорска он ни одного дня не работал на немцев. Морально было тоже тяжело: единственный сын Анатолий, студент четвертого курса Ленинградского института советской торговли, в первые дни войны ушел воевать. С апреля 1942 года о сыне не было никаких сведений. Лишь по окончании войны стало известно о его гибели...

В первые же дни после освобождения Пятигорска в январе 1943 года Сергей Иванович вновь вернулся в музей, хотя и пришлось несколько месяцев работать бесплатно. В материальном отношении было по-прежнему тяжело. В архиве директора «Домика Лермонтова» Е.И. Яковкиной хранится черновик письма, в котором она рассказывала своему адресату о посещении музея Климентиной Черчилль, председателем британского комитета «Фонд помощи России» в 1945 году. Ожидая знатную гостью, сотрудники вышли ее встречать, все, кроме Недумова: он стеснялся своей обуви и одежды...

Мог бы Сергей Иванович устроиться лучше? Наверное, да. Ведь он был профессиональным бухгалтером. Но музей наш имеет, наверное, какую-то необъяснимую притягательную силу, что заставляет его работников не ставить на первое место материальные блага, а двигаться к более высоким, духовным и нравственным целям. Да и сам Сергей Иванович был уже заражен вирусом поиска неизвестного. Тбилиси, Нальчик, Ленинград, Ставрополь — архивы, хранящиеся в этих городах, были изучены самым тщательным образом.

В первом из сохранившихся писем к Олегу Пантелеймоновичу Попову, в июле 1956 года Недумов дает своему младшему другу краткий отчет о своей работе: «Грустно, что за последние пять лет научная работа у нас по разным причинам отодвинута на задний план, а для меня она всегда представляла наибольший интерес, и до 1952 года я более или менее успешно продолжал начатые при Вас архивные изыскания. Помимо Кавказских архивов в Ставрополе и Тбилиси, я побывал почти во всех Московских хранилищах и в 1951 году закончил Ленинградским Историческим архивом в бывшем доме Лавалея, где у Лермонтова произошло столкновение с Барантом. Больше всего достижений у меня по окружению поэта, но и о нем самом мне удалось найти некоторые сведения из времен его раннего детства, пребывании в юнкерской школе и последнего периода его жизни». [ГМЗЛ, фонд О. П. Попова]

Несколько лет назад у нас появилась необходимость уточнить выходные данные документов, изученных Сергеем Ивановичем в Ставрополе, так как там изменилась нумерация документов. Когда письменный стол исследователя заполнился ворохами объемистых рукописных архивных дел, стало понятно, сколь гигантский труд проделал когда-то Недумов. Среди многих тысяч исписанных разными трудночитаемыми почерками документов он находил единственный, нужный ему. Сколько было исследовано таких дел – сказать сейчас невозможно.

С 1945 года шестнадцать лет Сергей Иванович проработал главным хранителем фондов музея. Знакомы с ним были многие исследователи. Он не хранил в тайне свои находки. В книгах И. Андроникова «Лермонтов в Грузии в 1837 году» и Б. Штейнпресса «Алябьев в изгнании» можно прочесть слова теплой признательности авторов за полученные ими от Недумова ценные сведения. Фактически наставником Сергей Иванович стал и для наших краеведов супругов Польских, подсказывая им темы и направления поисков. Много полезного почерпнула от него творческая группа, которая снимала в Пятигорске в 50-е годы кинофильм «Княжна Мери». В это же время газета «Пятигорская правда» постоянно публиковала интереснейшие очерки Недумова о старом городе лермонтовского времени. В музее хранится рукопись книги Недумова «Лермонтовский Пятигорск», куда вошли его многочисленные архивные находки. Он подготовил ее к печати, но читатели ознакомились с ней лишь спустя 11 лет после смерти автора.

Наверное, такова судьба скромных тружеников, да еще увлеченных любимым делом. Их подвижнический труд зачастую расценивается окружающими как само собой разумеющееся. А они не заявляют громко о своих открытиях, не требуют наград. Спокойно и тихо делают свое нужное, важное дело. И все-таки государство «оценило» труд Недумова, в 1957 году он был награжден... орденом? медалью? Нет, значком «За отличную работу» Министерства культуры СССР. Хотя позади было семьдесят три года жизни и десятки лет упорного труда поисков, интереснейших находок...

Музейная молодежь любила и уважала Сергея Ивановича, многие сотрудники обращались к нему за советом и консультацией. Но начальство относилось к нему с раздражением, хотя и вынуждено было иногда объявлять благодарности. Очень осторожные высказывания о том, что в музее мало занимаются научной работой, неслучайны. В 1951 году на посту директора Яковкину сменила А. И. Гребенкова, человек совсем другого плана, с которым у Недумова отношения не сложились. Л. Н. Польский рассказывал, как жаловался Сергей Иванович на притеснения со стороны директора, бывшего партийного работника, вероятно, так до конца и не понявшего, какую ценность имели труды С. И. Недумова.

Справедливости ради скажем, что заслуги директора музея А. И. Гребенковой перед «Домиком Лермонтова» огромны. Просто была, очевидно, психологическая несовместимость. Слишком разными они были людьми – Александра Ильинична и Сергей Иванович. Все больший и больший объем работы поручался Недумову. А ему так хотелось закончить книгу! Да и в фондах была уйма

работы: поступила сюда библиотека профессора Л.П. Семенова, и ее нужно было обработать. Кропотливого труда требовало описание музейных коллекций. Но ему вменили в обязанность принимать еще многочисленных посетителей в фондах, давать справки, консультации, проводить экскурсии. Это отнимало массу драгоценного времени. А когда от него потребовали заняться еще и реставрацией фондов, он написал директору письмо: «Ни о каких дальнейших нагрузках на меня при моем более чем почтенном возрасте говорить не приходится, и я охотно при первой возможности передам свою должность более молодому и работоспособному кандидату». [Архив ГМЗЛ]

21 января 1961 года Сергей Иванович освободил свой письменный стол для нового главного хранителя. Кстати, тем же годом датируется и его последнее, из известных нам, послание к О. П. Попову. Это открытка с изображением кабинета Лермонтова в «Домике» – новогоднее поздравление от 27 декабря 1961 года: «У меня с каждым днем все более сказывается мой более чем почтенный возраст, но я все-таки продолжаю в свободное время разбирать свою домашнюю библиотеку и пока не скучаю» (фонд О. П. Попова).

Не смог он жить без музея, без Лермонтова, до конца своих дней работал над рукописью книги. В 1963 году Недумова не стало. К счастью, труд Сергея Ивановича не пропал даром. Ценнейший его архив родственники передали в музей вместе с рукописью «Лермонтовского Пятигорска». И сюда же передали его библиотеку с уникальными изданиями. Мы сейчас не мыслим свою работу без архива С. И. Недумова. И о его книжном собрании тоже хочется немного рассказать.

Научная библиотека музея – особый раздел в музейных фондах. Когда в 1912 году Пятигорская городская дума выкупила бывшую усадьбу Чилаева у частного лица, сразу же было решено создать здесь Лермонтовскую общественную библиотеку. Но формироваться она начала лишь в 1915 году. Музей приобретал книги, их дарили, либо передавали необходимые издания из других библиотечных хранилищ.

После смерти Сергея Ивановича, по его завещанию родственники бывшего главного хранителя передали в музей 621 издание, которые составили особый, библиотечный фонд С. И. Недумова. И хотя это, на первый взгляд, небольшое собрание по количеству, но по качеству оно уникально. Сергей Иванович прекрасно знал, что он передает в музей. Благодаря его собранию библиотека пополнилась ценнейшими изданиями. Последние из них в книжной коллекции С. И. Недумова датируются 1962 годом. Это «Герой нашего времени», подготовленный к изданию Академией Наук СССР в серии «Литературные памятники» лермонтоведами Б. М. Эйхенбаумом и Э. Э. Найдичем (М., 1962) и «Рассказы литературоведа» Ираклия Андроникова.

Самая «древняя» книга датируется 1763 годом. Коллекцию обозначить по разделам: Лермонтовские издания, книги о Лермонтове, издания А. С. Пушкина, книги о Пушкине, книги о русской литературе – советские и дореволюционные, издания произведений русских писателей – Гоголь, Грибоедов и другие. Издания по истории КМВ (путеводители и др.), путеводители по разным городам, издания по музыковедению, издания по языковедению, издания по истории театра, издания по искусствоведению, издания на французском языке.

Библиотека формировалась, очевидно, на протяжении всей жизни Сергея Ивановича. Она дает представление о нем как о человеке интеллектуальном, широко образованном, имевшем разносторонние интересы: любовь не только к русской литературе, но и к музыке, театру, живописи.

Особо хочется остановиться на путеводителях. Каждый из нас, путешествуя по разным городам, стремится увезти с собой знания о тех местах, где побывал. Лучше всего сделать это, приобретя путеводитель. Так поступал и Недумов. География и даты этих изданий дают представление о том, где побывал Сергей Иванович. Москва, Ленинград – это не только архивы и встреча с родственниками – сестра жила в Ленинграде, а брат в Москве. Это еще и музеи, театры, концертные залы... Поистине, скажи, что ты читаешь, и я скажу, кто ты.

Книжная коллекция Недумова не растворилась в общей массе изданий, хранящихся в библиотеке музея-заповедника. На каждой его книжке стоит особый, овальный штамп: «Из собрания С. И. Недумова, переданного в дар музею «Домик Лермонтова».

В 1974 году музей издал работу С. И. Недумова «Лермонтовский Пятигорск». Она сразу же стала настольной книгой для тех, кто изучает старину, и давно уже является библиографической редкостью.

Когда-то старший научный сотрудник музея (ставший затем его директором) П. Е. Селегей опубликовал в «Кавказской здравнице» статью о С.И. Недумове и дал ей теплое название: «Наш Сергей Иванович». «Нашим» он является и для нынешнего поколения музейщиков Государственного музея-заповедника М. Ю. Лермонтова.

7-е Лермонтовские чтения

«Волшебным словом пробужденный»

Отражение поэзии Лермонтова в стихах Константина Васильева

*Кормилов Сергей Иванович,
доктор филологических наук,
профессор филологического факультета МГУ*

К. В. Васильев (1955—2001), орнитолог по образованию, живший преимущественно в поселке Борисоглебском Ростовского района Ярославской области, в своих стихах и эссе обнаруживал весьма неплохое знакомство с русской и мировой литературой. Отечественной поэзии он придавал огромное значение — не только культурное, но и общественное. Так, в эссе «Маргиналии. Заметки маргинала (конспект), или Трактат о злобе» он писал: «...Во мраке “застоя” мы перекликались именами Пушкина и Лермонтова, Блока и Есенина...».¹ Реминисценции из всех названных поэтов, особенно из двух первых классиков нашей литературы, встречаются в его стихах.

В миниатюре «Воспоминание» из сборника 1998 г. «Изыюминки в тексте» Лермонтов упоминается первым и оказывается единственным русским среди перечисленных зарубежных поэтов: «Меня поили Лермонтов, и Лорка, / и Байрон, и Бодлер, и Гёльдерлин — / когда, чтобы купить бутылку горькой, / я относил их книги в магазин» (С. 151). Это подано как шутка, но в названном эссе позиция «маргинала» обосновывается вполне серьезно: «Библиотекарша мне с удивлением говорила, что наиболее активные и эрудированные читатели — пьяницы. Что непьющие вообще в библиотеку ни ногой...» (С. 298). По Васильеву, «благополучные “хозяева жизни” не стиваются. Они пьют для удовольствия; пьют, чтобы “оттянуться”, “расслабиться”. Маргиналы пьют, чтобы пить» (С. 297). И в качестве аргумента — авторитетное мнение со стороны: «Ле Карре: “в этой стране не надо особых причин, чтобы пить. На трезвую голову невозможно вынести того, что творится вокруг”» (С. 298). Лермонтов-человек в этом смысле предшественником К. Васильева не был: если и пил много, то от вина не пьянел (Блок и Есенин — другое дело). Однако Лермонтову-поэту никак не в меньшей степени, чем нашему современнику, было «невозможно вынести того, что творится вокруг».

Лермонтовские реминисценции у К. Васильева бывают отчетливо выраженными (практически цитатами) и завуалированными; иногда допустимо только предполагать напоминание о Лермонтове. Бывает, что такие реминисценции сочетаются с пушкинскими. В «Избранном» 2003 г. первый случай подобного рода — стихотворение «Слова не западают в душу...» из сборника «Покров» (1994). Оно о том, что слова, уходя из души, замещаются пустотой. Финальная строфа: «И сам собой в пустую душу / тогда прольётся горний свет, / когда пройдут моря и сушу / слова, которых больше — нет» (С. 64). Отсылка к «Пророку» Пушкина («И, обходя моря и земли, / Глаголом жги <...>») бесспорна. Лермонтовский же «Пророк» является и продолжением, и опровержением пушкинского. В нем слова («глагол») Пророка оказываются потраченными впустую. Он теперь молчит, слов для людей у него «больше — нет». Н. Н. Пайков, не апеллируя к Васильеву, но используя использованный им вслед за Пушкиным эпитет «горний», характеризует Пророка Лермонтова как «не обретающего очевидных подтверждений торжества Божественной воли в актуальной реальности общественного бытия. Это выражение муки горнего посланника, Божьего пророка, не получившего от Господа благодати утверждения торжества Духа Святого <...>. Лирический герой Лермонтова <...> трагически угнетен мыслью, что только вне мира людей, только в гармонии природы (как непосредственного Божественного откровения) ему дано “рай постигнуть на земле и в небесах увидеть Бога”».² В жизни К. Васильев верующим человеком не был, «когда женщина, с которой у него был роман, решила обманом окрестить его», он «наотрез отказался креститься».³ Но в стихах Васильева Бог присутствует (как и в стихах Фета, считавшегося

убежденным атеистом⁴), а гармонию поэт находит, подобно Лермонтову, только в единении с природой, и, тоже как Лермонтов, далеко не всегда.

Первое абсолютно бесспорное обращение Васильева-поэта к Лермонтову — 9-е стихотворение венка сонетов «Земные сны», вошедшего в тот же сборник юбилейного лермонтовского 1994 г. «Покров». Земля и небо — один из самых устойчивых мотивов творчества великого романтика.⁵ В первом катрене, содержащем также реминисценцию из шекспировского «Гамлета» (произведения, весьма важного и для Лермонтова), Васильев опровергает противопоставление Земли и Неба (для Лермонтова снятие противоречия между земным и небесным за немногими исключениями — в тех же «Пророке» и «Когда волнуется желтеющая нива...», в «Выхожу один я на дорогу...») — остается недостижимым идеалом).⁶ «Земля и Небо связаны одною / заботой, и печаль у них одна — / чтоб наши не распались времена, / над бездной пролетая роковою». Второй катрен и первый терцет почти целиком основаны на варьировании образности известнейших стихотворений Лермонтова «Парус», «Выхожу один я на дорогу...», «Ангел»: «Да, в буре есть пристанище покою» (прямой ответ на лермонтовское «Как будто»). «Освобождаюсь от земного сна / и слышу: говорит звезда с звездой...» Сам ключевой мотив венка сонетов — «земные сны» — в этом контексте ассоциируется с буквально вечным сном, чем-то средним между жизнью и смертью, из стихотворения «Выхожу один я на дорогу...» Далее у Васильева: «Вот отчего такая тишина. / Так вот откуда я пришел на Землю!» У современного поэта его «звездное» происхождение — конечно, символ, но прямо перекликающийся с буквальной верой Лермонтова в то, что души людей до их земного воплощения в телах существуют на небе, приносятся оттуда ангелами и после смерти ими же уносятся обратно (эта вера отразилась не только в «Ангеле» и второй — 1837 г. — «Молитве», но и в поэмах «Демон», «<Азраил>», «Ангел смерти», «Беглец»). Окончание первого терцета у Васильева: «Вот почему я звездный свет приемлю, / вот почему судьбы не жду иной!» Лермонтов звезды не просто «приемлет», они для него всегда — воплощение всего высокого, чистого и прекрасного, а для Пророка они и доступны в отличие от людей, от общества: «И звезды слушают меня, / Лучами радостно играя».⁷ У Васильева в данном случае — более решительное, чем у его великого предшественника, приятие мира как единства, хотя «звезды» он только «приемлет», а не возвеличивает; в этом и сказывается его большее сближение небесного и земного, снятие их противопоставления. А слова «судьбы не жду иной!», видимо, связаны с лермонтовскими, хотя и более приземленными: «Уж не жду от жизни ничего я, / И не жаль мне прошлого ничуть <...>» (1, 331).

Последний терцет 9-го сонета венка напоминает не об известнейших, а о малоизвестном (что обычно Васильеву несвойственно) он писал все-таки не для филологов) стихотворении, раннего Лермонтова «Мой дом» (1830—1831): «Мой дом — Земля. Мой дом — сей свод небесный. / Мы все и с почвой, и с высокой бездной / судьбою — нитью связаны одной» (С. 79). Здесь К. Васильев идейно ближе всего к Лермонтову, поскольку «Мой дом» — «филос. медитация, не вполне обычная для его ранней лирики. Отзвуком филос. идей рус. и зап.-европ. просветителей (М. В. Ломоносов, Ж. Ж. Руссо) является мотив гармонии человека (поэта) и Вселенной («Мой дом везде, где есть небесный свод») и связанная с этим этич. концепция, сформулированная в 3-й строфе: «Есть чувство правды в сердце человека, / Святое вечности зерно: / Пространство без границ, течение века / Объемлет в краткий миг оно»), а также редкая в поэзии Л. светлая тональность. Все это далеко от той романтической традиции, к-рой обычно следовал юный Л. в разработке мотивов вечности и времени, земли и неба <...>» (ЛЭ, С. 283). Впрочем, как раз этической концепции в «космическом» цикле Васильева нет. Концовка 9-го сонета более или менее соотносится на с 3-й, а со 2-й строфой необычного лермонтовского стихотворения о символическом доме: «До самых звезд он кровлей достигает / И от одной стены к другой / Далекий путь, который измеряет / Жилец не взором, а душой» (1, 193). В целом же «Земные сны» гораздо менее оптимистичны, чем «Мой дом». Например, в 13-м сонете («Когда умру — тогда глаза открою...») сказано с отсылкой к трагедии Кальдерона: «Да, Жизнь есть Сон. Сбылись земные сны, / довольно сердце тешилось игрою» (С. 81).

Стихотворение из двух четверостиший «Давно не выхожу я на дорогу...» из сборника 1995 г. «Ночная бабочка в огне» всё построено на полемике со столь важным для К. Васильева «умиротворенным» стихотворением русского классика: «Давно не выхожу я на дорогу, / а если

выйду — тороплюсь назад. / Пустыня? — но она не внемлет Богу. / И звёзды меж собой не говорят. // А путь кремнистый — не выводит к Миру... / И стал я сух, и холоден, и груб — / не покидаю теплую квартиру, / и лишь в окошко вижу: срублен дуб» (С. 86). По сравнению с высокопоэтичным стилем лермонтовского шедевра стиль у Васильева подчеркнута снижен, не исключена даже ассоциация с комическим перепевом пушкинских образов в песне В. Высоцкого (упоминаемого в эссе о «маргиналах» — С. 298) «Лукоморье»: «Порубили все дубы на гробы».⁸ Но, очевидно, присутствуют и гораздо более далекие и глубокие ассоциации. У Лермонтова дуб не обычный, а фантастический, вечнозеленый, что отражает заведомо несбыточную мечту поэта о преодолении земного разрушения и смерти.⁹ «Тема песни <...> связывается с тем особым лермонтовским Эдемом, к которому он присвоил имя “отрады”, с идеальной полнотой бытия, недостижимой в земных борениях, однако включающей в себя музыкально преображенные земные ценности (цветенье природы, женскую любовь). “Темный дуб” примыкает к той же цепи образов блаженства (ср. “завещание” Мцыри в финале поэмы)» (ЛЭ, С. 96). «Дуб — символ вечности, наводящий на размышления о бренности всего суетного и сиюминутного, — пишет Л. В. Рассказова. — Неслучайно и у В. А. Жуковского, и у А. С. Пушкина, и у М. Ю. Лермонтова дуб находится в контексте размышлений о жизни и смерти. <...> Семантика образа многослойна. Дуб — символ памяти, передаваемой от поколения к поколению и через поколение, к далеким потомкам. Важно отметить, что именно в таком значении — памятного знака — дуб упоминается в Библии».¹⁰ Исследовательница отсылает читателя к другим стихотворениям Лермонтова, в которых очень значим мотив памяти в потомках,¹¹ и завершает свою статью словами: «Через дуб соединяются, то есть сливаются в единство вечный мир и мятежная душа человека. Дуб здесь не только соединяет и примиряет. Он залог того, что память о человеке не забыта и не затеряна в огромном мироздании, пока, *вечно зеленея, склоняется и шумит над ним темный дуб*».¹² Но ничего этого нет у К. Васильева. Даже символ вечности у него уничтожен, срублен. Стихотворение «Давно не выхожу я на дорогу...» подтверждает вывод Е.А. Ермолина о том, что «Васильев крайне редко изменял драматическому и пессимистическому взгляду на окружающий мир».¹³

Этому стихотворению в сборнике предшествует стихотворение «Когда кровавые князья...» с вероятными реминисценциями из пушкинских «Ариона» и «Друзьям» («Нет, я не льстец, когда царю...»). Но, несмотря на его политическое содержание, в данном контексте — допустимо предположить — строка «Куда вела меня стезя?» может вызвать ассоциацию и с тем же лермонтовским «Выхожу один я на дорогу...»: лирический герой, по сути, оказывается *одиноким* среди друзей, которые от него «иных путей и песен ждали» (С. 86).

Однако в том же сборнике «Ночная бабочка в огне» все-таки есть бодрое стихотворение — с семью восклицательными знаками на шесть четверостиший — «Он даже знать не хочет пауз...» В первом, четвертом и шестом четверостишиях обыгран основной символический образ лермонтовского «Паруса», но море показано не в разных состояниях, а в одном — состоянии бури. Сначала тональность тревожная: «И мой, вдали белея, парус / стремится к бездне». В третьем четверостишии — косвенная полемика с Лермонтовым: у него «мачта гнется и скрипит» (1, 241), у Васильева уже нет тревоги, так как «не порвётся там, где тонко: / надежны снасти!» (С. 88). Буря лишь воодушевляет лирического героя. «Усвоил я твои уроки, / морская ярость: / белеет парус одинокий, / белеет парус!» — таково четвертое четверостишие. Пятое — о бессилии ветра, а в последнем лермонтовский «луч солнца золотой» разрастается в безусловно символическое Небо (с большой буквы): «Как старый парус мой воспрянет! / О, верить мне бы: / Когда душа вот так устанет, / увидит — Небо!» (С. 89). Стихотворение не безусловно жизнерадостное («верить <...> бы» в наилучшее), но тональность его действительно на редкость бодрая.

С известной долей натяжки переключку с Лермонтовым можно усмотреть в сонете «Пускай я буду круглым дураком...» из сборника «Стихи високосного года» (1997). Оно о равнодушии к спасению души: «<...> чтоб спастись, не шевельну я пальцем. / Чтоб вознестись к небесным постояльцам? / Простите, но я с ними не знаком» (С. 131). Конечно, у Лермонтова нет подобного пренебрежения к ангелам, зато он в письме к М.А. Лопухиной от 2 сентября 1832 г., где, кстати, содержится отказ от формулы Кальдерона «жизнь есть сон», выражал сильное сомнение в том, что за гробом душа (без тела) сохранит свою человеческую индивидуальность (4, 324), а во втором

стихотворении под названием «Смерть» («Оборвана цепь жизни молодой...», 1830—1831) заявлял, что там «будущего нет, / Ни прошлого, ни вечности, ни лет; / <...> ни ожиданий, ни страстей, / Ни горьких слез, ни славы, ни честей <...>» и «вспоминанье спит глубоким сном» (1, 189). В первой «Смерти» («Закат горит огнистой полосой...», 1830) поэт восклицал: «Мой дух утонет в бездне бесконечной!..» (1, 133). Отрицается возможность загробной встречи или взаимного узнавания людей в зрелых стихотворениях «Воздушный корабль» (1840), «Любовь мертвеца», «Они любили друг друга так долго и нежно...» (1841). В конце прозаической трагедии «Menschen und Leidenschaften» (1830) Юрий (во многом автобиографический персонаж), приняв яд, даже говорит Любви: «Друг мой! нет другого света... есть хаос... <...> прощай, мы никогда не увидимся... нет рая — нет ада...» (3, 157). Мцыри (послушник) в существовании рая не сомневается, но перед смертью объявляет монаху: «Увы! — за несколько минут / Между крутых и темных скал, / Где я в ребячестве играл, / Я б рай и вечность променял...» (2, 361). Поэтому, возможно, не без влияния Лермонтова, который, в принципе признавая великое преимущество неба перед землей, тем не менее, считал естественной привязанность человека именно к земле (например, в стихотворении начала 1830-х гг. «Земля и небо»: «Как землю нам больше небес не любить? / Нам небесное счастье темно <...>» — 1, 205), современный поэт завершил свой очередной сонет словами о том, что, отказываясь от бессмертия, душа обретает свою индивидуальность: «<...> душа моя зиме отозвалась, / земле отозвалась, к земле припала, / под пыткой бессмертьем — умерла, / испытанная гибелью — восстала... / пускай пропала, но себя нашла!» (С. 132).

Вторая половина стихотворения «О жизни что могу сказать своей? — ...», напечатанного в альманахе «Ярославская лира» (1997), звучит так: «О, сколько было смеха, / сколько слёз, / и мёда сколько выпито, и яда! / Вся жизнь — игра, / и только смерть — всерьёз, — / её и репетировать не надо» (С. 140). Источник афоризма «Вся жизнь — игра» самоочевиден: опера Чайковского «Пиковая дама» («Что наша жизнь — игра!..»). Но, может быть, и здесь пушкинский контекст влечет за собой ассоциацию с Лермонтовым? Не удерживалась ли в подсознании либреттиста — брата композитора Модеста — фраза Казарина из «Маскерада»: «Что ни толкуй Волтер или Декарт — / Мир для меня — колода карт, / Жизнь — банк: рок мечет, я играю / И правила игры я к людям применяю» (3, 268)? И у Лермонтова, и у Чайковского речь идет о карточной игре, а у К. Васильева — о театральной. Но ведь «Маскерад» — произведение драматическое. Если Юрий в «Menschen und Leidenschaften» отравил себя, то Арбенин — жену, у Васильева же «и мёда сколько выпито, и яда!», причем мед пришел в его стихотворение едва ли не из эпиграфа к «Мцыри» («Вкушая, вкусих мало меда и се аз умираю» — 2, 343), здесь и тема смерти, а слово «яд» вообще относится у Лермонтова к числу достаточно частотных: 95 употреблений (наряду с такими словами, как «далеко», «Любовь» и «небесный», — ЛЭ, С. 764), из них 57 в стихах и 30 в драматургии (ЛЭ, С. 762).

Вновь прямое обращение к лермонтовскому «Выхожу один я на дорогу...» — в сонете «Я выхожу из дома в темноту...» из сборника 1997 г. «Земные сонеты». Герой, как и у Лермонтова, идет куда-то ночью (но перед рассветом) один: «Я выхожу из дома в темноту, / но близится рассвет неудержимый. / Его встречать вдвоём когда-то шли мы, / теперь я по земле один иду». Лермонтовская любовная тема упрощена и приземлена, хотя земля здесь тоже не только почва под ногами, но и планета Земля, увиденная великим поэтом словно из космоса: «“Голубое сиянье” (любимый цвет Л.) сообщает земному пейзажу космич. широту и бытийственность, приобщает его к “пространствам синего эфира” (“Демон”) <...>» (ЛЭ, С. 96). Начало второго катрена у К. Васильева — также лермонтовское, с мотивом звезд, но гаснущих: «И вспыхивая гаснут на лету / все наши звёзды... и уже — незримы...» (С. 143). Дальше развивается собственно васильевский мотив костра и говорится о возвращении домой. Тема дома (в буквальном смысле) у Васильева важна, а у Лермонтова отсутствует.

В стихотворении «В прошлом все мои измены...» (печатается в цикле стихов из трех сборников под общим заглавием «Зимняя ночь», 1999—2001) с темами любви, старения и опять-таки одиночества одна из строф — «Окруженный стен квадратом, / здесь я сам себе анатом. / Здесь же — внешняя броня: / стены давят на меня!» — напоминает лермонтовского «Пленного рыцаря» (1840): «В каменный панцырь я ныне закован, / Каменный шлем мою голову давит <...>. // Быстрое время — мой конь неизменный, / Шлема забрало — решетка бойницы, / Каменный панцырь — высокие стены

<...>» (1, 294). Смерть должна послужить рыцарю избавлением. Окончание стихотворения К. Васильева лишено этого высокого пафоса, но речь идет, по-видимому, тоже о смерти: «Эти стены не защита, / ведь бывшее не забыто. / Что же будет? Во весь дух / пропоёт и мой петух...» (С. 200). Имеется в виду не утреннее, а ночное пение птицы, знаменующее конец «дня»-жизни.

Несмотря на политическую тематику стихотворения «На ветру дрожит листва...» из сборника 2001 г. «Зимняя ночь» первая его строфа откровенно цитатно ориентирована на знаменитый перевод «Из Гёте»: «На ветру дрожит листва / и пылит дорога... / Кто бы мне сказал слова / “Отдохни немного?”» Однако лермонтовский отдых-смерть (*ЛЭ*, С. 183) Васильевым превращен в отстранение от ужасов политической жизни России: «Не дает покоя — жуть / русских революций, — / из-за них боюсь заснуть / и боюсь проснуться...» (С. 220).

Темы жизненного пути и звезд либо их отсутствия представлены и на излете творчества К. В. Васильева. «Снова зимняя ночь. На земле тишина. / В небесах ни звезды — полнолуние». Так начинается одно из стихотворений того же итогового сборника. У Лермонтова «ночь тиха» (1, 331). Васильев добавляет к мотиву одиночества мотив недостаточности, бедности слов («Ну и пусть: доверяюсь я бедности слов / и — один выхожу на дорогу»), а также возвращения в пустую хибару (С. 231), уже известный. Теперь звезд нет. А в одном из стихотворений 1990-х гг., не вошедших в авторские сборники, они были, но друг с другом не разговаривали и не выступали в роли слушателей одинокого, изгнанного Пророка: «Эта жизнь на глубины скупа, / со звездой говорить — не судьба» (С. 253), — начинает стихотворение Васильев, больше не провозглашая своего звездного происхождения.

Эволюция столь характерной для него темы¹⁴ может быть предметом специального рассмотрения. Здесь важно лишь подчеркнуть, что характернейшей звездная тема была и для Лермонтова. Реминисценции из его стихов позволяют сделать вывод о несомненном и чрезвычайно значительном лермонтовском влиянии на поэта, жившего среди нас еще недавно. Он, однако, всегда оригинален. В частности, его оригинальность обнаруживается в том, что он, порой прямо цитируя Лермонтова, при этом избегает повторять размер источника и другие элементы его стихотворной формы. Так, например, интересом к форме сонета К. Васильев обязан отнюдь не Лермонтову, у которого сонет всего один («Сонет», 1832).

Примечания:

1. Васильев К. Избранное: Стихотворения. Эссе. Ярославль, 2003. С. 294. Далее страницы этого издания указываются в тексте.

2. Пайков Н. Н. Тютчев и Лермонтов: два мирозерцания, два принципа романтической образной системы // «Я жил века...»: материалы пятых Лермонтовских чтений. Ярославль, 2004. С. 14—15. Отметим, что в глубокой статье Н. Н. Пайкова теоретически неточно лирическим героем назван герой персонажной лирики, а в цитате из стихотворения Лермонтова «Когда волнуется желтеющая нива...» «счастье» заменено на «рай».

3. Щербаков С. А. У одной реки... (Из воспоминаний о Константине Васильеве) // Голоса русской провинции: материалы научных докладов на IV Областных Васильевских чтениях. Ярославль, 2006. С. 18.

4. См.: Кошелев В. А. Афанасий Фет: преодоление мифов. Курск, 2006. С. 53—59, 64—67.

5. Лермонтовская энциклопедия. М., 1981. С. 302—304. Далее отсылки к этому изданию даются в тексте с обозначением *ЛЭ*.

6. Поэтому заявление Е. А. Ермолина, открывающее его статью о Васильеве: «Константин Васильев — ярчайший поэт-романтик <...>» (*Ермолин Е.* Константин Васильев. 1955—2001 (Послесловие) // Васильев К. Избранное. С. 304), — представляется излишне категоричным, слишком широко трактующим «романтизм» или «романтику».

7. Лермонтов М. Полн. собр. соч.: <в 4 т.> М., 1953. Т. 1. С. 333. Далее том и страница этого издания (орфография и пунктуация в нем ближе к лермонтовским, чем в последующих) указываются в тексте.

8. Высоцкий В. Собр. соч.: в 5 т. Тула, 1993. Т. 1. С. 231.

9. Кормилов С. И. Лермонтов как феномен русской культуры // Лермонтов М. Стихотворения. М., 2007 (серия «Всемирная библиотека поэзии»). С. 33—34.
10. Рассказова Л. В. М. Ю. Лермонтов и дворянская усадебная культура // «Я жил века...»: материалы пятых Лермонтовских чтений. С. 78. (см.: Большой путеводитель по Библии. М., 1993. С. 126). В действительности библейская символика дуба шире. «В христианстве дуб — символ Христа, как силы, проявляющейся в беде, твердости в вере и добродетели. В Ветхом Завете дуб — дерево божественного присутствия» (Михайлова М. И. А. Новиков: грани творчества. Орёл, 2007. С. 118—119).
11. Рассказова Л. В. Указ. соч. С. 79.
12. Там же. С. 80.
13. Ермолин Е. Константин Васильев. 1955—2001 (Послесловие). С. 304.
14. набросок *типологии* этой темы: Пайков Н. Н. «Парабола ухода» в лирике К. В. Васильева // Голоса русской провинции: материалы научных докладов на IV Областных Васильевских чтениях. С. 32—34, 40.

8-е Лермонтовские чтения **«Кто близ небес, тот не сражен земным»**

**Бывал ли Лермонтов в Ярославском крае:
размышления ярославского писателя, краеведа и библиотекаря
Бориса Павловича Комарова**

*Блохина Ирина Витальевна,
заведующая библиотекой-филиалом № 13 имени Ф. М. Достоевского
муниципального учреждения культуры
«Централизованная библиотечная система города Ярославля»;
Калинина Елена Анатольевна,
заведующая отделом читальных залов библиотеки-филиала № 13*

*Провозглашать я стал любви
И правды чистые ученья...
(Из стихотворения «Пророк» М. Ю. Лермонтова)*

Борис Павлович Комаров – известный ярославский краевед, писатель был верен нашей библиотечной профессии с 1946 по 1983 годы. Сначала как заведующий районной библиотекой в Брейтове, а с 1968 по 1983 гг. – директор фундаментальной библиотеки Ярославского государственного педагогического института имени К. Д. Ушинского.

Одним из вопросов, часто поднимаемых Борисом Комаровым, был вопрос о языке взаимопонимания, так необходимом человечеству во все времена и эпохи.

«Классическая литература – универсальный язык, основанный на абсолютных ценностях», – говорят Петр Вайль и Александр Генис в предисловии к своей книге «Родная речь: уроки изящной словесности», вышедшей в этом году в издательстве «КоЛибри». Данное издание призвано возродить интерес к русской классической литературе у человека, когда-то окончившего среднюю общеобразовательную школу. Две главы посвящены М. Ю. Лермонтову. Беседуя с читателями у книжной выставки «Лермонтов и современность» в октябре этого года в библиотеке имени Ф. М. Достоевского, мы обратили внимание на слова Вайля и Гениса: «Особенности судьбы Лермонтова и его гения были таковы, что Лермонтов преждевременно обрел разорванное, хаотическое сознание человека нового мира – мира будущих тысячелетий и веков. Это сознание уже с первых лет сочинительства входило в конфликт с послушно принятой стихотворной гармонией. Лермонтов всю жизнь старался писать прозу, может быть, с Лермонтова эта проза и началась».

На седьмых Лермонтовских чтениях, в октябре 2007 года, почетный гость из Японии Асута Ямадзи заметил, что самый известный русский классик в Японии – Достоевский.

Самые сильные впечатления от произведений Лермонтова Достоевский пережил в 1840 году. Герой «Штосса» (1841), последнего прозаического произведения Лермонтова, – Лугин – предшественник «мечтателей» Достоевского в «Хозяйке» (1847), «Петербургской летописи» (1847), «Белых ночах» (1848).

В своем выступлении на третьих Лермонтовских чтениях мы затрагивали тему богоборчества в творчестве Лермонтова и Достоевского. Мотивы «Демона» подготовили почву для бунтарей, таких, как Раскольников и Иван Карамазов. Дьявольские двойники Николая Ставрогина («Бесы») и Андрея Версилова («Подросток») соотносятся с прозаическим чертом из «Сказки для детей» Лермонтова. Приемы психологического анализа, разработанные в «Герое нашего времени» – предтеча «подпольной» психологии героев Достоевского.

«В подготовительных материалах к «Подростку» Достоевский противопоставляет «подпольного человека», осознавшего свою «уродливость», «герою мелкого самолюбия» –

Печорину...». Лермонтов и Достоевский были любимыми писателями Бориса Павловича Комарова – героя нашего рассказа.

С семьей Бориса Павловича Комарова, исследователя жизни Андрея Михайловича Достоевского, мы познакомились в 2006 году – год 500-летия рода Достоевских. Ираида Ивановна Комарова – супруга Бориса Павловича, заслуженный учитель России, обратила наше внимание на биографическую книгу своего мужа «Жизнь дается не дважды» и особенно на предисловие к ней Виктора Флегонтовича Московкина. Виктор Московкин отмечает: «Статья Бориса Комарова «Были ли Лермонтов в Брейтове?» очень понравилась читателям».

Мы установили, что статья была опубликована в 4 номере ярославского краеведческого сборника «Стрелка» в 1961 году.

Напомним ее содержание: «Мы плыли на пароходе по Рыбинскому морю, как раз под нами находился Борисоглеб – в прошлом крупное торговое село. Когда-то оно было «даровано» графу Мусину–Пушкину, сын которого Алексей Иванович нашел впоследствии в Ярославле знаменитое «Слово о полку Игореве».

Неожиданно с вопросом ко мне обратилась пожилая попутчица:

– А вы знаете, молодой человек, что в наших местах бывал Лермонтов? Когда я была молодой, то жила на попечении экономки барского дома Анны Викентьевны Волчок, которая, как она рассказывала, сменила другую экономку. А та прожила в графском имении 95 лет.

Я прикинул в уме прожитые двумя экономками годы. Они восходили к 30-40 годам девятнадцатого столетия. Тогда я стал внимательно слушать рассказ старушки.

– Граф [Владимир Алексеевич Мусин–Пушкин – прим. И. Б., Е. К.] поздно женился на молоденькой красивой Эмили [Эмили Карловне Мусиной – Пушкиной, урожденной Шернваль, – прим. авт.]. Первое время они часто отлучались в Москву. Но графу было неприятно, когда молодые люди на приемах увивались за его женой. Он стал оставлять ее в Борисоглебе. Сам Лермонтов писал ей стихи и навещал ее проездом из Москвы в Петербург. Тихвинский тракт шел около Борисоглеба.

Говорят, в имении был камердинер графа, высокий черноусый красавец Артамон. Кто из них первый посягнул на неверность, бог знает, но Артамон сошелся с графиней. Однажды граф куда-то поехал, но внезапно вернулся. Артамон находился в спальне жены. Дюжие молодцы выволокли камердинера во двор и, по указанию графа, задушили. Утром Артамона нашли повешенного в лесу. Тут его похоронили.

Так закончила свой рассказ старушка. Об Артамоновой могиле я и сам слышал не раз, будучи еще мальчишкой. Все мы боялись этого места.

Как-то пригласил меня к себе местный любитель старины пенсионер А. Т. Горбунцов. У него был дневник отца, в котором и была запись «Артамонова могила». Почти все сходилось с рассказом старушки. Только автор сам слышал эту историю от экономки Волчок. И еще он указывал, что видел где-то портрет Эмили.

Я долго искал этот портрет. В одной деревне жила женщина, некогда прислужившая в графском доме. Мне указали на заколоченную избушку умершей и назвали соседку, что ухаживала перед смертью за больной. Она сказала, что ей за хлопоты были подарены «два платья и еще картина с дамочкой».

И вот передо мной акварельный портрет женщины – красавицы, написанный кистью неизвестного мастера. Изящную голову женщины обрамляют роскошные белокурые волосы. Огромные голубые глаза, отливающие лазурью, смотрят прямо и с лукавством. На губах играет чуть заметная улыбка. Тонкая шея, великолепный бюст и часть талии дают полное представление о молодой красавице.

Внизу под портретом с буквой «ять» лермонтовское стихотворение. Только оно начинается так:

Наша Эмилия
Белее чем лилия,
Стройней ее талии
На свете не встретится,
И небо Италии
В глазах ее светится,

Но сердце Эмилии
Подобно Бастилии.

Недавно в «Стрелке» я прочитал об учителе М. Ю. Лермонтова А. З. Зиновьеве, и у меня возникло другое предположение, подтвердившее в какой-то степени первое.

В Брейтове жил либеральный помещик Зиновьев, которому на центральной площади села был поставлен памятник (остатки его сохранились до сих пор) за то, что он за три года до реформы 1861 года освободил крестьян от крепостного права.

Сопоставив эти факты, я пришел к выводу, что Лермонтов действительно посещал наши края, останавливался в имении Зиновьевых и, очевидно, бывал у Мусиных-Пушкиных»».

Таково содержание статьи Бориса Павловича Комарова.

Ираида Ивановна Комарова вспоминает, что в начале 1960-х годов в их семье установилось тесное общение по телефону и через переписку с Ираклием Луарсабовичем Андрониковым. В одном из писем И. Л. Андроников сообщил, что случайно прочитал статью Бориса Павловича в журнале «Библиотекарь» и заинтересовался портретом Эмилии, прося разрешения приехать в Брейтово. По неизвестным причинам поездка так и не была совершена. По воспоминаниям Ираиды Ивановны портрет Эмилии, висевший на стене в большой комнате, привлекал внимание всех посетителей их дома. Гости вслух читали написанные внизу строки:

Наша Эмилия
Белее чем лилия...

Дальнейшая судьба этого портрета неизвестна, либо он был передан кому-то на хранение или затерялся при переезде Комаровых из Брейтова в Ярославль в конце 1960-х годов. Может быть, что-то могли бы рассказать об этом сотрудники Брейтовской районной библиотеки, для которых по сей день дорого имя Бориса Павловича Комарова – ветерана библиотеки.

Ветеран нашей библиотеки, Романенко Аза Александровна, с трепетом и любовью вспоминает лекции Ираклия Андроникова по творчеству Лермонтова в Ленинградском библиотечном институте, студенткой которого она была с 1952 по 1956 годы. «Это был живой театр одного человека – кудесника», – говорит Аза Александровна. 31 января 2009 года в нашей библиотеке состоится вечер–портрет, посвященный 75-летию со дня рождения Азы Александровны Романенко, и одной из страниц вечера будет творчество Ираклия Андроникова.

Можно представить, каким бы почетным гостем был Ираклий Луарсабович на всех Лермонтовских чтениях.

Напомним, что о жене графа В. А. Мусина-Пушкина (1798 – 1854) – Эмилии Карловне (1810 – 1846), портрет которой так хотелось увидеть Андроникову в доме Комаровых в 1960-е годы, на первых Лермонтовских чтениях в 2000 году очень ярко рассказал Евгений Ермолин.

Жаль, что Ираклий Луарсабович не успел ознакомиться с замечательным изданием «Ярославль Многоликий». На первой странице обложки журнала «Ярославль Многоликий» – портрет Эмилии Карловны Мусиной-Пушкиной из коллекции Ярославского художественного музея. Акварель не подписана. О датировке можно судить по водяному знаку «J Watman 1845», который определяет нижнюю дату создания портрета. Если портрет является оригиналом, то его верхняя датировка – 1846 год, год смерти Эмилии. При сравнении технико-технологических особенностей данного портрета со стилем известных акварелистов того времени не удалось найти общих признаков ни с одним из них. Поэтому остается еще вопрос об авторе портрета. В Ярославский художественный музей портрет поступил в 1927 году из ярославского имения «Андреевское», когда-то принадлежавшего Наталии Алексеевне Мусиной-Пушкиной (в замужестве Волконской).

Творчество Ираклия Луарсабовича Андроникова (28.09.1998, Санкт-Петербург – 11.06.1990, Москва), столетие которого мы отмечаем в этом году, по сей день учит бескорыстно, самозабвенно и страстно любить высокие ценности нашей культуры.

Писатель Даниил Гранин, тоже отмечающий в этом году замечательный юбилей, – президент общества друзей Российской Национальной Библиотеки, в одном из интервью заметил: «Единственное, что освещает человеческую жизнь, – это любовь».

Этой любовью мы все сегодня преисполнены. Свое выступление хочется закончить строками из стихотворения Дж. Байрона «Прости», в переводе М. Ю. Лермонтова. Эти строки были одними из любимых у Федора Михайловича Достоевского:

Прости! Коль могут к небесам
Взлетать молитвы о других,
Моя молитва будет там,
И даже улетит за них!

Пусть любовь к классической литературе делает нас добрее и придает высокое качество нашей жизни.

Литература:

1. Андроников, И. Все живо / И. Л. Андроников. М. : Сов. писатель, 1990. 496 с.
2. Вайль, П. , Генис, А. Родная речь : уроки изящной словесности /В. Вайль ; А. Генис. М : КоЛибри, 2008. 256 с.
3. Лермонтовская энциклопедия / В. А. Мануйлов, гл. ред. ; Ин-т русской лит. АН СССР (Пушкинский Дом) ; науч.-ред.совет изд-ва «Сов. энцикл.». М.: Сов. энцикл., 1981. С. 143- 144, 324.
4. Московкин, В. Об авторе книги Б. Комарове / В.Ф. Московкин // Комаров, Б. Жизнь дается не дважды: повесть / Б. П. Комаров. Ярославль, 1973. С. 3-4.
5. Гусева, Т. И. Служивший отчизне и любимому делу / Т. И. Гусева, Г. Н. Бакланова; Брейтовская центральная библиотека Ярославская область // Новая библиотека. 2006. № 8. С. 17-20.
6. Комаров, Б. Бывал ли М.Ю. Лермонтов в Брейтове? / Б.П. Комаров // Стрелка. 1961. № 4.
7. Ермолин, Е.А. У ног красавицы. Михаил Лермонтов и Эмилия Мусина-Пушкина / Е.А. Ермолин // Лермонтов и Ярославская земля : материалы первых краеведческих чтений / Центральная городская библиотека имени М. Ю. Лермонтова. Ярославль, 2000. С. 41-47.
8. Калинина, Е. А. Лермонтов – поэт сверхчеловечества: опыт современного прочтения работы Д. Мережковского // Мир Лермонтова: материалы третьих Лермонтовских чтений / Центральная городская библиотека имени М.Ю. Лермонтова. Ярославль, 2003. С. 11 – 16.
9. Колосова, А. Усадьба Валуево и ее владельцы // Наука и жизнь. 2008. № 9. С. 110-116.
10. Алексеев, Н. М. Мусины-Пушкины на Мологской земле // Мусины-Пушкины в истории России. «Рыбинское подворье», 1998. С. 172 – 180.
11. [Портрет Э. К. Мусиной-Пушкиной] // Ярославль Многоликий: журн. секции искусства Верхн.-Волж. регион. отд.-ние РАЕН. 2002. № 3. 1-я стр. обл.
12. Кравченко, Т. И. Не только дать детям жизнь. Комарова Ираида Ивановна // Ветераны и молодежь. 2008. № 17-18. (август). С. 2.

М. М. Уманская и ее монография «Лермонтов и романтизм его времени»

*Скафтымова Людмила Александровна,
доктор искусствоведения, профессор Санкт-Петербургской консерватории*

Маргарита Михайловна Уманская – известный литературовед, ученый, педагог, критик, журналист. Ее творческая деятельность совпала с самым сложным, противоречивым периодом в истории России – 1930-1970-ми годами XX века, когда творческая интеллигенция обязана была идти заранее заказанным и указанным путем, а оригинальность мышления не только не поощрялась, но преследовалась. Умение мыслить самостоятельно, не повторяя устоявшихся норм, великолепное владение пером, широкий культурный кругозор Уманская унаследовала от своего великого учителя – Александра Павловича Скафтымова.

Маргарита Михайловна родилась 30 ноября 1913 года в маленьком городке Владимирской области – Варнавине. Ее отец Федор (Теодор) Карлович Дотцауэр происходил из обрусевших немцев (его предки были вывезены Петром Первым из Германии в Россию). Мать – Мария Николаевна Архангельская – была одной из первых русских женщин, получивших высшее образование, окончила в Петербурге Высшие Бестужевские курсы (ныне Петербургский университет) и преподавала математику. Федор Карлович рано ушел из жизни (у него был туберкулез), и заботу о девочке принял на себя ее отчим – Михаил Павлович Черногубов, дворянин по происхождению, многие годы работавший директором Реального училища в Саратове. Впоследствии он усыновил ее.

Жизненный путь Уманской отнюдь не был «зеленой улицей». С детства она мечтала заниматься литературой, но ей было отказано в приеме на филологический факультет, видимо, по причине немецкой национальности отца и дворянского происхождения ее отчима. Пришлось поначалу поступить в Лесомелиоративный институт. В годы войны от депортации вместе с другими немцами Поволжья ее буквально спас А. П. Скафтымов (в то время Маргарита Михайловна была его гражданской женой).

Окончив филологический факультет Саратовского педагогического института, она поступает в аспирантуру и начинает педагогическую деятельность в этом вузе, продолжавшуюся почти тридцать лет. Судя по воспоминаниям студентов (а я общалась со многими из них), Уманская была блестящим лектором. Ее лекции отличались особым артистизмом, любовь к «героям» этих лекций, их творчеству была столь велика, что, рассказывая о смерти Пушкина, Лермонтова, она каждый раз переживала ее как уход чрезвычайно близких ей людей, и в глазах молодого лектора стояли слезы.

В нашем доме всегда были свежие цветы, количество которых увеличивалось в конце учебного года, когда студенты защищали свои дипломные работы. Так было и в солнечном Саратове, и в холодном Ярославле, куда она переехала в шестидесятые годы. Ректором Ярославского педагогического института назначили П. Н. Пилатова, возглавлявшего до этого Саратовский педагогический институт. Он и пригласил Уманскую на работу в качестве заведующей кафедрой литературы в старинный северный волжский город.

В Ярославле, как и в Саратове, ученый продолжает не только активную педагогическую, но и просветительскую деятельность, выступая с публичными лекциями по линии общества «Знание» (тогда это была достаточно мощная и действенная просветительская организация). Как и в Саратове, она сотрудничает с областными газетами, театрами: в Саратове с ТЮЗом, который возглавлял талантливый Ю. П. Киселев, имя которого сейчас носит театр и одна из улиц города; в Ярославле – со старейшим русским театром имени Ф. Г. Волкова. В газетах часто появляются ее рецензии на кинопремьеры и спектакли театров.

В ее комнате – сначала в общежитии Ярославского государственного педагогического института на Которосльной набережной, а потом в небольшой квартирке на улице Чкалова, часто можно было встретить сотрудников возглавляемой ею кафедры, и не только их. Об этих замечательных людях, работавших в то время на кафедре литературы, хочется сказать особо. К сожалению, большинства их них уже нет в живых. Это были настоящие русские интеллигенты,

влюбленные в свой предмет, энтузиасты своего дела. Герман Петрович Верховский, Андрей Александрович Семенов, Андрей Петрович Астафьев и его дочь Надежда Андреевна, ныне здравствующие Нина Ивановна Печенина, Ольга Аверьяновна Демиховская – к ним Маргарита Михайловна относилась не просто как к коллегам, а как к близким, дорогим людям, разделяя их семейные и бытовые невзгоды. Мне кажется, что и кафедры так же относились к своей заведующей. В Петербурге мы часто общались с Н.А. Астафьевой (вплоть до ее недавней кончины), вместе ездили на могилу моей матери, похороненной на Южном кладбище Петербурга.

В ее доме я познакомилась и с В. А. Мануйловым, А. И. Груздевым, Б. Т. Удодовым, а также с Ритой Ваняшовой – она тогда была студенткой этого вуза. Частыми гостями, особенно в период жизни Маргариты Михайловны в институтском общежитии, были актеры Волковского театра. Эта невероятно обаятельная, жизнелюбивая, остроумная женщина всегда была душой компании.

Научные интересы Уманской были связаны с отечественной литературой XIX века. Ее первая монография, посвященная А. Н. Островскому и русской исторической драматургии, вышла в начале 1960-х годов. Но, думается, самым главным «героем» ее раздумий был М.Ю. Лермонтов, творчество и личность которого были ей чрезвычайно близки. Меня часто спрашивают студенты, откуда я знаю так много стихотворений наизусть (я музыковед по профессии). И я объясняю им, что поэзия «вошла в меня» с раннего детства, и этим я обязана матери, которая часто читала мне стихи (всегда наизусть), и некоторые из них производили такое сильное впечатление, что невозможно было их забыть. Так произошло с лермонтовским стихотворением «Воздушный корабль» («По синим волнам океана»). Мне было 5-6 лет, когда я услышала его в ее исполнении и почему-то заплакала. Так я узнала о Лермонтове.

Многолетние размышления об этом гениальном художнике нашли наиболее полное отражение в ее книге «Лермонтов и романтизм его времени».¹ Ей предшествовал целый ряд статей, касающихся разных сторон его творчества.² Но и после выхода монографии Маргарита Михайловна продолжает работать над этой темой. Через несколько лет появляется новое масштабное (более 400 страниц) исследование «Этюды о Лермонтове», которое ученый не успела опубликовать – в то время это было очень сложно, так как существовали только единичные государственные издания.

В предисловии к монографии «Лермонтов и романтизм его времени» автор отмечает, что стремилась «сосредоточить главное внимание на таких наименее изученных вопросах теории и истории романтизма, как его исторические истоки, искусство человековедения, эволюция лермонтовского романтизма».³ Основной темой, объединяющей все главы книги, дающей ей внутреннее единство является тема творческих связей и взаимодействия романтизма и реализма в русской литературе 20-30-х годов XIX века и, прежде всего, в творчестве М. Ю. Лермонтова.

Заметим, что проблема романтизма и реализма чрезвычайно актуальна не только для литературоведения, но и для современного музыковедения. Но здесь она разработана в значительно меньшей степени, чем в литературоведческой науке, а точнее, практически не исследована. Во всяком случае, не существует специальной фундаментальной работы, посвященной целиком этой проблематике, а в нескольких статьях, написанных маститыми учеными-музыковедами, нет единого мнения. Так, недавно в личном архиве известного исследователя русской музыки, профессора Петербургской консерватории (последние годы жизни она провела в Ярославле) Е. М. Орловой была обнаружена ее неопубликованная статья «Романтизм в русской музыке 60-70-х годов XIX столетия». Судя по цитированным в ней источникам, она была написана в конце 1960-х и напрямую корреспондирует с напечатанной в сборнике «Вопросы теории и эстетики музыки» в 1965 г. статьей известного московского музыковеда М. Г. Арановского «Романтизм и русская музыка XIX века».⁴

Здесь ученый выступает против прямого перенесения методологии литературоведения на музыкальное искусство, особенно в трактовке таких понятий, как *романтизм и реализм*. «Из его интерпретации важнейших особенностей творчества Глинки, Чайковского и «кучкистов» следует вывод, что в России имел место *национальный вариант романтизма* [выделено Г. Некрасовой] – как сугубо индивидуальное преломление идей современного европейского искусства».⁵

Первым публичным откликом на публикацию Арановского стала появившаяся спустя 15 лет статья А.И. Кандинского «О реализме и романтизме в русской музыке второй половины XIX века».⁶ Автор известных работ о Римском-Корсакове и Рахманинове, создатель учебников по русской

музыке возражал младшему коллеге по одному из принципиально важных положений: по его убеждению, своеобразие русской музыкальной классики определяется не столько тем, что она является собой особенный, индивидуальный вариант общеевропейского романтизма, сколько связано со сложно синтетическим взаимодействием реалистических и романтических тенденций, проистекающих из особенностей культурно-исторического развития страны.

Понимание Е. М. Орловой романтизма и реализма ближе к позиции Кандинского. Вместе с тем, в ее работе ощутимо стремление не ограничивать трактовку этих важнейших категорий рамками какой-либо одной дефиниции. Отсюда характерная для этого исследования терминологическая вариантность характеристик: «Романтизм – внутри реализма как его психологический аспект», «Романтизм в его особой стилевой ветви романтико-психологического реализма» и другие.

Мы не случайно обращаемся к основополагающим музыковедческим работам, связанным с проблемой романтизма и реализма, их взаимодействием. Во-первых, становится ясным, сколь важна эта проблематика для современной музыковедческой науки (а не только для литературоведения); во-вторых, становится очевидной близость многих положений, имеющих место в работах ведущих музыковедов (А. И. Кандинский, Е. М. Орлова) концепции романтизма, заложенной в литературоведческом исследовании М. М. Уманской. Не случайно в своей, ставшей классической, работе «Лекции по истории русской музыки» Орлова ссылается на эту ее книгу.⁷

В своей монографии Уманская опирается на работы отечественных литературоведов, занимавшихся изучением романтического творчества Лермонтова, и, соответственно, разрабатывавших концепцию русского романтизма 20-30-х годов XIX века – А. Соколова, К. Григорьяна, В. Архипова, В. Мануйлова, Б. Удодова, У. Фохта и др., в то же время, создавая свою собственную. В первой главе своей книги – «Спорные вопросы теории романтизма» автор анализирует эти труды, сравнивает основные выводы своих коллег. Для большинства этих работ характерна концепция, связывающая происхождение русского романтизма с западноевропейским, в которой не учитывается *национальное своеобразие* романтического движения в России, не позволяющее встать на путь прямых аналогий и сближений романтизма русского и западноевропейского. Она сравнивает романтические поэмы Байрона – светила, силу притяжения которого испытывали все остальные малые планеты, их героев с таковыми Пушкина и Лермонтова. «Байронический культ гордого и одинокого героя-индивидуалиста (...), с его всепоглощающей любовью к одной избраннице и ненавистью ко всему человечеству», по мысли Уманской, «оказался неприемлемым для русского романтизма и вызвал полемику Пушкина с Байроном в «Кавказском пленнике» и «Цыганах»: разочарованный Пленник уступает в благородстве и самоотвержении девушке-черкешенке, а «гордый человек» Алеко снижен и развенчан Пушкиным не только в этическом, но и эстетическом плане».⁸

Во второй главе рассматривается проблема синтеза романтизма и реализма. Здесь автор ставит перед собой достаточно сложные задачи: проследить в историко-теоретическом аспекте развитие русской литературы 20-30-х годов XIX века из «акта сознания» личности в «акт сознания» общества (В. Белинский), возникновение в ней под влиянием новых идей времени новых форм; рассмотреть процесс перестройки всей поэтической системы, в том числе композиционно-жанровых форм и принципов повествования. Творческие связи и взаимопроникновение романтизма и реализма, преодоление романтического субъективизма, наследование реализмом художественных открытий романтизма рассматриваются на материале творчества Пушкина, Лермонтова и Гоголя.

Подробному анализу подвергается стихотворение Лермонтова «Не верь себе», получившее неоднозначное толкование у литературоведов и вызвавшее полемику между ними. Уманская утверждает, что «сложность прочтения «Не верь себе» объяснима тем, что мысль Лермонтова уходит **в г л у б ь , в п о д т е к с т** [выделено М.У. - Л.С.], оставляя впечатление недоговоренности, недосказанности, а может быть, и известной несогласованности и двойственности эмоционально-эстетических оценок автором образа молодого мечтателя».⁹ Полемизируя с другими исследователями, автор монографии отвечает на вопросы: «Осуждает, Лермонтов поэта-романтика или сочувствует ему? Откуда этот, очень личный тон стихотворения, звучавшего как приглушенной трезвой аналитической мыслью крик души поэта? На что обращена горькая, без улыбки, ирония Лермонтова: на молодого ли мечтателя, так плохо знающего жизнь, или на несогласованность

суровых жизненных истин с высокой мечтой и романтическим идеалом? На «возвышающий обман» искусства или «тьму низких истин» печальной действительности, глубоко трагичной в своей будничной повседневности?»¹⁰

В следующей главе («Концепция характера в романтизме») наше внимание привлечет раздел, посвященный «музыке стиха» Лермонтова, а также его связи с романтическим портретом А. Орловского, О. Кипренского, К. Брюллова и, в то же время, его отличие от словесного портрета Лермонтова. Говоря о музыкальности стиха поэта, Уманская обращается к XV-й строфе «Демона», а именно, к речи Демона, где он стремится усыпить земную скорбь и боль Тамары, перенести ее из мира тревог и утрат в беспечальный заоблачный мир. Демон навеивает Тамаре «золотые сны», и это предопределяет, по мнению исследователя, выпадение этого раздела («На воздушном океане») из основного ритма поэмы.

Еще одна из проблем, поставленных в исследовании – тема рока, фатализма в поэзии и прозе 20-30-х гг. Нас она заинтересовала в силу того, что она занимает значительное место и в музыке. Вспомним произведения П.И. Чайковского, его последние три симфонии, программную симфонию «Манфред», одночастные симфонические поэмы «Фатум», «Ромео и Джульетта» (где рок предстает в виде темы вражды Монтеки и Капулетти). Человек и рок – основная тема этого великого оперного и симфонического драматурга. Волновала она и западноевропейских романтиков – Г. Берлиоза, Ф. Листа, Р. Вагнера.

Проблему роковой фатальности Уманская рассматривает на примере романа Лермонтова «Герой нашего времени», выявляя три разновидности, три типа фатализма, представленных в нем – это «не мудрствующий лукаво и опирающийся на народную мудрость» фатализм Максима Максимовича, который верит, что с человеком случается то, что «на роду написано». Мистическим фаталистом является азартный игрок Вулич, считающий, что человеку «заранее назначена роковая минута» и поэтому он не может сам распоряжаться своей жизнью. Оригинально трактуется своеобразный фатализм Печорина, который понимает свою внутреннюю несвободу, власть эгоистических чувств и страстей, которые независимо от его воли, фатально превращают его в «орудие казни» и разрушителя чужих стремлений и надежд.

Образу Печорина отводится одно из главных мест. В короткой статье невозможно проследить все грани его характеристики, всю сложность и противоречивость этого образа, которые филигранно и многосторонне «высвечиваются» в монографии. «В перспективе лермонтовского творчества, – пишет ее автор, – Печорин завершал собой тип страдающего индивидуалиста, человека рока, который проходит через все ранние поэмы кавказского цикла, незаконченный роман «Вадим», философскую драму «Маскарад», поэму «Демон». При всем своеобразии сюжета, исторической эпохи, местного национального колорита и даже социальной природы героя, Лермонтов – философ и мыслитель – стремится постичь и раскрыть прежде всего общечеловеческую сущность своих героев, всех этих «детей рока», отмеченных каиновой печатью проклятья и отверженья, проносащихся по жизни подобно кровавому метеору или «стреле громовой».¹¹ Действительно, ведь и Измаил-Бей, и Демон, и Печорин не только жертвы рока, но и его слепые, бессознательные орудия, неподвластные людскому суду, не ищущие оправдания и не ждущие участия или снисхождения к себе.

Пристальному осмыслению подвергается и ранняя пушкинская поэма «Цыганы», прослеживается «развенчивание» своего героя Пушкиным, так как он совершает преступление не только против нравственности, но и против красоты. Вместе с любовью и красотой Алеко убивает и поэзию. Видимо поэтому там, где возникает его образ, поэзию вытесняет проза, а музыкальную интонацию – обыденная, разговорная.

Уманская рассматривает эту поэму как начало художественных открытий и свершений Пушкина-реалиста, где «поэт впервые приходит к тому слиянию и единству этической и эстетических оценок, которое свойственно было романтизму в целом с его поэтизацией сильной, исключительной личности».¹² «Впервые в истории романтической поэмы, – отмечает исследователь, – герой теряет ореол силы и исключительности, свое превосходство над окружающими в плане эстетическом [разр. М.У. - Л.С.]. Оскорбление нравственности и красоты гуманист Пушкин не должен, не может оставить безнаказанным. Алеко теряет право быть гордым и прекрасным, «высокий» романтический герой низведен до обыденного, в сущности, жалок и антипоэтичен».¹³

Масштабы статьи не позволяют остановиться на всех аспектах этого фундаментального исследования, осветить все его разделы, да мы и не ставили перед собой такой глобальной задачи. Проблемы, затронутые здесь, как уже говорилось, оказались чрезвычайно актуальными для современного музыковедения. Основной пафос исследования М.М. Уманской – романтизм и реализм не отдельно существующие направления, а взаимодействующие и взаимосуществующие. Этот вывод, почти без оговорок, можно отнести и к процессам, происходившим в отечественной музыкальной культуре.

Примечания:

1. Уманская, М. М. Лермонтов и романтизм его времени / М. М. Уманская ; Мин-во просвещения РСФСР, ЯГПИ им. К. Д. Ушинского. Ярославль, 1971. 304 с.
2. Уманская, М. М. М. Ю. Лермонтов и проблема романтизма в русской литературе 20-30-х годов XIX века // Филологические науки. 1965. № 2 ; Романтизм и реализм в литературе 20-30-х годов XIX века: (вопросы метода и стиля) // Проблемы русской литературы. Вып. 1. Ярославль, 1966 ; «Роман судьбы» или «роман воли»? (проблема фатализма в «Герое нашего времени») // Русская литература. 1967. №1 ; Романтическое начало в романе М. Ю. Лермонтова «Герой нашего времени» // Проблемы изучения художественного произведения: (методология, поэтика, методика). Ч.1. М., 1968 и др.
3. Уманская, М.М. Указ. монография. Предисловие.
4. Арановский, М. Г. Романтизм и русская музыка XIX века // Вопросы теории и эстетики музыки. М., 1965.
5. Некрасова, Г. А. О некоторых методологических аспектах опубликованных и рукописных работ Е. М. Орловой // Musicus. 2008. №3 (12). СПб. С. 8.
6. Кандинский, А. И. О реализме и романтизме в русской музыке второй половины XIX века // Вопросы методологии советского музыковедения. М., 1981.
7. Орлова, Е. М. Лекции по истории русской музыки. Л., 1974. С. 216.
8. Уманская, М. М. Указ монография. С.17.
9. Там же. С. 34.
10. Там же.
11. Там же. С. 171.
12. Там же. С. 201.
13. Там же.

Учитель, перед именем твоим...
Страницы жизни профессора
Иванова Анатолия Николаевича

*Баранов Владимир Николаевич,
кандидат геолого-минералогических наук,*
*доцент Ярославского государственного педагогического университета имени К.Д. Ушинского,
заведующий геологическим музеем имени профессора А.Н. Иванова ЯГПУ*

С Анатолием Николаевичем Ивановым я познакомился в октябре 1958 года. Я – студент-первокурсник, он – тогда еще доцент, ведущий курс геологии на естественно-географическом факультете Ярославского педагогического института имени К. Д. Ушинского. В кабинете геологии мое внимание привлекла одна ископаемая ракушка со странным, как мне показалось, названием *Cadoceras elatmae Nik* (кадацерас елатьма).

Мне, приехавшему в Ярославль из Елатьмы Рязанской области, выросшему в этом районном центре, такое наименование показалось особенно интригующим. По окончании лекции я подошел к Анатолию Николаевичу и спросил, какая же связь между названием ископаемой ракушки и небольшим городком на реке Оке. Он мне пояснил, что в окрестностях Елатьмы, в высоком берегу Оки, имеются выходы на дневную поверхность глинистых слоев морского образования, содержащие в себе ископаемую фауну, указывающую на их юрский возраст. Анатолий Николаевич посоветовал мне обратить на это особое внимание, чему я и последовал, стал серьезно заниматься предложенной темой. В июле 1959 года он организовал мне командировку в родную Елатьму через студенческое научное общество нашего института на сборы юрской фауны для продолжения научной работы по теме «Юрские отложения Рязанской области».

Вопросами палеонтологии, геологии, палеогеографии я увлекся основательно. Большую часть свободного от учебы времени проводил в кабинете геологии. Таким образом, я оказался невольным свидетелем того, как часто к Анатолию Николаевичу приходили друзья, коллеги, бывшие выпускники факультета. Закончив учебу и отработав год в ярославской школе учителем биологии, я вновь вернулся в геологический кабинет, но уже в качестве ассистента кафедры физической географии. С еще большим интересом я стал воспринимать гостей Анатолия Николаевича и все более убеждался, что он буквально притягивает к себе наиболее интересных, одаренных, реально мыслящих людей. В качестве примера можно назвать Николая Васильевича Чижикова, преподавателя Ростовского сельскохозяйственного техникума, истинного патриота земли Ростовской. Он не только ратовал за ростовский лук и ростовские луга, но и был первооткрывателем очень важного геологического обнажения, явившегося своеобразной страницей в истории геологического развития земли Ярославской в ледниковую эпоху четвертичного периода. Мало кто знает, что наш земляк стал героем художественного произведения – прототипом агронома Николая Семеновича Зябликова в повести известного советского писателя Ефима Дороша «Дождь пополам с солнцем». Об этом догадываешься с первых же строк: «Агроном по образованию, великий знаток растений и почв, до последнего времени преподававший в здешнем сельскохозяйственном техникуме, Николай Семенович недавно вышел на пенсию. Теперь он свободен отдалиться давней, главенствующей страсти – краеведению, которое вбирает в себя и растения с почвами, и местные обычаи, историю, геологию...».

Благодаря своему Учителю я познакомился и с другими замечательными людьми – архитектором Иваном Борисовичем Пуришевым, писателем Константином Яковлевым, художником Картовичем.

Родился Анатолий Николаевич Иванов (1910-1991) в Орловской губернии, в селе Бересток Севского уезда. В его автобиографии значится, что родился он «в семье потомственных учителей». Это не совсем так. Отец его был священником. В те годы (1920-1930) самыми лучшими учителями в сельской глубинке были священнослужители. И по сути дела, сын не погрешил против истины, представив своего отца педагогом. В годы воинствующего атеизма Анатолий Николаевич вынужден был скрывать свое истинное происхождение, что и позволило ему по окончании школы поступить в

Московский педагогический институт на биологическое отделение, где кафедру геологии возглавляла профессор Вера Александровна Варсанюфьева. Она быстро заметила пытливого юношу и в дальнейшем содействовала развитию научных интересов талантливого студента, а затем и аспиранта. В 1939 году на заседании Ученого совета геологического факультета Ленинградского государственного университета Анатолий Николаевич блестяще защитил кандидатскую диссертацию, после чего ему поступило предложение от академика АН СССР А.А. Борисяка, работать в качестве старшего научного сотрудника в Палеонтологическом институте Академии наук СССР.

Однако проработать в ПИНе ему довелось всего лишь один год. Причина банальная – отсутствие жилплощади и постоянной московской прописки. А он уже женатый человек, у него растет сын.

В 1940 году по конкурсу, в звании доцента, Анатолий Николаевич был избран заведующим кафедрой геологии Ярославского педагогического института. Ярославль им выбран не случайно. Он отлично знал, что в Верхнем Поволжье находятся классические обнажения мезозойских и, в первую очередь, юрских слоев. Он знал, что работами Г. Е. Щуровского, С. Н. Никитина, А. П. Иванова, Н. Т. Зюнова изучение Ярославской юры только начато, позднеюрские и раннемеловые слои требуют дальнейшего, более внимательного, более полного изучения.

Покидая Москву, столь близкий ему Палеонтологический институт АН СССР, Иванов понимал, что он теряет, но иного выхода не находил. Мотивы переезда в Ярославль объясняются в письме Анатолия Николаевича тогдашнему руководителю Палеонтологического института академику АН СССР А. А. Борисяку.¹

«Глубокоуважаемый Алексей Алексеевич!

Мне не пришлось оставить Вам заявление из-за отъезда в Рязанскую область. Я посылаю его сейчас. Мне было очень тяжело вести разговор с Вами об истории с Ярославским пединститутом, зная Ваше внимание ко мне, желание сохранить меня в ПИНе и вообще те трудности, в которых Вы создали и продолжаете укреплять ПИН.

Думайте, что хотите, только не думайте одного – что у меня нет настоящей страсти к науке. Но что же тогда уход в Ярославль самоубийство? На мой взгляд (может быть, взгляд мечтателя) нет. Я считаю, что наука будет поднята на должную высоту у нас в стране в том случае, если мы не будем культивировать ее только в столице. Каждый более или менее крупный город должен быть самостоятельным научным центром, как это есть в той же Германии.

Намеренье, уйти в Ярославль, было связано с надеждой сохранить самую тесную связь с ПИНом, с надеждой на его помощь и содействие, в частности, в направлении снабжения литературой и печатаньем работ в изданиях Ак. Наук, т. е. с надеждой продолжить там научную работу.

Сейчас в Москве я работаю очень плохо, т. к. бытовая неустроенность, военные занятия и т. д. настолько мешают, что я не могу отдаться своему делу так, как это нужно для творческой работы.

Многого там нет, что есть в Москве, но там может быть несколько вечеров, дней, может, недель, которые дороже месяцев прозябания.

Вот вкратце, почему я подался в Ярославль.

Я посылаю Вам заявление с заверением о желании продолжать работу в ПИНе. Но если все же мне не удастся остаться в Москве, прошу учесть то, что было сказано в этом кратком письме.

Ваш А. Иванов»

Вскоре началась война, внесшая свои коррективы в судьбы многих людей. После войны из эвакуации в Москву возвращается Палеонтологический институт, и тут же А. Н. Иванов получает приглашение академика Борисяка следующего содержания:

«Дорогой Анатолий Николаевич!

На днях Палеонтологический институт переезжает в Москву. Очень хотелось бы иметь Вас опять нашим сотрудником. Смогли ли бы Вы работать в Палеонтологическом институте на тех же условиях, как это было до войны? Или других?

В случае Вашего положительного ответа начну соответствующие хлопоты.

Как живете, над чем работаете?

С приветом

А. Борисяк.

Москва, 2, Дурновский пер., 1^б, кв. 1»

К этому времени Анатолий Николаевич уже, как говорится, пустил «глубокие корни» на Ярославской земле. Продолжая свои палеонтологические исследования, он большое внимание уделяет вопросам истории науки, краеведческой тематике. Например, труды А.Н. Иванова по памятникам природы области получили высокую оценку Президиума Центрального совета Всероссийского общества охраны природы, присудившего ему в 1983 году первую премию, памятную медаль и диплом.

Более половины опубликованных работ А. Н. Иванова принадлежат истории науки, которой он занимался со студенческих лет. Среди них статьи о М. В. Ломоносове и его предшественнике В. Н. Татищеве, который стоял у колыбели отечественной палеонтологии. Очерки и главы, написанные А. Н. Ивановым, вошли в такие известные издания, как «Люди русской науки», «История естествознания в России», «История биологии». При подготовке материала для написания этих работ, Анатолию Николаевичу пришлось очень много трудиться в различных архивах. Благодаря архивным исследованиям к работам А. Н. Иванова по истории науки тесно примыкают книги и статьи по истории педагогики и краеведению. Его труды о ярославском периоде жизни и деятельности великого русского педагога К. Д. Ушинского, имя которого носит Ярославский педагогический институт (ныне университет), в 1964 году удостоены Академией педагогических наук РСФСР премии имени Ушинского. Позднее ему была вручена и медаль Ушинского.

Архивные поиски документов об Ушинском «свели» Анатолия Николаевича с еще одним очень интересным педагогом – Алексеем Зиновьевичем Зиновьевым. Собранный материал позволил А. Н. Иванову подготовить и издать небольшую книжку – «Учитель Лермонтова».² В ней всего 135 страниц и формат почти карманный, но содержание богатое. Прочитав эту книгу, мы как бы наяву знакомимся с человеком большой культуры, широкого кругозора, исключительно талантливым педагогом. А. З. Зиновьев не классик педагогики, это не Коменский, Ушинский или Макаренко. Для получения общего представления о Зиновьеве процитируем первые строчки книги А. Н. Иванова: «Среди деятелей культуры первой половины XIX века в Ярославском крае заметное место принадлежит ... Алексею Зиновьевичу Зиновьеву. Свыше 16 лет он был профессором словесности в Ярославском лицее. Многие его ученики стали учителями школ Ярославской губернии, на других он оказал влияние как педагог-энтузиаст и автор педагогических сочинений. А. З. Зиновьев выступал в местной печати, «был одним из зачинателей краеведения в Ярославле».

Педагогическая деятельность Зиновьева в Ярославле началась 30 января 1830 года. В 1846 году в связи с преобразованием лицея А. З. Зиновьев увольняется и вновь оказывается в Москве. В 1847 году он поступил инспектором и профессором русской словесности в Лазаревский институт восточных языков. Здесь он прослужил до 1858 года. Оставив службу в институте, А. З. Зиновьев не прекратил педагогической деятельности. Он бесплатно давал уроки русского языка в малолетнем отделении воспитательного дома и уроки латинского языка в Мариинско-Ермолинском училище. Анализируя педагогическую деятельность А. З. Зиновьева, отметим тот факт, что начальный и заключительный этапы этой деятельности были связаны с учениками детского возраста, и одним из его учеников оказался Миша Лермонтов. Известно, что воспитанием Михаила Лермонтова занималась его бабушка Е. А. Арсеньева. Поначалу это были учителя из Франции, Германии, Англии. Они, в основном, учили мальчика иностранным языкам. Но для развития общего кругозора этого было, конечно, мало. Бабушка будущего поэта Е. А. Арсеньева, решив готовить любимого внука в Благородный пансион при Московском университете, не случайно остановила свой выбор на А. З. Зиновьеве. Она, безусловно, знала, по отзывам своих московских друзей, кого следует пригласить в учителя своему внуку.

Обучение тринадцатилетнего мальчика Зиновьев начал с того, что познакомился с общими познаниями подопечного, на этой базе организовал домашние занятия и в течение года подготовил Лермонтова к поступлению в старшее отделение среднего класса, т. е. в 4-ый класс. А. З. Зиновьев давал будущему поэту уроки по русскому языку, латинскому, истории и географии. Большое

внимание А. З. Зиновьев уделял латинскому языку. Он нужен был и для учения в пансионе и, затем, в университете. По окончании 4-го класса (при переходе в 5-й класс) в декабре 1828 года Лермонтов получил награду – книгу и картину.

В 5 и 6 классах А.З. Зиновьев уже не преподавал, но наблюдения его за учением юноши продолжались. Вот как оценивает роль А. З. Зиновьева в воспитании и обучении Михаила Юрьевича Лермонтова автор книги «Учитель Лермонтова» Анатолий Николаевич Иванов. «В своих воспоминаниях о занятиях с Лермонтовым А. З. Зиновьев назвал себя русским наставником будущего поэта. Он действительно был первым русским учителем поэта. С осени 1827 года готовил его к поступлению в университетский Благородный пансион, а с 1 сентября 1828 года по 1830 год наблюдал за его учением в пансионе. Домашние уроки Лермонтову давали и другие русские учителя, в частности, А. Ф. Мерзляков и учитель рисования А. С. Солоницкий. Но за учение Лермонтова отвечал А. З. Зиновьев, и ему было поручено приглашать необходимых преподавателей...».

Всем хорошо известна литературная серия «Жизнь замечательных людей», знакомившая читателя с деятельностью выдающихся людей. В эту серию вошли биографии людей разных стран. Лев Николаевич Толстой, Назым Хикмет, Карл Маркс, Рабиндранат Тагор и другие. Теперь представьте себе, дорогие читатели, подобную серию, но уже регионального масштаба. Регионом может служить Европейская Россия, а конкретнее – Ярославский край. Кому бы посвящались эти издания? Несомненно, это наши знаменитые земляки Л. Н. Трефолев, Ф. И. Толбухин, П. И. Батов. И менее известные ярославцы: член-корреспондент Академии наук СССР А.А. Сауков – геохимик, открывший ряд месторождений редких металлов, Ю.А. Билибин – ученый-геолог, открывший ряд золотоносных месторождений, М.А. Рыкачев – известный климатолог и воздухоплаватель, А. З. Зиновьев – педагог, первый учитель великого поэта М. Ю. Лермонтова, выдающийся физиолог А. А. Ухтомский...

Заметим, что конкретно жизнь и деятельность Ухтомского изучала преподаватель Ярославского пединститута А. В. Шлюпикова, академика М. А. Рыкачева – И.Я. Поташов, но в процессе своей работы они часто обращались с различными вопросами к А. Н. Иванову. Сам же Анатолий Николаевич считал за честь увековечить имя достойного человека в памяти народной. Благодаря его стараниям мы имеем в Ярославле улицы имени Саукова, имени Рыкачева. Многие свои начинания и планы А.Н. Иванов осуществить просто не успел.

23 марта 2010 года исполнится 100 лет со дня рождения А. Н. Иванова. Светлой памяти этого талантливого разностороннего человека, ученого, профессора Анатолия Николаевича Иванова и посвящается эта работа.

Примечания:

1. Письма из архива Ярославского государственного педагогического университета имени К. Д. Ушинского.

2. Иванов, А. Н. Учитель Лермонтова А. З. Зиновьев и его педагогическая деятельность в Ярославле. Ярославль: Верх.-Волж. кн. изд-во, 1966. 135 с.

9-е Лермонтовские чтения «И звезды слушают меня...»

Палеонтолог из рода Лермонтовых

*Баранов Владимир Николаевич,
кандидат геолого-минералогических наук,
доцент Ярославского государственного педагогического университета имени К.Д. Ушинского,
заведующий геологическим музеем имени профессора А.Н. Иванова ЯГПУ*

Произведения М. Ю. Лермонтова заслуженно считают классикой русской литературы. Они запоминаются на всю жизнь. Столь богатое литературное наследство и ... всего 27 лет жизни, включая младенчество и детские годы. Отсюда и возникает вопрос, кто же такие Лермонтовы? Что это за особый род?

Родословная Лермонтовых, составленная С. А. Панфиловой, помещена в Лермонтовской энциклопедии. На мой взгляд, ее нельзя считать полной, законченной. Но из того, что мы читаем в ней, обращает на себя внимание то, что абсолютно большая часть Лермонтовых-мужчин служили в армии, имели разные чины от низших чинов до генералов, адмиралов... Чем занимались женщины-Лермонтовы в родословной, как правило, не указывается. Однако нет сомнения, что это были также одаренные природой люди. Хочу это показать на одном примере.

Правнучатой племянницей поэта являлась Екатерина Владимировна Лермонтова. Она родилась в Санкт-Петербурге в 1887 году. Здесь же, в 1942 году во время блокады Ленинграда она погибла. Последние годы она являлась научным сотрудником Всесоюзного геологического института. Ее жизненный путь лучше всего показан академиком Дмитрием Васильевичем Наливкиным, который, кстати, родился также в 1887 году. С его слов мы знаем, что Екатерина Владимировна Лермонтова блестяще закончила лицей, поступив затем в С.-Петербургский педагогический университет на естественное отделение. Курс зоологии беспозвоночных вел известный зоолог Догель, который и предложил Екатерине Лермонтовой по окончании университета остаться работать на его кафедре.

Предложение с удовольствием было принято, и Екатерина полностью отдалась научной и педагогической работе. Первоначально она выполняла обязанности лаборанта, а затем помогала вести и сама вела лабораторные и практические занятия по курсу зоологии беспозвоночных. Она неоднократно принимала участие в научных конференциях, писала научные статьи. Эта творческая работа была прервана в годы первой мировой войны. И только в 20-е годы Екатерина Владимировна оказывается в вышеупомянутом Всесоюзном геологическом институте (ВСЕГЕИ). Ее следует считать одной из первых членов Всесоюзного палеонтологического общества (ВПО), в котором она выполняла роль заведующей библиотекой и кассира общества. Имея образование зоолога беспозвоночных, Екатерина Владимировна объектом своих научных исследований выбрала трилобитов. Трилобиты – это ископаемые ракообразные, которые жили в начале палеозоя, появились в начале кембрийского периода, были широко распространены в ордовикском и силурийском периодах, количество их сокращается в последующих девонском и каменноугольном периодах, вымирают они в пермском периоде, которым и заканчивается палеозойская эра. Следовательно, все это было примерно от 300 до 500 миллионов лет назад. Территория, на которой Екатерина Владимировна проводила сборы материала, охватывает Алтай, Урал, Среднюю Азию, некоторые районы Сибири. Палеонтолог Е. В. Лермонтова являлась и, вероятно, до сих пор, ее можно считать ведущим специалистом по стратиграфии кембрийских отложений, она – непревзойденный знаток раннепалеозойских трилобитов. В своих воспоминаниях Д. В. Наливкин отмечает усердие и скрупулезность палеонтолога при работе с каменным материалом. Его, например, поразил тот факт, что из каменного образца небольшого размера ею было извлечено около 200 раковин плеченогих. Лермонтовой был написан ряд статей и солидная монография,

которая, по мнению академика Наливкина, заслуженно может считаться докторской диссертацией. Однако работа была прервана началом Великой Отечественной войны и блокадой Ленинграда.

Косвенно персона Лермонтовой откликнулась и на Ярославской земле. Главным «виновником» этого явился митрополит Иоанн (Вендланд), который последние 20 лет своей жизни возглавлял Ярославскую епархию. Известно, что некоторое время семья Вендландов проживала в Крыму, но после смерти отца семейство переезжает в Петроград и поселяется у Лермонтовых, в семье родной сестры Николая Антоновича, отца будущего ярославского митрополита Иоанна. Здесь и происходит знаменательная встреча Кости Вендланда с Екатериной Лермонтовой. «Знаменательность» заключается в том, что увлеченность Екатерины геологией, палеонтологией и авторитет двоюродной сестры имели для Кости решающее значение в выборе будущей профессии. Он решил стать геологом. В 1925 году Константин Вендланд поступает на геологический факультет Ленинградского горного института. Екатерина Владимировна Лермонтова, как было отмечено выше, в это время работает в Геологическом комитете. Она опекает своего юного родственника – со второго курса Костя параллельно с занятиями тоже начинает работать: отбирает минералы для химических анализов, обрабатывает материалы летних экспедиций. Через два года его принимают на должность научного сотрудника, и уже в качестве сотрудника он участвует в полевых работах. Непосредственными учителями Константина были такие знаменитости, как академик А. Н. Заварицкий, профессора Николаев, Лодочников и другие. По специализации К. Н. Вендланд бы петрографом. Главной темой его исследований было изучение геологии Средней Азии, Урала, Западной Сибири.

Имея большие заслуги в геологической науке, Константин Николаевич Вендланд оставался верен духовному служению. В 1934 году в Ташкенте духовным отцом Константина о. Гурием был совершен постриг Константина Николаевича Вендланда в монахи под именем Иоанна, в честь Святителя Иоанна Златоуста. В это время его геологическая работа еще продолжается, но после войны ученый-геолог с двадцатилетним стажем полевых работ, заведующий кафедрой петрографии Среднеазиатского индустриального института и одновременно тайный иеромонах, оставляет геологию и переходит к открытому церковному служению. Вклад митрополита Иоанна в духовную жизнь общества не менее значителен, чем вклад Константина Вендланда в геологию страны.

Таким образом, в лице ярославского митрополита Иоанна (Вендланда), двоюродного брата Екатерины Владимировны Лермонтовой, мы непосредственно соприкасаемся с великим Лермонтовым.

Скульптор из рода Опекушиных. Александр Васильевич Курпатов

*Зенкина Ирина Ивановна,
зав. Домом-музеем А. М. Опекушина,
с. Рыбницы Ярославской области.*

Есть на тихом сельском кладбище в селе Рыбницы три безымянные могилы, отмеченные тремя крестами, покрашенные голубой краской. Под одним из них – прах Александра Васильевича Курпатова, художника, скульптора, автора памятников, когда-то украшавших площади в шести городах России. Захоронение это недалеко от могилы другого уроженца этих мест - великого русского скульптора Александра Михайловича Опекушина. Земляки, современники, дальние родственники. Судьба соединила эти два имени. В разное время оба были крещены в одной и той же сельской церкви, жизнь обоих прошла в Петербурге, участвовали в одних и тех же конкурсах на памятники в городах России и по завершении жизненного пути были отпеты в церкви Всемилоостивого Спаса в с. Рыбницы на берегу Волги, их могилы почти рядом... И если имя и сохранившиеся работы Опекушина известны культурному сообществу, то имя скульптора Курпатова и упоминания о его творениях можно встретить только в дореволюционных изданиях. Поэтому настоящая публикация – это воскрешение из небытия еще одного имени нашего земляка. Исследователь Наталия Сергеевна Землянская предоставила сведения, полученные ею при работе в ЦГИА с фондом, содержащим документы, относящиеся к периоду поступления и учебы Курпатова в Академии Художеств. Среди документов - запрашиваемое при поступлении свидетельство Ярославской Епархии Даниловского уезда Спасской церкви с. Рыбницы. В метрической книге за 1860 год за №22 о родившихся значится, что у крестьян вотчины Госпожи Ольхиной, д. Уткино Василия Ивановича Курпатова и его жены Александры Степановны 24 сентября 1860 года родился сын Александр. Курпатов А. В. приходился двоюродным племянником Опекушиным. В своих письмах к брату А. М. Опекушина, Константину Михайловичу, он обращается как «дорогой дядя Костя», подписывается «ваш племянник». Да и имя его часто упоминается в семейной переписке Опекушиных. С годом рождения Курпатову повезло, год спустя в России произошла отмена крепостного права. А это значит, что когда пришло время, его способности и решение стать художником, скульптором привели его в столицу, он в отличие от своего великого земляка А. М. Опекушина смог учиться в Академии Художеств. Судя по материалам того же фонда в 1875г. он в качестве вольнослушателя посещал класс по рисованию гипсовых голов. На следующий год подает прошение о зачислении в число учеников по скульптуре, первая попытка из-за слабой общей подготовки оказалась неудачной (вспомним, как провалился в столичный университет его земляк поэт Некрасов), пробует поступить на следующий год, и только в 1879 году становится «академистом». Заканчивает Академию в 1885 году, представив на конкурс работу «Носильщик, несущий на плече убитого зверя». Работа была удостоена второй Золотой медали. Она и по сей день экспонируется в одном из залов музея Академии Художеств в Петербурге. Это гипсовая модель размерами 210x77x135. В 1886 году ему было присвоено звание классного художника 2-ой степени. Оставшись в Петербурге, А. В. Курпатов поддерживает самые тесные отношения с Опекушиным. Можно предположить, что мастер гордился своим молодым земляком, направлял его, привлекал к отдельным работам в своих больших скульптурных проектах. Из архивных данных Опекушина известно, что Александр Васильевич помогал Опекушину в работе над памятником императору Александру III, который был установлен в Москве возле храма Христа Спасителя.

К сожалению, архивных данных по жизни и творчеству Курпатова чрезвычайно мало. Имя его встречается в дореволюционной периодике, в архиве А. М. Опекушина. Собранные по крупицам сведения о нем хранятся архиве ДМО Ярославского художественного музея. Там же хранится и его фотография, подаренная Александру Ивановичу Скребкову, первому биографу А. М. Опекушина, где рукой Скребкова на обратной стороне указано, что Курпатов - автор шести памятников в городах России. После смерти Опекушина Скребков не раз приезжал в Рыбницы, собирал материал о

великом скульпторе. В это же время там жил и А. В. Курпатов, с которым биограф Опекушина несомненно встречался, беседовал, от которого лично получил фотографию и сведения.

Опираясь на данные архива Опекушина, на переписку с архивами и музеями Москвы, Нижнего Новгорода, Перми, Саратова и др., представляется возможным составить скромный по своей полноте список работ и произведений Курпатова. Прежде всего, следует упомянуть скульптурно-лепные работы художника. Являясь уроженцем села Боровской волости Даниловского уезда, известного центра лепного отхожего промысла, А. В. Курпатов, как и многие его земляки, предшественники, включая и великого скульптора Опекушина, на протяжении своей жизни параллельно работал и на декоративно-лепной отделке многих известных зданий. Так в 1894 году он работает на отделке здания Консерватории в Петербурге («...мы скоро опять начнем летнюю работу в консерватории...» из письма 11.02.1894; «...кончаем постройку Консерватории, осталось работы не более как на две недели и, освободившись, думаю навестить деревню» из письма 17.03.1996). Здание Консерватории в Санкт-Петербурге построено в 1891-1896 г.г. (архитектор В. В. Николь).

В 1901 году он выполняет большую скульптурно-декоративную группу для театра в Киеве. «...Был в Киеве и выполнил там большую группу для нового театра городского», январь 1901 г. Очевидно речь идет о здании нынешнего театра Оперы и балета, на углу ул. Владимирской и Ленина (здание строилось по проекту архитектора Шретера в 1898 – 1901 г.г.). По завершении строительных работ и выполнялись декоративно-скульптурные группы.

То, что имя Курпатова было известно в художественной среде России, говорят факты его участия во многих конкурсах монументально-скульптурных проектов того времени.

В 1911 году исполнялось пятьдесят лет со дня отмены крепостного права в России и приготовления к празднованию этого события начались задолго. В частности были объявлены конкурсы на создание памятника Царю-освободителю во многих городах России. Курпатов принимал участие в некоторых из них. Не все его конкурсные проекты были осуществлены. В 1901 году А. В. Курпатов принимает участие в конкурсе на памятник царю для города Саратова. «...Работаю теперь конкурс царя для г. Саратова памятника...». Судьба этого проекта неизвестна. Участвовал он в конкурсе на памятник для г.Перми («Пермские губернские ведомости» 22.01.1912г. «Пермская городская управа обратилась к нескольким художникам с предложением выслать проекты памятника и фигуры Императора. В январе 1912 года на имя городского головы пришло письмо из С.-Петербурга от художника Куропотова - так написано имя в архивной справке - первое такое предложение») и в г. Рыбинске. Как известно, конкурс в Рыбинске был выигран А. М. Опекушиным.

Из документально подтвержденных сведений мы можем с уверенностью говорить о воплощенном проекте – памятнике Александру II в Нижнем Новгороде. По данным архива Нижегородской области 27 июня 1904 года была совершена торжественная закладка памятника «на каменном основании ...была положена медная доска с выгравированной на ней надписью: в лето от сотворения мира 7412, от Рождества же господа нашего Иисуса Христа 1904 г. июня 27...(перечислены должностные лица) по проекту классного художника Александра Васильевича Курпатова, одобренному императорской академией художеств и Высочайше утвержденному в 17 день января месяца 1902 года... ». Вот как выглядел памятник, который был отлит на лучшем бронзолитейном заводе А. Морана. В газете «Волгарь» от 16.06. и 17.06. 1906г. в разделе «хроника» помещены заметки «К открытию памятника Александру II». «Вчера, 16 июня, около часу дня, на Благовещенской площади состоялось торжественное открытие памятника Александру II...Фигура императора обращена лицом к Думе, в руке – хартия... На пьедестале памятника надписи: спереди – Царю-освободителю Александру II», по бокам – надписи о важнейших его реформах – введении земских учреждений, отмены крепостного права, введения всеобщей воинской повинности. О присутствии на празднике самого автора памятника не упоминается ... (Кстати, и на открытии «вековечного памятника» Пушкину, автор – Опекушин не был ни замечен среди присутствующих, ни упомянут в хронике).

Работе над участием в конкурсе на памятник Александру II в Н.Новгороде, предшествовал конкурс проектов памятника Гоголю в Москве. Журнал «Всемирная иллюстрация» приложение к газете «Новое время», 1902 г. №9330, т.88 №4 стр. 358: «14 февраля в Малой зале Московской

городской думы под председательством великого князя Сергея Александровича проходило заседание комитета для присуждения премий за представленные на конкурс проекты памятника.... Приступив к присуждению премий, комитет становился на четырех лучших по его выбору проектах и присудил три премии. Но комитет пожелал приобрести еще проект под девизом «Волга 2-я», которому присудил также премию в 500 рублей. ...На проекте «Волга» фигура писателя покоится в кресле покоящемся на постаменте, при чем руки лежат на книге, поставленной ребром на правой ноге, взор устремлен вдаль». При вскрытии конверта под девизом «Волга 2-я» имя автора оказалось: классный художник А. В. Курпатов.

Интересны сведения об участии Курпатова в конкурсе на памятник Гермогену и Дионисию в Москве в 1913 – 1914 г. История этого неосуществленного памятника достаточно любопытна. Патриарх Гермоген и архимандрит Троице-Сергиева монастыря Дионисий были духовными вождями тех патриотических сил, которые под руководством Минина и Пожарского боролись за очищение русской земли от поляков. Предполагалось поставить им памятник на Красной площади в Москве рядом с памятником руководителям гражданского ополчения (тогда этот памятник стоял в центре площади перед Торговыми рядами и был передвинут на нынешнее место к собору Василия Блаженного при реконструкции Красной площади в советское время). Фотоснимок конкурсной модели памятника, хранится сейчас в ГНИМА им. Щусева в Москве. Сама модель по данным исследователя Ю. В. Климакова (г. Москва) была удостоена 3-ей премии. О конкурсе сказать что-либо больше не представляется возможным. Идея создания такого памятника не получила осуществления, т. к. вскоре началась Первая мировая война, и было не до создания памятников. Такая же судьба постигла и другой конкурс - на памятник к 300-летию дома Романовых, который должны были установить в Костроме – городе «колыбели» династии Романовых. В 1911 году был проведен конкурс, из полутора десятков представленных моделей, жюри выбрало три, третью премию получил А. В. Курпатов. Начались работы по сооружению памятника, успели установить постамент и даже были завезены некоторые скульптуры для этого многофигурного памятника. Однако, события того времени (война и последовавшая революция в России) не дали возможности осуществления этого замысла.

В завершение скромного перечня доступных для нашего внимания на данное время работ нашего земляка следует упомянуть небольшую живописную работу – акварельный портрет Якова Курпатова, возможно, деда скульптора. Портрет находится в Ярославле у одного из потомков семьи Курпатовых .

В фондах Ярославского художественного музея хранится бронзовый барельеф - медальон с профильным изображением Наталии Степановны Опекушиной, первой жены брата А. М. Опекушина – Константина Михайловича. Он был установлен на могильном камне на месте захоронения, в 30 – е годы прошлого столетия по непонятным причинам был варварски вырван из камня (следы на камне сохранились до сих пор). По счастливой случайности приобретен А. И. Скребковым и передан в ярославский музей.

Последние годы жизни А. В. Курпатова прошли на родине в с. Рыбницы, куда он, как и многие уроженцы этих мест, вынужден был вернуться после революции. Как прошли эти годы, чем занимался - документальных сведений нет, только устные воспоминания местных жителей. Возможно, преподавал в местной, бывшей так называемой лепной школе, где незадолго до революции обучались скульптурно-лепному ремеслу ученики земской школы. Сохранился в неплохом состоянии дом, где он жил. Точной даты смерти нет. По некоторым сведениям, умер он в 1926 году от разрыва сердца, выйдя на двор за дровами.

Профессор А. Н. Иванов: в преддверии юбилея

*Мурзо Галина Владимировна,
кандидат педагогических наук,
доцент кафедры русской литературы факультета русской литературы и филологии
Ярославского государственного педагогического университета имени К. Д. Ушинского*

В 2010 году исполнится 100 лет Анатолию Николаевичу Иванову. Профессор Ярославского педагогического института (ныне университета), палеонтолог, он известен своими трудами и в области истории науки, в частности как автор книг о Константине Дмитриевиче Ушинском, а также о его предшественнике на посту профессора Демидовского лицея, преподавателе словесности Алексее Зиновьевиче Зиновьеве – учителе М. Ю. Лермонтова и одном из первых ярославских краеведов. Сделанное А. Н. Ивановым в сфере просветительства горожан, культурного созидания трудно переоценить. В аспекте культурной значимости может быть рассмотрена даже биография ученого¹.

Родился Анатолий Иванович 23 марта 1910 года в селе Бересток Севского уезда Орловской губернии в семье учителя начальной школы². Средняя была в Севске, и мальчик окончил ее в 1928 году. Время, так круто изменившее жизнь страны, требовало проявления общественной активности: вчерашний школьник-выпускник начал работать ликвидатором неграмотности в одном из ближних сел. Преуспев на выбранном поприще, он уже в 1929 году утвердился в качестве учителя начальной школы села Чемлыж все того же Севского района. Полученный опыт не разочаровал. Больше того, через два года молодой сельский учитель поступил в Московский государственный педагогический институт, а там - прошел срок - успешно окончил его «по биологическому отделению» в 1935 году. Студентом Анатолий Иванов оказался неординарным: увлекся, углубил свои познания в геологии настолько, что после успешной защиты диплома был оставлен в аспирантуре на кафедре геологии, став многообещающим учеником известного профессора Ворсанофьева. Самостоятельное исследование, как и предполагалось, завершил в 1938-ом году, а в сентябре 1939-ого блестяще защитил диссертацию на степень кандидата геолого-минералогических наук в Ленинградском университете, завоевав признание авторитетных столичных ученых. По прошествии положенного срока, в мае 1940-ого, ВАК присудил А. Н. Иванову звание доцента. Планируемая цель была достигнута.

Однако профессиональная деятельность в новом качестве и ответственной должности преподавателя вуза началась для него раньше. Будучи аспирантом, Анатолий Николаевич проводил практические занятия по исторической геологии, читал курс палеонтологии и давал консультации по этим дисциплинам в «заочном секторе» МГПИ. После окончания аспирантуры был направлен Народным комиссариатом просвещения в качестве и.о. доцента по геологии в Мордовский педагогический институт, в Саранск. Истек год работы, и из-за недостаточной академической нагрузки новоиспеченный доцент вернулся в Москву, чтобы продолжить чтение лекционных курсов по геологии и минералогии на заочном отделении естественного и географического факультетов МГПИ. Тогда же ему открылась чрезвычайно привлекательная возможность поработать в Палеонтологическом институте АН СССР сначала младшим, а затем и старшим научным сотрудником.

Следующий этап биографии А. Н. Иванова знаменовал начало его карьеры в качестве организатора учебного и исследовательского процессов: в июне 1940 года он получил должность и.о. заведующего кафедрой геологии и минералогии Ярославского государственного пединститута. Руководство института, принимая во внимание частные интересы ученого, разрешило ему

¹ Материалом для статьи послужили документы, сохранившиеся в архиве Ярославского государственного педагогического университета имени К.Д. Ушинского.

² Близко знавшие А.Н. Иванова утверждают, однако, что официальные анкетные данные, в силу известных обстоятельств, несколько подправлены им: учитель не единственная ипостась отца, бывшего одновременно или до этого священником. Главное, он понимал значимость образования для детей и, как мог, обеспечивал и пропагандировал его.

совместительство должностных обязанностей с работой в престижном Палеонтологическом институте при условии пребывания в Москве исключительно в период зимней сессии - январе и феврале текущего учебного года.

Трудности, связанные со строгой регламентацией деятельности, не пугали, но коррективы внесла война. Вместе со студентами А.Н. Иванов участвовал в строительстве оборонительных сооружений на подступах к Ярославлю и являлся руководителем геологической экспедиции, проводившей на территории Ярославской области изыскания полезных ископаемых, столь важных для удовлетворения нужд воюющей страны. «Родина оценила его заслуги», и в мае послевоенного 1947 года Президиум Верховного Совета СССР наградил ученого медалью, которой тот очень дорожил в последствии – «За доблестный труд в Великой Отечественной войне».

Движимый патриотическими чувствами, А. Н. Иванов еще в 1944 году вступил в коммунистическую партию, став ее активным членом. Мирная жизнь открывала новые горизонты, не препятствуя, казалось, никаким смелым планам. А в планах А. Н. Иванова не было ничего не соответствующего его возможностям. К этому времени он женат, имеет сына, достойную работу: с 1948 по 1949-ый год исполняет обязанности декана естественного факультета и заведующего кафедрой химии. В 1950-ом Ученый совет института дает высокую оценку его многосторонней деятельности и ходатайствует о «прикомандировании» кандидата Иванова А. Н. к Академии наук СССР для написания и защиты докторской диссертации, тема которой формулируется так: «Очерки по истории палеонтологии в России до 60-х годов XIX века». Формулировка, конечно, условна, но автором уже были написаны две объемные главы и составлен подробный план дальнейшего поиска.

При всей заведомой шаблонности содержания и рутинности языка, впечатляет официальная «Характеристика» А. Н. Иванова, содержащая указания на его научные достижения, мастерство преподавателя, усилия руководителя, партийные и общественные заслуги, вполне соответствующие духу тех лет: состоит в партбюро факультета и института, участвовал в работе городских избирательных комиссий, был доверенным лицом кандидата в депутаты Верховного Совета СССР, является членом Всесоюзного общества по распространению политических и научных знаний, выступает с популярными лекциями пред населением, опубликовал ряд просветительских статей в газете «Северный рабочий», а в помощь учителям издал книгу «Геологические экскурсии по Ярославской области».

Его профессиональные успехи отмечены почетной грамотой партийного и хозяйственного руководства области. Тем более неожиданно (если принять во внимание, что рекомендуемые А. Н. Иванова в докторантуру в «чистоте помыслов» и основательности исследовательских намерений своего коллеги не сомневались, а в повышении научной квалификации институтских кадров были крайне заинтересованы) Ярославский обком партии высказался «против».

С большой степенью достоверности можно предположить, что причиной тому являлись репрессии против отца и военное прошлое семьи. Отец в 1931-ом году был осужден Смоленской коллегией ОГПУ и приговорен к 10 годам заключения по 58-ой статье, как «враг народа». Отбывал наказание в исправительно-трудовых лагерях на строительстве Беломорканала. Однако в 1932-ом году, после пересмотра дела прокуратурой республики, полностью оправдан и освобожден с правом проживания в любом месте СССР. В войну родители и сестра А. Н. Иванова оказались на оккупированной территории. На немцев не работали, но избежать предвзятого к себе отношения властью наделенных людей не могли.

Досада не лишила А. Н. Иванова пыла в исполнении своих обязанностей, реализации научных проектов, хотя ближайшие планы менялись, дальние - ширились. В 1960-ом году, в связи с пятидесятилетием, его заслуги перед государством вновь отмечены почетной грамотой Верховного Совета РСФСР, медалью «За трудовую доблесть» и нагрудным значком «Отличник народного образования». У него более сорока значительных научных исследований по геологии, палеонтологии, истории отечественной науки и краеведению, опубликованных в местных и центральных изданиях, несколько научно-популярных книг. Среди них «Материалы о К. Д. Ушинском как редакторе “Ярославских губернских ведомостей”», «Ярославская печать о К. Д. Ушинском», «К. Д. Ушинский в Ярославле».

Теперь Ярославский пединститут ходатайствовал перед Академией педагогических наук РСФСР о награждении А. Н. Иванова медалью К. Д. Ушинского за ценные изыскания, связанные с жизнью и деятельностью последнего в Ярославле. Президиум Академии принял положительное решение и в декабре 1964 года присудил А. Н. Иванову почетную Вторую премию имени Ушинского.

Еще в 1962-ом году А. Н. Иванов был переведен на ставку старшего научного сотрудника для завершения докторской диссертации. Увы, изменившаяся научная конъюнктура, результаты новейших исследований потребовали внесения серьезных коррективов в почти законченную диссертацию. Отведенные два года перестали устраивать Иванова, и он вернулся к преподавательской работе, ограничившись рядом оригинальных публикаций в рамках заявленной темы. О том, что они были высоко оценены специалистами, свидетельствуют следующие факты: ленинградский профессор Б. Е. Райков, старейший историк науки, приглашал А. Н. Иванова к участию в работе руководимой им группы, входящей в состав научно-исследовательского института АН СССР, а Национальный комитет геологов СССР предложил выступить в секции истории геологии на международном конгрессе в Праге. Палеонтологический институт АН СССР, в котором он начинал свою самостоятельную деятельность ученого, хотел видеть его среди авторов монографии об основателе института академике А. А. Борисяке.

Сугубо личные обстоятельства, побудившие А. Н. Иванова на год покинуть Ярославль (с декабря 1965 по сентябрь 1966 года он пребывал доцентом кафедры географии Псковского пединститута), не лишили его возможности вернуться в ставший родным ярославский вуз, отдать должное доверию и расположению коллег, с которыми Анатолий Николаевич будет делить свои каждодневные труды еще не одно десятилетие.

В январе 1974 года кафедра физической географии просила Совет института ходатайствовать перед Высшей аттестационной комиссией о присвоении Иванову А. Н. ученого звания профессора по специальности «палеонтология и стратиграфия» без наличия степени доктора наук. Ходатайство было подкреплено весомым Отзывом о печатных работах А. Н. Иванова, данным Ученым советом геологического факультета Московского университета и не менее убедительным Отзывом секции региональной нефтяной геологии Ученого совета ВИИГРИ. Список высоко оцененных работ составлял уже более ста двадцати наименований, а дело утвержденного в звании и должности профессора А. Н. Иванова достойно продолжали вместе с ним его ученики.

Много сил по-прежнему отдавалось ученым общественной работе, формы которой были весьма разнообразны. В семидесятые годы Анатолий Николаевич (совместно с представителями кафедры философии) руководил теоретическим семинаром по философским вопросам современного естествознания, был заместителем председателя библиотечного совета института и отвечал за секцию комплектования литературы. Одновременно он состоял членом постоянной комиссии по науке при парткоме института, географического отдела редакционно-издательского совета, факультетской конкурсной комиссии, был заместителем председателя бюро институтской организации книголюбов и руководитель кружка «Ярославский библиофил».

И вне институтских стен А. Н. Иванов был необыкновенно востребован: участвовал в работе совета ВООП, заседаниях архитектурной секции ВООПИК, возглавлял секцию охраняемых природных территорий, заседал в научно-методическом совете общества «Знание» и городского планетария, сотрудничал с естественноисторической секцией музея-заповедника, Ярославским отделом географического общества СССР, безотказно выступал с лекциями перед учителями.

Небезынтересно будет добавить, что со студентами А. Н. Иванов легко находил общий язык и за пределами вузовской аудитории, что доказали полевые практики по геологии и поездки в качестве сопровождающего группы за границу – распространенный в семидесятые годы вид студенческого научно-познавательного туризма.

Незадолго до семидесятипятилетия А. Н. Иванов был отмечен нагрудным знаком «За отличные успехи в работе», а в юбилейный 1985-ый год переизбран на следующий пятилетний срок преподавания. Это был и год пятидесятилетия его самоотверженной научно-педагогической деятельности. По просьбе юбиляра чествования не проводили, но памятный билет с его портретом был выпущен в институте и проникновенные слова поздравлений были сказаны.

Весь 1986 год А. Н. Иванов еще исправно выполнял обязанности профессора на ярославской кафедре, отправился даже в роли командированного в Архангельск, а в октябре 1987-ого сам заявил об уходе на пенсию.

Этот шаг требовал от ученого немалого мужества. «...Не так жаль расставаться с жизнью, как расставаться с трудом, - были последние слова А. З. Зиновьева, упоминавшегося нами героя одной из научно-популярных книг А. Н. Иванова. Эти слова мог сказать и он сам. А мы завершим юбилейную статью торжественными словами того же А. З. Зиновьева: «...если бы полезный труженик и не желал награды – он никогда не укроется от общей любви и признательности».

Составители: заведующая
информационно-библиографическим отделом
Ярославцева И. В.,
библиограф Мельникова Л. В.

ЦБ им. М. Ю. Лермонтова, 150049,
г. Ярославль, пр-т Толбухина, д. 11
Телефоны:
директор: +7(4852) 21-07-34
информационно-библиографический отдел:
+7(4852) 45-86-98
организационно-методический отдел:
+7(4852) 45-75-17

e-mail: foton@clib.yar.ru

www.clib.yar.ru